
Россия, Русь! Храни себя, храни!

9
2013

Союз писателей России

**Ежемесячный литературно-художественный
и общественно-политический журнал**

Основан в 1922 году

В НОМЕРЕ:

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Борис ВИНОГРАДОВ. Тупик либеральной смуты	3
Владимир ОСИПОВ. Электронное рабство	23
Михаил АНТОНОВ. Русский идеал и корпоративное государство. Продолжение	69
Александр ГОРБАТОВ. Те же демоны веют над нами	120
Татьяна ВОЕВОДИНА. Дети в голове, а не в кошельке	125

ПРОЗА

Александр ВЛАДИМИРОВ. Водоворот. Повесть	33
Юрий ДОБРОСКОКИН. Рассказы	132
Иван УХАНОВ. Побег. Рассказ	166
Валерий РУМЯНЦЕВ. Двери открываются автоматически. Рассказ	207
Михаил ЛОКОЩЕНКО. Миниатюры	217

ПОЭЗИЯ

Денис КОРОТАЕВ. Свет и ток. Стихи	110
Дмитрий МИЗГУЛИН. Видна была Россия... Стихи	115

Борис ОРЛОВ. Под Божьей ладонью. Стихи	176
Ольга КОЗЛОВЦЕВА. За окном у меня. Стихи	180

РУССКИЙ ВОПРОС

Игорь БОЙКОВ. На службе врагов России	183
Александр ШУМСКИЙ. Величие или смерть?	196
Валентина СОЛОГУБ. На костях разгромленной Москвы...	200
Иван ГЛАДИЛИН. Вместо терпимости — «толерантность»	204

ДОСЬЕ «МГ»

Николай МАЛИШЕВСКИЙ. Революция Иосифа Сталина	225
Воры во власти. Подборка материалов о коррупции в России	233

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Леонид МАСЛОВСКИЙ. Курская битва	254
---	-----

СИМВОЛ ВЕРЫ

Виктор САУЛКИН. Традиционные ценности и либеральная секта	269
--	-----

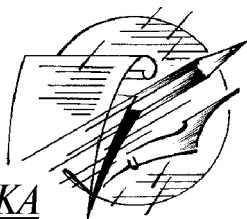
ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

Валерий ЧЕРКЕСОВ. Прислушайся...	275
---	-----

ТУПИК ЛИБЕРАЛЬНОЙ СМУТЫ

Напомню кратко этапы развития и гибели Советов. Еще в ходе первой русской революции 1905 года Ленин отозвался о Советах как органах власти. В «Апрельских тезисах» он писал: «Не парламентарная республика — возвращение к ней от С.Р.Д. было бы шагом назад, — а республика Советов рабочих, батрацких и крестьянских депутатов по всей стране, снизу доверху». (С.Р.Д. — Совет рабочих депутатов). Идейной основой Советов было народовластие с равными избирательными правами граждан в отличие от сословного принципа выборов в царскую Госдуму последних созывов. В отличие от западного парламента, выполняющего только законодательные и представительские функции, Советы стали властью «снизу доверху», являясь представительными, законодательными, распорядительными и контрольными органами. Свои полномочия они исполняли непосредственно или через создаваемые ими государственные органы. Административные и судебные органы были подотчётны Советам.

На первоначальном этапе в Советах существовала многопартийность как в

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

нормальном представительном органе. Но после разгрома в июле 1918 года восстания левых эсеров и запрета их партии Советы попали под полный контроль большевиков. Лозунги кронштадтского восстания (март 1921 года): «Власть Советам, а не партиям!» и «Советы без коммунистов!» привели к жестким решениям X съезда РКП(б) о единстве партии. В июле 1921 года Сталин дал определение: «Компартия как своего рода орден меченосцев внутри государства Советского, направляющий органы последнего и одухотворяющий их деятельность», которое стало политическим руководством для советской власти.

После образования СССР были постепенно отменены ограничения избирательных прав, введены всеобщие, равные и прямые выборы депутатов из кандидатов «блока коммунистов и беспартийных». Обладая многими достоинствами, советская модель была отмечена главным пороком однопартийной системы. КПСС руководила Советами всех уровней (от сельского до Верховного Совета). Формально Советы были властью, но фактически подчинялись решениям соответствующего партийного аппарата, в первую очередь, по ключевым кадровым вопросам и направлениям социально-экономического развития.

14 марта 1990 года в Конституцию СССР были внесены ключевые поправки: отменена статья о руководящей роли КПСС, учрежден пост президента СССР, введены многопартийность и институт частной собственности. После событий 19—21 августа 1991 года последовал роспуск КПСС, отстранение от власти председателей облисполкомов — «пособников» ГКЧП в ряде областей, введение в действие «исполнительной вертикали» во главе с президентом РФ. До конца 1991 года шел процесс замены председателей облисполкомов на глав администраций (губернаторов) регионов. В 1992 г. была введена процедура назначения губернаторов по инициативе президента РФ с учетом одобрения Верховным Советом.

В ходе политического кризиса осенью 1993 года президентом Ельциным с нарушением действовавшей Конституции был распущен Верховный Совет РФ. В течение нескольких месяцев президент РФ осуществлял режим диктатуры, реализуя всю полноту власти в стране. В декабре была принята новая Конституция, которой предусмотрено разделение властей на законодательную, исполнительную и судебную ветви. По ней президент РФ является главой государства, а не исполнительной власти, установлены его важнейшие функции, в первую очередь, гаранта Конституции РФ, прав и свобод человека и гражданина. Советскую законодательную

модель власти заменили парламентской с двумя палатами: Госдума и Совет Федерации.

Выборы депутатов по смешанной системе (партийные списки и одномандатные округа) проходили в Госдуму I—IV созывов. С 2007 года депутаты избираются по партийным спискам. Конституционное большинство, полученное единороссами в 2003 году за счет депутатов-одномандатников, дало партии (а фактически Администрации президента) контроль над Госдумой.

Госдума уже в IV созыве упустила инициативу в сфере законодательной работы. Основные законопроекты готовит исполнительная власть. В таком представительском режиме Госдума существует поныне, проходя путь своей деградации. После повторной «победы» единороссов на выборах 2007 года, цинично использовавших административный и силовой ресурс, вбросы и фальсификации, легитимность Госдумы в общественном сознании получила крупную пробоину. Но социально-экономический кризис, страх перед будущим вызвал политическую пассивность населения. С результатами смирились.

Однако выборы в Госдуму в декабре 2011 года и очередная «победа» единороссов привела к другим последствиям. Результаты выборов вызвали гражданскую протестную активность. В итоге мнение о нелегитимности Госдумы закрепилось в народе, это запустило механизм ее саморазрушения. Многие люди равнодушны не только к выборам, депутатам, но и к самой Госдуме как институту власти. Даже серьезный информационный повод — публичное изгнание из нее активного оппозиционера за «бизнес во власти» не привлек должного внимания населения. Многочисленные скандалы и законодательная работа перестали вызывать живой интерес у людей, являясь лишь почвой для спекуляций в интернете, публикаций в российских либеральных и западных СМИ.

Для повышения интереса к Госдуме властью принимаются различные меры. В начале года было активно разыграно частное событие: «добровольный» уход депутата от единороссов, уличенного в бизнесе. Провели PR-кампанию о «честности и порядочности» единоросса и «цеплянии за депутатское кресло» ранее изгнанного депутата. Затем последовала массовая публичная демонстрация «грязного белья» думцев. Но даже проблема депутатской чести давно перестала волновать избирателей, которые понимают, что она избирательно актуализируется по политическим мотивам и конкретным персонажам. По сути выдвинутых обвинений не было судебных решений, межпартийная комиссия «по судьбам», как

партком советской эпохи, решала: оставить их «своими» или изгнать. Никто даже не задумался над тем, что практика бессудных обвинений в высшем органе законодательной власти не спасла Госдуму, а лишь закрепила ее нелегитимность в глазах людей.

Авторитет (если применимо это слово) Совета Федерации давно находится в нижней точке с тех пор, когда отменили прямые выборы. Затем из него выбросили действующих губернаторов и спикеров законодательных собраний регионов, а чиновники Администрации президента начали манипуляции с его составом. Тогда впервые появились сенаторы, не имевшие вообще никакого отношения к региону. Сенаторами стали сотрудники известного университета в Санкт-Петербурге, родственники ответственных товарищей, работники федеральных структур, друзья и коллеги по бизнесу губернаторов и прочих господ. Близкий к руководству страны тогдашний спикер СФ получил удивительное право пускать или не пускать в «свою» палату новых сенаторов. Некоторые богатые и «успешные» члены СФ просидели в своих креслах более десяти лет. Не устав от безделья, они дождались «за давностью» окончания срока своего возможного уголовного преследования, после этого убыли из страны. Другие, богатые, но «неуспешные» не досидели нужный срок в СФ и выслушали приговор суда.

Для придания хоть какой-либо легитимности такому СФ были приняты законодательные поправки о необходимости сенатора стать депутатом любого уровня в регионе и таким образом как-то «привязать» сенаторов к месту на карте России. Но и это не привело к повышению авторитета СФ. Привязывание кандидатов в сенаторы к выборам губернаторов явилось очередной попыткой искусственного оплодотворения этого органа, пребывающего в глубоком системном кризисе. За последнее десятилетие всему миру было показано его бесправие, бессилие, конформизм. Маятник истории в 2011—2012 годах резко качнулся, события поставили крест на обеих палатах — «люльках власти». Госдума и Совет Федерации выпали из системы реального влияния на судьбу страны, подтвердив нынешний тупик партийного и государственного строительства.

Президент страны — не только важнейший субъект мировой и российской политики, но и продукт отечественной политической истории, субъектом и объектом которой поневоле является население страны. У него тоже есть срок годности, а выпадение этой «люльки» крайне опасно для страны. Население России это четко понимает. Все изучали траги-

ческий конец царской России, помнят недавний развал СССР. Поэтому у оппозиции, жестко «наезжающей» на президента РФ, пока немного шансов добиться успеха. Большинство граждан России равнодушно к ней. Но ситуация может измениться.

Приказало ли долго жить разделение властей и парламентская модель в России? Может быть, у нас деградировала властная элита и часть нации, а как следствие, ослабло государство? И стоит лишь потерпеть и все наладится?

Во всяком случае, легковесных решений и ответов быть не может, ибо они влияют на судьбу страны. Но эксперименты с устройством и структурой власти, периодическими сменами законов о «выборах — назначениях» надо завершать. Не закрепляясь в сознании людей, они создают опасную для России перманентную неустойчивость. Надо сверху вниз провести инвентаризацию состояния дел и законодательно отрегулировать нерешенные вопросы.

Например, в России законами регулируется деятельность правительства РФ и судебной власти. Однако отсутствуют федеральные законы об Администрации Президента, Совете безопасности, Госсовете. Хотя они являются ключевыми структурами власти Президента и органами государственной власти, их деятельность регулируется не федеральными законами, а подзаконными актами, что в принципе должно носить временный характер. Это затянулось уже на два десятка лет! Может быть, президенты все эти годы руководствовались словами Спинозы о верховной власти, которая «не связывается никаким законом, но все должны ей во всем повиноваться»? Но ведь мы живем сотни лет спустя после этих слов! Пора начать с головы и законодательно определить полномочия и ответственность этих органов. И так действовать далее по всей вертикали и ветвям власти.

Полномочия Конституционного Суда РФ определены Конституцией. В ходе осуществления конституционного контроля он вполне может выступить с требованием принятия нужных законов в целях развития российской государственности. По обращениям президента и иных субъектов, перечисленных в статье 125 Конституции, Конституционный Суд вправе высказать стране свое квалифицированное суждение о выборах или назначении губернаторов, которые входят в единую систему органов государственной власти, порядке формирования Совета Федерации, реальном положении органов местного самоуправления в системе властных органов России. По букве и по духу Конституции вопросы развития государства входят в сферу его компетенции.

Если сформулировать общие требования к устройству власти на основе не только буквы действующей Конституции, но исторической традиции, то губернаторы должны назначаться. Относительно местного самоуправления ситуация по Конституции и традиции тоже вроде бы очевидна. Должны быть пресечены любые попытки навязывания ему подотчетной роли элемента государственной власти.

Эта позиция может отличаться от мнения депутатов Госдумы. Исхожу из того, что Конституционный Суд решает задачи конституционного контроля, а его члены имеют право высказать позицию по вопросам развития российской государственности. Как и граждане России. На пользу стране.

В тупике

Суть либерального тупика в том, что, быстро разрушив старое, либералы-большевики не создали в течение 20 лет новое, которое было бы лучше того, что они разрушили. Логика либеральных реформ в России подтвердила истину, что новое никогда не бывает полноценным, когда авторы стоят на идейном фундаменте: «Сломаем все быстро и до основания». Они, как мародеры, сломали, а затем ограбили израненную страну в 90-е годы, создали систему тотальной коррупции. В итоге многие из них стали олигархами и миллиардерами.

Их реформы системы государственного управления, собственности, экономики, пенсионного обеспечения, медицины, образования, армии и правоохранительных структур, иных сфер жизнедеятельности людей не привели к положительному результату. Много ими порушено, сделано наспех и во вред России. Их самоуверенная наглость и жадность, безответственность и обман людей стали причиной ненависти к ним большинства населения. Они разрушили присущую русскому миропониманию сакральность власти, показав, что в нее легко может попасть любой с улицы и даже из подворотни. Были бы связи, деньги и разговорная речь. Не востребована бескорыстная и эффективная работа на страну и людей. На себя — пожалуйста. Нынче уже их следующее поколение рассказывает всем нам свой путь к «успеху». О том, как в молодости «делали бизнес», поведали Бельх (скупал ваучеры) и Прохоров («варил джинсу»). Оба в итоге стали крупными бизнесменами и политиками. Типичная американская история успеха: Джон слез с дерева... и пошел в бизнес и власть. Неужели мы так оглупели, чтобы слушать их?

За редким исключением у «либералов» 90-х годов нет ничего общего с истинными либералами. Назову лишь некото-

рые имена русских либералов, ставших гордостью России: М.М. Сперанский, князя Д.И. Шаховской, П.Д. Долгоруков, А.И. Васильчиков, Н.С. Волконский, С.Н. и Е.Н. Трубецкие, выдающиеся ученые В.И. Вернадский и С.А. Чаплыгин, братья Ф.Ф. и С.Ф. Ольденбурги. Многие же нынешние «либералы» — наследники г-на Корейко из «Золотого теленка» стали позором России.

Сегодня главный вопрос о векторе нашего движения: в исторический тупик самоизоляции второсортной страны или возврат к мировой державе. У нынешней российской власти нет продуманной политики развития страны и устойчивых убеждений. В основе ее действий — прагматизм, корпоративизм, вертикаль власти, «ручное управление», сохранение баланса сил в российских верхах между силовиками-консерваторами и либералами-прагматиками. Для самосохранения власть периодически порождает управляемый хаос, используя дихотомию в элитах: «торговцы-силовики». При необходимости она формирует группировку «либералов» и «патриотов» и сталкивает их, создает междоусобицу в рядах своих основных оппонентов — русских националистов. У самой власти размытые предпочтения «центра», что, по определению князя Кропоткина, соответствует политическому «брюху».

Хотя усталость, накопившаяся за двадцать лет реформ, отбила у многих людей активность, итоги выборов в Госдуму 2011 года дали старт протестному гражданскому движению во многих городах России. Власти не ожидали такой реакции. В Москве на первые общегражданские митинги собрались десятки тысяч человек. Они выдвинули требования отмены итогов выборов, отставки председателя ЦИК, проведения честных выборов и другие. Смелость и азарт участников — далеких от политики людей разных взглядов и имущественного положения — соответствовали словам поэта: «Коль не подлую власть, то самих мы себя перебором». Высшая власть отреагировала, сказав о необходимости реформировать политическую систему и предложив диалог с оппозицией. В гражданские акции активно включились политические силы разного толка: от либералов до национал-демократов.

У оппозиционеров сразу же началось «головокружение от успехов», которых реально не было. Литераторы с богатым воображением, безответственные философы и политологи, их коллеги с берегов Туманного Альбиона начали обсуждать перспективы и возможность победы очередной «русской революции». Удивили наши новые народовольцы «от профессуры»: всё зло, мол, от верховной власти. Уберем царя — на-

станет полное благолепие. Так любой бунт можно превратить в легенду, не имеющую отношения к реальности. Типичный либеральный миф: раз против царя — значит, святые. Какое-то глобальное непонимание исторического процесса, неумение взглянуть в прошлое и просчитать будущее, что должен уметь делать как политик, так и ученый.

Реальную власть в протестном движении захватила либеральная группировка, демонстрируя политическую агрессивность и провоцируя обострение ситуации накануне выборов президента РФ в марте 2012 года. Движение радикализилось, инициативу в нем перехватили прозападные «агенты влияния». Возможность конструктивного гражданского диалога с властью была упущена. Ситуация зашла в тупик. В поддержку Путина были проведены многотысячные митинги в стране, его сторонники показали свою силу. Выборы завершились его убедительной победой.

Острое противостояние оппозиции и власти произошло 6 мая 2012 года во время «Марша миллионов» против инаугурации Путина. Оно привело к массовым беспорядкам, дракам участников акции с полицией, их задержаниям и возбуждению уголовных дел. Гражданское движение массово «подставилось» под ответные удары силовиков. Дальнейшие протестные акции собирали все меньше активных участников-горожан. Вступать в ряды революционеров они не спешили. Лозунг «За честные выборы» утратил актуальность, новых идей у организаторов не нашлось. Борьбу за стабилизацию власть завершила победой.

Во второй половине 2012 года власть осознанно пошла на обострение. Раскол общества стал перманентно активироваться консервативной и либеральной частями элиты. На центральных ТВ-каналах показали «фильмы ужасов» про оппозицию. Отступая, либеральное меньшинство уходило в подполье социальных сетей. Апеллируя к западным государствам, оно взрывало за собой мосты, закрепляя мнение о себе, как о «пятой колонне». Власть пыталась сплотить вокруг президента население, нагнетая «образ врага».

Стало ясно, что ситуацию, вышедшую из берегов, нужно «подморозить», и ответ власти четко проявился в конце 2012 года. В самой власти началась показательная борьба с коррупцией. В отношении оппозиции — жесткие наказания за деятельность вне закона. Крики «о деспотии» Путина оказались неуместны, он пошел проторенной еще императором Александром III дорогой. Именно русский царь Александр III системно осуществил подморозку страны, и она пошла на пользу России. Он вошел в историю как Государь, а не дес-

пот. Адекватная власть — жесткая конструкция, она всегда устраняет противоправные действия, угрожающие существованию государства и самой власти. Но ее суть не только в этом. В подсознании нынешней власти заложена память о том, как в XX веке шла вразнос Россия после «разморозок». Сейчас одни лидеры оппозиции отъедут на отдых в далекие края, другие будут посещать СК РФ для бесед о причастности...

Однако заморозка — процесс периодический, важно не сделать его постоянным. Иначе можно получить смиренное кладбище вместо инновационного развития.

Запрет на иностранное усыновление российских детей-сирот, включенный в «антимагницкий» закон, стал одновременно источником и индикатором управляемого раскола в стране. Если он был задуман в АП, значит, там сидят повара, которые умеют готовить острые блюда. Важно, чтобы умели правильно взвесить последствия обсуждаемых поправок к нему и плохого исполнения закона.

Например, внесенная поправка, разрешающая иностранцам усыновлять детей-инвалидов, усугубит ситуацию в случае ее принятия. Для нормального человека она вообще за пределами чести и совести. Ибо она предлагает узаконить бесстыдный государственный цинизм по отношению к нашим детям-инвалидам: «Берите, западники, то, что нам не годится». Но мы обязаны сами заботиться обо всех наших детях! Надо лечить их по высшему разряду, в том числе за рубежом, но не менять закон, показывая всему миру свое жлобство. Нельзя никому отдавать своих детей, коль «взялись за гуж». Плохо будут развиваться события, если всем детям не будет обеспечена достойная жизнь. Мы же приняли нравственный, а не обычный закон! Мы не имеем права своими поправками и действиями превращать его в безнравственный.

Патриотизм — любовь к Родине без излишнего и надрывного пафоса. Это внутреннее состояние души не зависит от положения и востребованности человека в обществе. В довоенное время целенаправленное воспитание у молодежи советского патриотизма привело к победе в Великой войне. Хорошие воспитатели были у тех, кто восстановили страну, освоили целину и космос, построили заводы и ГЭС, проложили БАМ. Не длинный рубль манил многих из них, а романтика и патриотизм. Когда в перестройку прозвучали слова о БАМе как о «дороге в никуда», бамовцы были возмущены и растеряны. Многие из них покинули Дальний Восток. Так создавали разруху в головах и рушили страну.

И в те времена немало было молодых карьерных «патриотов». Как правило, в студенческих стройотрядах они не при-

живались после первой же поездки. Там надо было вкалывать, а не призывать к свершениям. Их число возросло в конце 80-х, начале 90-х годов, таких называли «комсомольскими мальчиками». Те из них, кого выкидывали из обоймы, теряли лицо, озлоблялись и спивались. Другие, «успешные», превращались в удачливых бизнесменов, жестоких и жадных. Третьи, громкоговорители типа: «Партия сказала «Надо!», комсомол ответил «Есть!» — устроились в новой власти.

Сейчас молодых карьерных «патриотов» стало намного больше, это говорит о деградации страны. Стремление многих — из студентов напрямую в большие начальники. Ни в рабочие или инженеры на завод или стройку, а в чиновники с мягким креслом и машиной под задом. Надо лишь провести «неделю ненависти» к врагам-оппозиционерам, массовки по заданию куратора — и карьерный рывок обеспечен. При этом надо успеть получить диплом (социолога/ политолога/ экономиста/ юриста/ менеджера) и прочие пропуска к номенклатурному счастью. Дел много, надо «крутиться».

За бюджетный, т.е. за наш счет их вырачивают на Селигере. Они уже мечтают о дополнительных инкубаторах в Страсбурге и США: «Отсель грозить мы будем шведу». Лучше всего было бы во главе с вождями-якименками послать их на Дальний Восток, хотя бы лет на пять. Конечно, не по этапу, как в роковые 30-е и 40-е, а за зарплату. Ибо риск его потерять стал уже очевидным. Или в русское Нечерноземье, на стройки и в сельское хозяйство. Стране полезно увеличить там население «нашими» активистами.

Ведь кому, как не молодым патриотам, поднимать и возрождать страну? Но «наши» вряд ли поедут, а подобное предложение объявят антипатриотической провокацией. Самые прагматичные из них проскочили в Думу. Сидя там, они уже готовы вести страну в прекрасное будущее. И заведут, ибо «зоркость этих времен — это зоркость к вещам тупика».

За неимением больших достижений в тупике Великая Победа позволяет власти эксплуатировать тему патриотизма. Чувство вины за развал Союза могло бы объединить людей для его возрождения, но мы упустили время. Власти, элиты и чиновники СНГ не допустят этого. Остались евразийские декларации.

Сталин и Путин

В народе всё более нарастает интерес к фигуре И.В.Сталина. Одни говорят о необходимости новой революции. Другие ожидают в Путине-2 реинкарнации имперского Сталина. Возможно ли это и в каком виде?

Безусловно, Путин, как и Сталин, обладает абсолютной властью и всеми качествами крупного государственного деятеля. У Путина и Сталина вроде бы похожие истоки власти. Источник власти Путина-1 основан на договоренностях ельцинских элит. Источник сталинской власти — в тактическом сговоре с Зиновьевым и Каменевым против Троцкого. Но это лишь полуправда. Сталин еще до революции олицетворял реальную, но негромкую власть во внутрироссийском сегменте партии. Именно поэтому он в отсутствие Ленина делал политический доклад на VI съезде партии. После революции окончательно сформировался триумvirат власти: Ленин, Сталин, Свердлов. При этом Сталин и Свердлов в отличие от эмигрантов Ленина и Троцкого все годы до революции работали в России, сидели в тюрьмах, были в ссылках, имели собственные отряды боевиков-экспроприаторов. Это давало им заметное преимущество. После смерти Свердлова, будучи заместителем Ленина в Совете по труду и обороне, а затем генсеком, Сталин обрел громадную власть. Еще при жизни Ленина он стал руководителем аппарата, а затем — партии.

Уже в 1922 году была видна самостоятельная роль Сталина в ключевых вопросах развития страны. Например, отличный от Ленина взгляд на государственное устройство СССР. Широкая автономия в составе РСФСР или самоопределение вплоть до отделения входящих в Союз республик — один из примеров их принципиальных противоречий. В 1923 году Сталин начал скрытую борьбу с глобалистами-интернационалистами, сторонниками мировой революции. Если Ленин — борец с русским великодержавным шовинизмом, то Сталин уделял больше внимание проблеме национал-сепаратизма республик.

Сталин, как потом и Брежнев, после многочисленных инсультов и инфарктов сохранял всю полноту личной власти в стране. Ленин уже после первой стадии болезни фактически утратил ее. Он не успел или не сумел выстроить лично под себя систему аппаратной власти. Положение популярного вождя, закрепленное лишь на митингах, неустойчиво. При стабильной ситуации в стране власть вождя и аппарата сильнее партии и масс. Об этом говорил еще Каутский. Судьба Троцкого это убедительно подтвердила. Цена толпы возрастает в неустойчивые времена. Это подтвердили 1917 и 1991 годы.

Никто, кроме Сталина, создавшего опору в партийном аппарате, не смог бы претендовать на роль вождя, не говоря о возможности реально им стать. К 1934 году Сталин обладал

абсолютной властью, стал признанным вождем СССР. Сталин написал историю партии, а Троцкий — биографию Сталина. Это две большие разницы, как сказали бы в Одессе.

Во время войны Сталин укоротил безбожников, призвал в союзники РПЦ, тем самым признав исторические заслуги и роль Церкви. Он понимал, что русские солдаты старшего возраста воюют за Святую Русь, а не за большевиков. Возвращение Сталиным в войну элементов традиции (уважение к РПЦ, погоны, ордена с именами полководцев Империи) и Великая Победа в войне вознесли его личность на небывалую высоту в стране и мире. Своим тостом Победы он закрепил главную роль русского народа в победе над нацизмом и в стране. Победа несколько примирила большевиков и сторонников традиции. Но в ЦК КПСС зажимали «русскую партию» до развала СССР.

По ряду крупных вопросов Путин-1 вышел за флажки, отведенные ему ельцинским окружением. Был принят Гимн России, достигнута победа над «семибанкирщиной», выиграно дело «Юкоса». Он политически дистанцировался от Ельцина, укрепил личную власть, сформировал руководство своей Администрации и страны из питерцев, включил «своих» людей в крупный бизнес. Борьбу с олигархией как системой власти не начал, а лишь припугнул делом «Юкоса». Олигархов же приручил законом о неизбежности итогов ельцинской приватизации. Временно уступив по договоренности в 2008 году президентское кресло, он реально сохранил за собой высшую власть в стране.

Победив на выборах 2012 года, Путин-2 фактически обрел абсолютную власть. Он имеет мощную опору в лице РПЦ, поддерживает Церковь во всех ее начинаниях. Пока можно утверждать о безоблачности симфонии властей. Путин заявил о России как многонациональном государстве, скрепленном русским народом, русским языком и русской культурой.

Отметим отличия в их действиях. Сталин не любил публичности, говорил мало и по делу, его внимательно слушали все. Путин охотно общается с массами, хорошо говорит и маневрирует, отвечая на неприятные вопросы.

В 1932 году Сталин начал, а к 1936 году завершил ликвидацию Коммунистической академии — высшего учебного и научного заведения, основанного в 1918 году большевиками-ленинцами в качестве мирового центра коммунистической мысли. Этим он продемонстрировал свой окончательный разрыв с членами ленинского Политбюро, вскоре ставшими «врагами народа».

В декабре 2012 года Путин вручил в Кремле высшие государственные награды создателям ВШЭ — высшего учебного и научного заведения, главного в России центра либеральной мысли. Этим он продемонстрировал свою поддержку либеральной идеологии. Хотя он мог бы реализовать на практике то, о чем много лет говорили эти либералы применительно к другим. Например, прекратить бюджетное финансирование ВШЭ и таким образом создать из него полноценный субъект рыночных отношений. Но он не пошел на это.

Большевики поставили над страной эксперимент по строительству «светлого будущего» — коммунизма, являвшегося марксистской модификацией западного либерализма. Они оторвали детей 1917 года от церкви, воспитали в коммунистической вере и превратили в убежденных, преданных власти и стране людей. Эти дети выиграли Великую Отечественную войну. Но многие их потомки научились произносить без веры слова, необходимые для выживания и карьеры. У их внуков и правнуков уже полностью были обесценены слова и символы, нивелированы добродетели, доведены до предела пороки. В итоге нынешние либеральные потомки детей 1917 года (их яркие представители Гайдар, Чубайс и иже с ними) отбросили идеи своих дедов и прадедов. Ориентируясь на пороки людей — корыстолюбие, жадность, эгоизм и цинизм — они в 1992 году назначили себе свободу без ответственности, другим — повинование их реформам. Так раскрутилась спираль либерального тупика в России.

У Сталина были беззаветно преданные ему и стойкие к любым испытаниям комсомольцы-добровольцы, у Путина — проплаченные «наши», которые не годятся даже на роль хунвейбинов. Только массовка — «не забудем, не простим» — и... по домам.

Сподвижники Сталина не имели личных финансовых точек опоры за рубежом, это делало их заложниками, преданными вождю. У соратников Путина много зарубежных точек хранения личного капитала и собственности, в том числе, тайных. Это делает их зависимыми от Запада, снижает преданность лидеру в неоднозначных ситуациях. Бывшие «соратники» это показали в Лондоне.

Наконец, живые классики — Фейхтвангер, Роллан и другие — были очарованы советским вождем и страной, они активно передавали Западу свое восхищение.

У нас давно нет на Западе поддержки подобного уровня, зато прозападных «агентов влияния» полно в стране. В конце 2012 года неприветливость к лидеру и России продемонстрировали США и Евросоюз, их поддержали «агенты».

Система поведения Сталина показывает, что он был сутью власти. Система поведения Путина показывает, что он — мастер маневра во власти. Как стержень власти он облеплен своей влиятельной прозападной креатурой.

Напомню адептам революций, что национальное самосознание включает в себя все наследие прошлого. Советское прошлое довлеет над нами, его великие свершения и героизм народа по сей день определяют сознание многих людей. Но не будем забывать, что построению коммунизма в СССР воспрепятствовала не только несбыточность самой идеи. В конце концов, любая великая идея, даже утопическая, имеет право на существование и попытку реализации. Вспомним Беранже: «Господа! Если к правде святой мир дорогу найти не сумеет — честь безумцу, который навеет человечеству сон золотой».

Вопрос в одном — достижимости этой цели и цене, которую придется заплатить народу не в золотом сне, а в суровой реальности. В ленинские и сталинские годы русский народ тоже жил осознанием своего прошлого, он не отрекался от Традиции. Именно поэтому в числе первых под топор попали ее хранители и носители — священники РПЦ. Развивая свои идеи и уничтожая традиции, большевики истребляли не только активно сопротивлявшихся людей. Они были безжалостны, спешили, расстреливая и создавая лагеря по всей стране, раскулачивали и освобождались от миллионов «социально и классово чуждых», «врагов народа» и даже соседей по коммуналке. Ведь разрушителям «старого» и строителям «нового мира» нужны были свободные квартиры. Большевики — идейные романтики — делали ставку на молодых и преданных идее героев, прагматичные циники создавали себе хорошую жизнь «здесь и сейчас».

Рекомендую любителям чугунных Молотовых и прочих Кагановичей работы демографа В.А.Башлачева. В них рассказано о жертвах коллективизации и раскулачивания, разрушении крестьянской русской России.

Именно так действовали либералы-большевики в 1990-х годах, говоря о гибели миллионов тех, кто «не впишется в рынок». Тогда погибли многие, страну заполонили бомжи и беспризорные дети, а многие «не вписавшиеся» инженеры, учителя, врачи и ученые превратились в «челноков». Однако провозгласив лозунг «Обогащайтесь!», эти либералы не призывали к протестантской этике труда и накопления. Обогащаться можно было незаконно, цинично и нагло. Поэтому к власти поднялись: криминалитет, «теневики» и коррупционеры, бандиты и воры. До сих пор пожинаем мы плоды тех революционных преобразований.

Эксперименты большевиков и либералов показали плохую совместимость власти с духом, важность сохранения субъектности, достоинства и веры в человеке. Превращение его в объект манипуляций приводит к слабости, безыдейности и безразличию, а в итоге — к потере традиции и опоры.

Нам не следует ждать нового Сталина, потому что идеология и тотальное насилие не смогут уже царить в России повластно и долго. В конкурентном и открытом лидерском мире автаркия иллюзорна и опасна.

Нынешняя эпоха — это время правильных маневров государства. В противном случае можно извне получить жесткую изоляцию, а с учетом нашей «пятой колонны» — ливийский вариант. Нам надо всем миром терпеливо и последовательно, нередко галсом, против ветра и без парусов выходить из либерального тупика к возрождению могучей державы, а президенту нести свою ношу так, как того требует Конституция. Не стоит вертеть блюдце, вызывать дух, пытаясь слепить из Путина Сталина. Не получится и не нужно. Мысли о Сталине — это реакция народа на царящую у нас несправедливость, неправду и зло. Устраним их, успокоятся люди. Останутся воспоминания.

Путь из тупика

За свою более чем тысячелетнюю историю Россия пережила немало бурь, которые ее сотрясали. Каждая из них имела свою предысторию, цели, действующих лиц, результаты. К ним относятся и русские Смуты.

Общность трех русских Смут с 1598 по 1613 гг. (реально — по 1618 г.), с 1917 по 1933 г. (до съезда Победителей) и с 1988 (погром в Сумгаите) по н. вр. — предательство элиты, неуважение власти и закона населением, тяжелый социально-экономический и политический кризис. Итоги: прекращение правления династии Рюриковичей, Романовых и КПСС, катастрофа государственности, большие потери населения и территории Руси, России и СССР. В первой смуте, завершившейся перемирием с Речью Посполитой в 1618 году, Русь надолго потеряла важные города и регионы. Во второй, завершившейся победой над оппозицией, от России отделились Финляндия и Польша. Первые две Смуты после двадцати лет разрухи завершались восстановлением государства.

Нынешняя, еще не завершившаяся смута, привела к разрушению великой Империи — СССР и появлению на ее руинах независимых государств. Причины нынешней 25-летней незавершенности — в отсутствии национальной модели

развития России и некритичном копировании западных образцов. Это подчеркивает ее зависимое состояние и реальную несuverенность.

В XX веке Россия пережила революции, мировые и гражданские войны, распады государства и массовый голод, несколько конституций, гимнов и денежных реформ. Если включить сюда локальные войны и военные конфликты, в которых участвовала Россия, то времени для мирного развития практически не остается. Провернув трагическое колесо истории, пройдя хаос разрушения, потеряв миллионы людей, Россия встретила XXI век в состоянии малонаселенности, крепостничества и олигархии.

Россия переживает системный кризис управления, вопиющее социальное неравенство людей, тотальное недоверие к власти, экстремизм и преступность. Если чехи не ужились со словаками, грузины с осетинами и абхазами, сербы с хорватами, македонцами, черногорцами и албанцами, то Россия с более чем сотней народов и народностей держится за счет силы русской нации. Ей нужно больше внутреннего единства путём утверждения первенства русских элементов страны. Небрежение русскими проблемами грозит стране потере целостности и суверенитета.

Современный мир стал глобальным, сложным и агрессивным. Мы живем в эпоху ценностного кризиса человечества. Утрачен подлинный смысл рождения жизни и явления смерти, их единство и сакральность. Искажены ценностные ориентиры, торжествует разгул насилия, нравственный упадок людей.

Как, исходя из существующей реальности, решить проблемы России? Нам нужна сильная, конкурентоспособная страна. Для этого нужно победить олигархическую систему, порожденную либеральными реформами.

Уже стала далекой историей Великая Отечественная война, свершилось наше примирение с немцами. Но «пепел Класа» Гражданской войны, террора 20-х и 30-х годов, либеральной жестокости 90-х еще долго будет стучать в сердца наших внуков и правнуков, напоминая об огромной плате человеческими судьбами и жизнями за эксперименты политиков. Вряд ли сейчас мы придем к примирению потомков героев, жертв и палачей Великого Перелома. Конечно, наступит время, когда Русская Православная Церковь скажет о примирении потомков красных и белых, невинно убиенных и палачей, тех, кто сидел, и тех, кто сажал и охранял. Но «Божьи мельницы мелют медленно».

Мы забыли своих героев, павших на полях Первой мировой войны, удивляемся множеству поставленных им памят-

ников в Европе. Никого и ничему не научат те, кто утратил связь времен и поколений. А вот к опыту правления Александра III, его экономической, внешней и внутренней политике, личным качествам Царя, моральной и деловой репутации национально-консервативного правящего класса имеет смысл обратиться. Как и к сочетанию народовластия и царской власти, созданию великой Державы в эпоху Ивана III.

Церковь — хранительница Традиции — должна помочь восстановить гармонию в русском человеке, вернуть его к православию по сознанию и поведению, к восприятию новых смыслов, научной мысли и Традиции, выраженной в религии.

Молодежи должны быть привиты традиционные нормы русской жизни — неприятие абсолютной власти денег и эгоизма, сострадание, порядочность, чувство долга. В русских городах не должны править чуждые нравы, нам нельзя жить по принципу «каждый для себя». Надо терпеливо и целенаправленно воспитывать новых людей, а они уже появились в России. Несмотря на то, что «отцы ели зеленый виноград», сегодня уже выросла молодежь, для которой успешность — в служении Родине. Когда наступят иные времена — придут другие люди. В том числе и во власть.

Ибо «нет более тяжкого несчастья во всех человеческих судьбах, как если сильные мира не суть также и первые люди» — так говорил Заратустра.

По своей духовной сути и традиции Россия не лидер «общества потребления» и финансовых центров. Прорывы мирового уровня в технологиях и культуре помогли бы ей влиять на диалог государств. Но не подкрепленные делом слова о модернизации и инновационном развитии уже превратились в заезженную лошадь. А без духовной мотивации народа, в первую очередь молодежи, нам и «Сколково» не поможет.

Нам необходим культ личности нравственного, ответственного, умелого и трудолюбивого человека. Для этого надо совместить русскую мировоззренческую традицию с политикой и экономикой. Ведь русские предприниматели от иноземных отличались древнегреческим правом: «Ударили по рукам, и договор заключен», нежели древнеримским правом с его письменными процедурами. На русской почве пустил корни анархизм, стремление к свободе местного самоуправления, малого предпринимательства и землевладения — против тотального огосударствления жизни.

О западном предпринимательстве образно написал Н.Винер: «Там, где собираются мошенники, всегда есть и дураки;

а если имеется достаточное количество дураков, они представляют собой более выгодный объект эксплуатации для мошенников».

Что должна сделать сегодня ответственная власть России? Во-первых, проводить политику национального эгоизма с целью повышения уровня жизни людей. Так действуют сегодня все развитые страны Запада. Во-вторых, не мериться уровнем жизни с жителями «золотого миллиарда», а сравнивать себя с теми, с кем мы недавно «вышли из одной шинели». В-третьих, понимать, что призывы «пойти в рабочие, инженеры и ученые» дадут эффект, когда их оплата труда и значимость будут приоритетами, и исходя из этого, создавать осознанные рабочие места.

Защищая национальные интересы (при соблюдении договоров), надо:

— восстановить верховенство российских законов над международными;

— понимать, что никто не отдаст нам лучшее, а иное нам не нужно;

— извлечь все выгоды для страны от контрактов с «мировым сообществом»;

— исключить доминирующее влияние других стран в российских регионах.

Госзаказ должен стать двигателем отечественной промышленности, высокотехнологичных отраслей ОПК, а не источником процветания иностранных фирм. Нам нужны эффективности труда и новые кадры — движители развития.

Тогда все у нас получится, хотя «жить в эпоху свершений, имея возвышенный нрав, к сожалению, трудно». У России должен сработать инстинкт самосохранения, иначе нетерпение, неумение договариваться, стремление к крайностям приведут нас к потрясениям. Лишит ли нас разума накопившаяся за годы тупика усталость и злость, поиграют ли политики «с протестным огнём»? Ведь не белки же мы, чтобы бегать в колесе, стоя на месте!

Затрону важную и болезненную проблему выхода из тупика: о возвращении исторического названия городам. В разных странах отношение к географическим названиям различно. Например, в Англии за все время ее существования не было ни одного переименования. В России не берегут свои исторические названия городов, селений, улиц. Отмечу лишь один аспект этой многогранной проблемы: позор номенклатурного названия.

Известно, что послереволюционные методы и техника советской пропаганды были на исключительно высоком уровне

не. Деятели кино, театра, литературы, живописцы, скульпторы и архитектуры создавали монументальные произведения, закрепляя в сознании людей Партию и Власть. Этой сфере придавалось громадное значение, над ней осуществлялся строгий партийный контроль. До войны и после нее массово проводилась установка новых памятников и переименование городов. Называли города по фамилии (партийному псевдониму) партийных и государственных деятелей, как мертвых, так и живых. При их опале населенный пункт (улицу, площадь) быстро переименовывали, памятник сносили.

Именами партийных деятелей и вождей были названы сотни городов, сел, поселков. Многие повторялись десятки раз в названиях населенных пунктов. Тотальная эффективная пропаганда дала свои результаты. Некоторые крупные города России по сей день носят их имена.

Известен лишь один случай массового протеста населения против переименования. 27 декабря 1984 г. было принято постановление ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета и Совета Министров СССР об увековечении памяти Д.Ф.Устинова и Совета Министров СССР о переименовании Ижевска в Устинов. Известие об этом вызвало протесты горожан, выступления были разогнаны милицией. Материалы анализа ситуации были направлены в ЦК. Из них следовало, что более 90% рабочих, служащих и интеллигенции требуют вернуть историческое название города. Это было сделано через 2,5 года.

В начале 90-х годов XX века работала комиссия по восстановлению исторических географических названий под руководством академика Д.С.Лихачева. По ныне действующему федеральному закону, для переименования небольших населенных пунктов нужен сход граждан, а краевого (областного) центра — референдум. При положительном голосовании жителей Госдума принимает закон о переименовании.

Сейчас нередко многие люди выступают против возвращения своему городу исторического географического названия. Называют разные причины, в первую очередь, финансовые. Как вернуть историческое название? Ведь имя города не давалось так просто — это судьба и связь времен, важный элемент традиции и памятник культуры. Надо внести поправку в закон:

- вернуть к жизни авторитетную комиссию с участием РПЦ;
- затраты на переименование отнести на федеральный бюджет;

— на въезде в город-герой (город воинской славы), которому возвращено историческое имя, должны быть двойные указатели, например, как это уже сделано: Санкт-Петербург — город Герой Ленинград.

Нельзя выкинуть из истории трагедию и величие подвига ленинградцев. Так же, как и Сталинградскую битву. Нельзя забыть о том, что 13 января 1944 года (блокада была снята 27 января) было принято решение Исполкома Ленинградского горсовета о восстановлении исторических названий 20 центральным улицам города, в том числе, Невскому проспекту. Проспект Ленина был переименован (!) в Пискаревский проспект. Это был первый и единственный случай массового возвращения исторических названий в СССР.

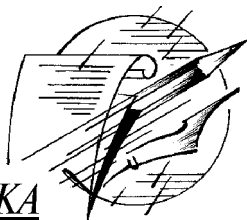
Советская власть сохранила потомкам лишь некоторые памятники царского времени, имевшие особую художественную ценность. Одновременно своими символами застроила и переименовала всю страну. Известно, что Ленин вступился за памятник (его хотели снести) Николаю I на Исаакиевской площади из-за двух точек опоры коня. Памятник Александру III скромно простоял более полувека во внутреннем дворе Русского музея. Сейчас он стоит у Мраморного дворца там, где раньше был броневик.

Русские Императоры были либералами, патриотами и просвещенными европейцами. Русскими, не западными. Ведь за ними было не 20 и не 90 лет. Более 1000 лет стоит и возвышается Россия. Несмотря на Смуты. Цари это понимали. Нам тоже надо понять.

ЭЛЕКТРОННОЕ РАБСТВО

Меня поражает беспечность и равнодушие многих невоцерковленных сограждан и даже части патриотов в отношении введения в России Универсальной электронной карты. В Новый год по григорианскому календарю на одном из телеканалов явилась бегущая строка : «С 1 января 2013 г. в Российской Федерации вводится Универсальная электронная карта». Она же — УЭК. И ничего — все спокойны. Все, кроме сотен тысяч православных. Допустим даже, один миллион верующих отвергает клеймо. Но ведь в стране 143 миллиона человек. И получается, что 142 миллиона спокойны...

Спокойны так же, как после принятия президентом Ельциным в 90-х годах минувшего века документов о вхождении России в новое небывалое прежде «информационно-сетевое общество». Сам Ельцин радостно оповещал россиян о новой революции, меняющей весь прежний мир, уклад, мораль, социально-экономическую формуляцию на новый мир, в котором не будет границ, исчезнет государство и мы окажемся в новом планетарном пространстве под эгидой доброго дяди, Мирового правительства. О его доброте

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

знают не понаслышке сербы, жители Ирака, Ливии, Сирии. Нас никто не спрашивал, хотим мы или не хотим ликвидации Государства, хотим мы или не хотим уничтожения России, рассечения ее на пресловутые «соты». Не было ни опросов трудящихся, ни референдумов, ни обсуждения в парламенте. А ведь Универсальная электронная карта — это пропуск в новый мир без Российского государства, без отечества. УЭК — это прощание с Россией. Прощание с Родиной. Электронное правительство примет нас в свои железные объятия.

В самом деле. В 1992 г., едва пала могучая суверенная держава на стыке Европы и Азии, как состоялся 1-й Международный форум информатизации, где при активном участии делегации России была принята «Информациологическая конвенция единого мирового локально-распределенного информационно-сотового общества — новой информационно-космической цивилизации». Эта конвенция стала программным документом ООН. Там сказано: «Человек обретает истинную свободу только в информационно-сотовом обществе (ИСО). В ИСО нет власти законодательной, нет власти исполнительной, нет власти судебной... Во Вселенной и на планете есть единственная власть — власть информации...»

Лгут авторы конвенции. Лгут нагло и безбожно. Например, 40 лет назад подпольный (прежде) гомосексуализм в основных странах Запада был легализован и с тех пор всячески пропагандируется, как добродетель, как порок с человеческим лицом. Всё перевернулось вверх дном. Теперь можно пострадать, лишиться престижной работы и даже сесть в тюрьму за критику или осуждение содомии или просто за несогласие с пропагандой этого сатанинского порока. То, что сверху навяжут масоны, невидимые руководители ИСО, то и следует выполнять — беспрекословно. И не надо трепаться о свободе.

Затем решением президента Ельцина от 23 ноября 1995 г. за № ПР-1694 была одобрена «Концепция формирования и развития единого информационного пространства России и соответствующих государственных информационных ресурсов». В этой концепции говорится: «В последние десятилетия мир переживает период перехода от «индустриального общества» к «обществу информационному». Происходит кардинальная смена способов производства, мировоззрения людей, межгосударственных отношений». Универсальная электронная карта и есть фиксатор смены мировоззрения. УЭК должна привить нам новое мировоззрение, очевидно, секулярное и безбожное. Смена мировоззрения людей происхо-

дит отнюдь не стихийно, а целенаправленно. Это блестяще показал ветеран спецслужб Джон Колеман в своем исследовании «Комитет 300». Незримой, но могучей властью в XX веке были последовательно осуществлены три революции: сексуальная, наркотическая и революция в сфере морали. Черное стало белым и наоборот. А ныне реализуется четвертая, т.н. информационная революция — построение «информационно-сотового общества» с ликвидацией суверенных государств и наций как соборных личностей. Несколько лет назад генеральный директор информационно-аналитического агентства при Управлении делами президента РФ А.А. Игнатов опубликовал в «Независимой газете» материал о деятельности Мирового правительства, где, в частности, говорилось: *«Эта надгосударственная структура исполняет роль штаба «нового мирового порядка». Однако в своей работе эта организация ориентируется на интересы малочисленной элиты, объединенной этническим родством и инициацией в ложах деструктивной направленности. Данные обстоятельства — узурпация власти в Мировом правительстве хасидо-парамасонской группой — требует скорейшего исправления...»* И по сей день «исправления» не произошло. Группа эта обнаглела до того, что недавно заставила американский суд оштрафовать Россию за якобы присвоенную «библиотеку Шнейерсона». Хотелось бы спросить наших «спокойных» сограждан: вам лестно получать Универсальную электронную карту от хасидов? И вы надеетесь, что они, обрабатывая ваши персональные данные, будут всячески заботиться о вас?

Глобалисты не скрывают своих взглядов. В постановлении 2-го Гуманистического манифеста 1973 г. сказано: «Традиционный теизм, имеющий форму веры в Бога... есть бездоказательная, вышедшая из моды вера...» А писатель Герберт Уэллс еще в начале XX века утверждал: «В перспективе будет разрешена только одна религия в форме церкви единого мирового правительства... сатанизм, люциферианство и магия будут признаны законными предметами обучения с запрещением частных и церковных школ». Сегодня в США церковные школы пока не запретили, но так называемая «церковь сатаны» признана как законная «конфессия».

Решением Государственной комиссии РФ от 28 мая 1999 г. №32 была одобрена «Концепция формирования информационного общества в России». Было заявлено о неизбежном вхождении нашей страны в мировое информационное сообщество. Хороша демократия! Жалкая кучка людей, самозванно считающая себя элитой (в то время за Ельцина в основном рещали Гусинский, Березовский, Ходорковский и их

сообщники), за спиной народа, за спиной нации принимают радикальные решения, круто меняющие жизнь страны. Рушат государство, внедряют «свалившиеся с Луны» личные коды или позже «СНИЛС (страховой номер индивидуального лицевого счета), не спросившись никого, меняют идеологию, втягивают население в никому не ведомое информационное сообщество, и все это самоуправство сходит им с рук.

В развитие этой антигосударственной и антинациональной политики 27 июля 2010 г. Государственная Дума принимает закон ФЗ №210 «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг», внесенный депутатами Воложинской Т.Л., Панковым Н.В., Плигиным В.Н., Рязанским В.В., Тимченко В.С., Яровой И.А. Это и есть закон об Универсальной электронной карте. Закон предусматривает превращение конституционных обязанностей власти в платные услуги. Немного поторговавшись с народом, государство затем уходит с рынка, исчезает, как призрак, а послушное «электронное население», подобно крепостным, передается новым хозяевам коммуникационных систем и баз данных. Эти коммерческие, наднациональные структуры уже не будут иметь никаких конституционных обязанностей перед гражданами РФ. Так что получатель УЭК должен знать, что он прощается с государством. Как, собственно, и предрекал товарищ и господин Ельцин. Гудбай, 1000-летнее Российское государство! Добро пожаловать в «информационно-сотовое общество»! Как мечтал Маяковский: будем «без России, без Латвий жить единым человеческим общежитием». Об отмирании государства вещали классики коммунизма. Теперь отмирание государства проповедует космополитическая буржуазия и наша пятая колонна. Главный аналитик Совета Федерации РФ А.В. Давыдов еще в 2002 г. в «Аналитическом вестнике» №17 Совета Федерации РФ провозгласил: «Мировым сообществом будет коренным образом пересмотрено понятие «государственный суверенитет»... всё более откровенно руководящую роль будут играть негосударственные инструменты идейного воздействия на властную элиту, формирующие у нее единство мнений и действий. Такие, как Трехсторонняя комиссия и Бильдербергский клуб...» Это называется «приехали». И все молчат. Молчит Генеральная прокуратура России, молчит ФСБ. Государственный чиновник публично проповедует разрушение государства, гибель страны, и никто не привлекает его к ответственности.

Закон об УЭК от 27 июля 2010 г. принят в соответствии с генеральной линией Большой Восьмерки (Окинава, июль

2000 г.) и всемирных встреч на высшем уровне в Женеве в 2003 г. и в Тунисе в 2005 г., где был принят «План действий» по построению глобального информационного общества». Во всемирном сетевом информационно-сотовом обществе должны исчезнуть границы, государства, национальности как соборные личности (именно с целью ликвидации наций была упразднена в паспорте графа «национальность»), упразднены наличные деньги и бумажные документы. В Россию за годы демократии въехали при преднамеренном попустительстве либеральных властей и остались на постоянное жительство 30—35 миллионов человек, а русских за это же время вымерло 17 миллионов человек. Что это, как не сознательный подрыв русской нации и русского жизненного пространства?

Закон № 210 от 27 июля 2010 г. предусматривает выдачу Универсальной электронной карты. Это материальный носитель с информацией о данном человеке. Карта имеет электронные приложения, касающиеся государственных услуг (а в дальнейшем — коммерческих услуг частного бизнеса) по части медицины, образования, пенсионного страхования, получения банковских услуг. УЭК — это идеальное средство контроля над личностью и авторитарного управления ею. Создается новое рабовладельческое общество. Вверху — те, кто владеет и управляет электронными сетями (и это не россияне, а иностранцы, в основном из стран НАТО), и внизу — покорное глобалистам электронное население. Вверху — омазоненные хриstopродавцы-рабовладельцы и внизу — рабы.

Старцы горы Афон, Элладская Православная Церковь, Украинская Православная Церковь Московского Патриархата, Почаевская Лавра во главе с митрополитом Владимиром и подавляющее большинство православных считают, что принятие УЭК и цифрового идентификатора вместо христианского имени — это грех, это измена Христу. Я напоминаю нашим вольнодумцам, отвергающим богословскую суть антихристовой глобализации и цифровой идентификации, вольтерьянцам, не видящим греха в цифровом имени, напоминаю им, что, приняв УЭК и личный цифровой номер, они попадут еще здесь, на земле, в самое настоящее рабство. Каждый их шаг будет под контролем иностранных спецов, и если их взгляды (например, по части содомии, абортотворения или мультикорректности) будут противоречить Бильдербергскому клубу или другим структурам Мирового правительства (а наше государство исчезнет — это уже прописано в законе №210), то им, конечно, не поздоровится. В электронной карте будут находиться все, абсолютно все сведения о человеке, о его доходах и сбережениях, о здоровье, судимости (погаше-

ной и непогашенной), недвижимости, о семейных и личных тайнах — все. Масоны хотят знать о нас всё.

В заключении депутата Государственной Думы, специалиста в области электроники, кандидата технических наук Святослава Михайловича Сокола говорится: *«Массовое внедрение унифицированных средств идентификации граждан приведет к тотальному контролю и управлению каждым человеком и обществом в целом»*. А другой видный ученый и православный писатель Валерий Павлович Филимонов считает: *«Карта становится для человека единственным источником существования, на которой замыкается вся система жизнеобеспечения. Вряд ли кто задумывается о том, что добровольно отдаёт всю власть над собою неизвестному для него хозяину управляющей системы, власть над своим умом, над своим трудом, над своими руками. Отдает в безраздельное пользование все свои документы, всю информацию о себе и своих ближних... Отдает «обладатель» карты своему хозяину и все свои собственные деньги, отдает ему право контролировать все свои доходы и расходы и прочее, и прочее, и прочее...»* Академик Филимонов напоминает еще об одном важном моменте: *«Согласно пунктам 6, 7 и 8 статьи 26 закона 210-ФЗ «О госуслугах», вне зависимости от воли и желания гражданина его принуждают к соучастию в деятельности банковской системы. По учению Церкви банковская деятельность является стяжанием несправедливого процента или лихоимства. Великий отец Русской Церкви Тихон Задонский определяет лихоимство как опаснейшее из беззаконий, нарушение заповедей Божиих и тройной грех: против Бога, против ближних и против самого себя. Отсюда следует, что каждый пользователь УЭК, не задумываясь, вольно или невольно впадает в эти грехи, за что, несомненно, придется держать ответ на Страшном Суде Христовом»*.

И еще одно важное обстоятельство. При нашей тотальной коррупции преступный мир быстро овладеет Универсальными электронными картами любого человека. Уже сегодня на черном рынке продаются базы персональных данных о гражданах России.

Так что теперь не только православные, но и те беспечные атеисты, которые посмеивались над протестами верующих в отношении штрих-кодов и сатанинского числа «666», окажутся под колпаком не только дорогого правительства, полиции и ФСБ (это еще полбеды, они и без УЭК почти все о нас знают), не только под колпаком штабов НАТО, но и под мощным колпаком организованной преступности. Введением УЭК практически полностью упраздняются права и сво-

боды человека, закрепленные в Конституции Российской Федерации.

В число акционеров частной коммерческой структуры ОАО «Универсальная электронная карта», ответственного за выпуск УЭК для граждан РФ, входит международная платежная система (МПС) Master Card.

Введение УЭК предусмотрено принятым ранее проектом (тоже без всенародного обсуждения) «Поддержка электронного правительства в Российской Федерации — оказание правительством электронных услуг». Реализацию проекта осуществляют иностранные компании. Всё техническое оснащение коммуникационных систем — тоже иностранное. Известный юрист О.А.Яковлева пишет: «Что будет с информационной безопасностью России, когда работа всех государственных органов и ведомств будет осуществляться в электронной форме, т.е. будет полностью прозрачна для других государств, в т.ч. недружественных нашей стране?» А доктор технических наук, академик РАЕН С.С. Ковалевский в интервью «Российской газете» от 28 декабря 2007 г. заявил: «...О какой безопасности может идти речь, когда всеми информационными ресурсами в России управляют западные ОС (операционные системы) и СУБД (системы управления базами данных), исходные коды которых известны только разработчикам?», «на кону сейчас стоит информационная безопасность России». Советник премьера Медведева г-н Юргенс неоднократно выступал за вхождение России в Северо-Атлантический военный блок. Ясное дело, что нас туда не примут, ибо именно против СССР—России он и создавался, но зато муссируется фальшивая атмосфера «партнерства», при которой не страшно и государственные тайны выдавать. А конгрессмены в это время обсуждают в конгрессе «Закон о безопасности и дипломатии», по которому государства, «нерентабельно» использующие свои ресурсы, должны отдать их под «международный», т.е. натовский, контроль. Рупор американского глобализма Бжезинский не устает повторять, что Россия владеет чересчур большой территорией — в 9 часовых поясов.

При этом создание и функционирование электронного правительства в России проводится при непосредственном участии Белого дома США. Официально заявлено, что концепция электронного правительства разработана в США, и мероприятия, проводимые в России, «входят в национальные интересы США». А национальные интересы США, как это следует из заявлений Бжезинского и лидера Республиканской партии Ромни, включают в перспективе расчленение

России и уничтожение русского народа как соборной личности. Бывший госсекретарь Хиллари Клинтон выразила возмущение даже созданием Таможенного союза России, Белоруссии и Казахстана, видя в этом восстановление СССР, т.е. исторической России. Африка освободилась от колониализма. А мы суем шею в хомут колонизаторов, чаем быть колонией — на основе западной технологии и пронатовской, шпионской УЭК.

До сих пор не отменены документы, подписанные РФ, в т.ч. лично президентом Ельциным, о вхождении России в безбоязненное «информационно-сотовое общество» с ликвидацией границ, национального суверенитета и самого государства. Будут некие «соты» — небольшие территории, на которые разлунят Россию. Чудовишно, но закон об УЭК от 27 июля 2010 г. предусматривает фактическую ликвидацию конституционных прав и обязанностей органов власти. Эти права и обязанности государственной власти по закону превратятся в продажу населению «платных услуг», все наши личные и семейные данные (доходы, здоровье, адреса) объединят в единую базу данных, и хозяева этой базы (иностранные компании и банки) будут продавать нам наши конституционные права в сфере здравоохранения, образования, социального обеспечения как платную услугу. Вам нужна свобода совести? Платите для начала 70 тысяч рублей — получите свободу совести. У вас плеврит, рак печени — смотрите тариф — без предоплаты не лечим. В разгар перестройки борцы-демократы с грузовиков на Манежной площади о **такой** свободе мечтали?

Многие страны, в т.ч. Германия, Англия, Финляндия, Южная Корея, отказались от аналога Универсальной электронной карты. Наличие **всех** сведений о человеке в одном месте угрожает правам и свободам человека и национальной безопасности. Немцы и англичане не хотят быть рабами. А мы?

Немецкие политики озабочены правами и безопасностью немцев. А наши коррупционеры думают лишь о том, когда «свалить» за бугор, туда, где их банковские счета и души. Европейский Союз не пожалел 2 миллионов евро на введение в «подмандатной» России пресловутой УЭК. Она им нужна. У себя Германия и Англия УЭК не вводят, а нам советуют и дают деньги на сыр в мышеловке. Будет ли большая война НАТО против России или нет, или конфронтация разрешится невоенными средствами при помощи «болотной оппозиции», в любом случае штабам НАТО необходимы персональные данные о наших военачальниках, разведчиках, губернаторах, мэрах и вообще о всех ключевых фигурах государ-

ства. Да и сведения о рядовых гражданах России им будут полезны. Мы все будем у них на крючке. По сути дела, Универсальная электронная карта — это легализованный шпионаж в пользу нашего геополитического противника.

Я одобряю недавно принятый Госдумой «Закон Димы Яковлева» против экспорта российских детей в Америку. Слава Богу, это патриотическая акция. А вот закон об УЭК от 27 июля 2010 г. я считаю преступным, подрывающим национальную безопасность России и полагаю, что депутатов Думы предыдущего состава следовало бы привлечь к ответственности за антигосударственную деятельность.

В Послании Священного Синода Украинской Православной Церкви Московского Патриархата от 29 декабря 2003 года совершенно справедливо сказано: «...Царство антихриста не состоится без соответствующей технической базы, с помощью которой он захочет добиться своих целей... Нынешний процесс кодификации гражданского населения непосредственно касается политической и хозяйственной деятельности граждан. Он внедряется в формах, которые имеют типологическое сходство с ограничениями апокалиптических времен... В религиозном контексте указанные действия власти приобретают апокалиптическую составляющую, что может расцениваться как сознательное или невольное содействие созданию технической базы, способствующей воцарению антихриста...»

Судя по выступлениям президента России В.В.Путина во второй половине 2012 г. и особенно по его Посланию Федеральному Собранию 12 декабря 2012 г., курс нашего государства круто меняется от прежней идеологической и политической зависимости от Запада и сил глобализма к национальному суверенитету и державности. Это отмечают многие политические и общественные деятели, аналитики и обозреватели. Депутат Госдумы Евгений Федоров, в частности, отметил: «Это Послание дает установку на 4—5 лет полностью изменить курс и суть Российского государства... За 5 лет должен произойти разворот корабля Российского государства». Главный лейтмотив Послания от 12 декабря: сильная Россия на основе восстанавливаемого суверенитета». Авторитетный аналитик протоиерей Геннадий Беловолов считает, что Послание Путина — важный идеологический поворот. Заявленная концепция — отказ от ельцинского наследия: «Мы присутствуем при важном идеологическом повороте, если не сказать, перевороте. Осталось только от слов перейти к делу».

Вот именно. Первое, что должна сделать власть, — аннулировать закон от 27 июля 2010 г. об УЭК как не соответству-

ющий новому курсу, как детище ельцинского наследия. Закон об УЭК нарушает Конституцию, угрожает гражданским правам и свободам и государственной безопасности России. Мы должны требовать от государственной власти отмены УЭК. Универсальная электронная карта, навязанная нам извне врагами России, служит исключительно интересам мировой закулисы, Бильдербергского клуба, штабов НАТО и международного масонства. Она превращает россиян в холопов Мирового правительства. В колонию «золотого миллиарда».

26 января 2013 г. в Москве состоялось далеко не рядовое Совещание мирян и клириков Москвы, Московской области, представителей других регионов России, а также Украины и Белоруссии. Совещание обратилось к Архиерейскому Собору, прошедшему 2—5 февраля 2013 г., с призывом отстоять перед властями право верующих на религиозную мотивацию при отказе от безбожной цифровой идентификации. Наше право жить в соответствии с религиозными убеждениями находится в опасности и требует защиты.

Патриарх Алексей Второй еще в 2007 г. в Страсбурге на сессии Парламентской Ассамблеи Совета Европы заявил: «Мы считаем недопустимым изгнание религии из публичного пространства. Настало время признать, что религиозная мотивация имеет право на существование, в т.ч. и в публичной сфере». Архиерейский Собор 2013 г. признал это положение, и сегодня он обязан добиться от власти признания права граждан на свободу совести, на отказ от цифровой идентификации, от цифрового имени по религиозным мотивам.

Универсальная электронная карта — это пропуск в безбожный мир, в мир антихриста.

ВОДОВОРОТ

ПОВЕСТЬ

В жизни страны начались зловещие перемены. Быстро, один за другим умирали генеральные секретари партии. Как по взмаху волшебной палочки, опустели магазины. Нового, назойливо многословного партийного вождя Горбачева с суетливыми манерами трусливого жулика сначала воспринимали с интересом, а потом с раздражением. Он решил отрезвить народ. В огромных очередях за водкой были ожесточенные драки, случались и убийства. Люди стали пить все, что содержало спирт, и началось вымирание трудоспособного населения.

Народ терпел Горбачева уже с трудом. Родимое пятно на его лбу называли клеймом дьявола. Как из преисподней, появилось множество магов, волшебников, экстрасенсов. Огромная страна, еще вчера активно атеистическая, прилипла к телевизорам, откуда давал установки «волшебник» Кашпировский с физиономией мрачного уголовника. Загробным голосом он произносил идиотские фразы, а женщины около телевизоров впадали в истерику и падали в обморок. Газеты пе-

ПРОЗА

стрели сенсационными публикациями о чудесных излечениях неизлечимых больных, о хирургических операциях на расстоянии, которые делал Кашпировский. Многие исцелялись дома около телевизора. Лысые обрастали густыми волосами, седые становились жгучими брюнетами. Как потом выяснилось, это была всесоюзная афера. Кому-то и для чего-то это было нужно.

Другой лжеволшебник, Горбачев, тоже внушал свои установки по телевизору тоном врача-психиатра:

— Товарищи, процесс пошел! Все идет по плану.

Куда пошел этот процесс и что это за план, никто не знал.

Наблюдая все эти беснования, Кедров ждал катастрофического результата. Кончиться благополучно этот шабаш не мог.

На глазах всей страны Ельцин бесцеремонно выпроводил Горбачева из кремлевского кабинета и уверенно сел в его кресло. Вчерашний первый секретарь обкома партии одним росчерком пера разогнал многомиллионную партию. Кто скрывался за личиной Ельцина? Почему ни один коммунист не встал на защиту своей легендарной партии? Может, потому, что не осталось настоящих коммунистов? Или партия стала уже такой, какая никому была не нужна?

Убогая комедия с ГКЧП и расстрел из танковых орудий Белого дома стали мрачным эпилогом этого фарса.

Так пришла демократия, ожидаемая многими с воодушевлением. Великой радости в людях Кедров не видел. Народ стал похож на испуганное стадо без пастуха. После опьянения свободой напоздало мрачное тяжкое похмелье. Привычная надежная жизнь неудержимо разваливалась, воцарялся хаос, людьми все больше овладевали страх и неуверенность в завтрашнем дне. В Чечне вспыхнула жестокая война. Не успели отдохнуть от гробов из Афганистана, как груз «200» пошел из Грозного.

Страна, точно гигантский айсберг, разваливалась на части под восторженный визг суверенитетов. Он заглушал рыдания матерей и молодых вдов, хоронивших жертвы чеченской, никому не нужной войны.

В считанные дни наживались огромные состояния, у советских заводов появились капиталистические хозяева, которые скупили их за гроши. Зарплаты не платили месяцами, начались забастовки, о которых раньше знали только по учебникам истории: возвращалось капиталистическое «проклятое прошлое». Как после гражданской войны, появились тысячи беспризорных детей. Планомерно уничтожалось будущее России. Проститутки спокойно гуляли по всей стране. Тоже подарок демократии. Неизвестная в советские вре-

мена, всплыла безработица — мрачное беспощадное чудовище. А с нею голод, болезни, преступность. Безысходность пробуждала в человеке жестокого беспощадного зверя.

Кедров чувствовал, как его страна неудержимо уплывает от него все дальше и дальше.

Вчера ночью Кедров хотел умереть. Жизнь предстала перед ним, как картина Малевича «Черный квадрат». Он перебирал все известные ему способы ухода из жизни. Застрелиться? Это романтично, как в старинном романе. Но у него не было ни ружья, ни пистолета. Повеситься? Это уродливо и омерзительно. Так когда-то казнили закоренелых преступников. А он как-никак почти доктор наук Евгений Михайлович Кедров, уважаемый человек. Выброситься с пятого этажа, где он живет? На асфальте в луже крови его изуродованный труп. Вокруг возбужденная толпа. На него смотрят с ужасом и отвращением, гадают, кто он: наркоман, алкоголик или психически больной? Ему хотелось уйти из жизни с достоинством.

Его взгляд упал на портрет отца, висевший над письменным столом. Отец был в форме полковника, короткая стрижка, прямой пробор в заметно поседевших волосах. И глаза! О его взгляде мама когда-то сказала: стальной. И добавила, как и характер. Взгляд отца буквально пронзил его. Ему даже показалось, что он услышал голос отца: «Слабость — это позор! Дезертиров во время войны беспощадно расстреливали, а самоубийство — дезертирство из жизни. Если бы ты сделал эту непоправимую глупость, то я никогда не простил бы тебя. Ты еще будешь нужен стране». Кедров услышал свой охрипший от волнения голос, и это вернуло его в реальность: говорил не отец, а он сам. Причин для того, чтобы уйти из жизни, было несколько. Рухнула великая страна, чего невозможно было представить даже в самом кошмарном сне. Закрыли научно-исследовательский институт оборонного профиля, где он проработал много лет, и его в числе других сотрудников выбросили на улицу. Почему такой институт стал не нужен новой власти, он не мог понять. Наверное, эта самая власть решила, что у России больше нет врагов. Американский президент Клинтон, хитро ухмыляясь, называл Ельцина «мой друг Боб», а Ельцин с размахистостью подвыпившего ухаля, величал его «мой друг Бил». Это было похоже на цирковое представление, когда два клоуна выходят на арену и, паясничая, приветствуют друг друга:

— Здравствуй, Бил!

— Здравствуй, Боб!

И это почему-то всегда смешит публику. У президентов, как у клоунов, тоже были красные носы, но Кедров, видя их по телевизору, даже не улыбался. От президентской клоунады веяло жутью, интуиция подсказывала ему, что «друг Бил» обведет вокруг пальца «друга Боба». Так и получилось: американцы, заявив, что разоружаются, складировали свои ракеты, а «друг Боб», наверное, чтобы стать для американцев своим в доску, приказал взрывать наши ракеты прямо в шахтах. Враги аплодировали, а «друг Боб» плясал под их дудочку, как дурачок на ярмарке. И некому было остановить это безумие. Кто мог попытаться это сделать, молчал: каждому дорога своя шкура. Другие произносили сладкие речи и клялись в своей любви к народу. До чего же народ у нас дикий: верит телевизору, как Господу Богу. Кедров видел, что этот горе-президент всего-навсего послушный лакей у «друга Била». По давней традиции народ безмолвствовал.

С горечью думал Кедров об уничтоженных ракетах: «Огромные средства и труд тысяч людей превращены в пыль. И все только в угоду американцам: вот посмотрите, какие мы миролюбивые!»

Кедров вышел на балкон. Была глухая ночь. В домах напротив ни единого огонька. Над металлургическим заводом стояло багровое зарево, и этот свет наливал края черных облаков зловещим огнем. Огненный зев в черноте ночи показался Кедрову входом в преисподнюю.

От вида зарева Кедров словно очнулся: «Почему я подумал о самоубийстве? Это не мои мысли. Внушение дьявола. Это смертный грех, который Бог не прощает. Говорят, что на том свете самоубийцы будут вечно гореть в огне. Эти муки невозможно представить, потому что пытку огнем человек может выдержать только несколько мгновений».

Сейчас самой тяжелой пыткой для него стал внезапный уход от него жены. Подобно снежной лавине, это накрыло его целиком и придавило. Они жили нормально, имели замужнюю дочь и двух внуков. Дочь окончила медицинский институт, защитила кандидатскую диссертацию и преподавала в институте.

Уход жены страшно ошеломил его, но больнее всего ударила причина разрыва. Он когда-то давно сказал ей, что его отец был кадровым офицером Советской армии. А недавно, когда в гостях был друг Игорь Калинин, тоже кандидат наук, они выпили, и пошли откровенные разговоры о причинах распада СССР и почему не нашлось сил остановить этих политических авантюристов, — выдержка ему изменила, он разгорячился и сказал:

— Если бы сейчас были такие чекисты, как мой отец — формации тридцатых годов, ничего подобного не случилось бы. Они скрутили бы этих врагов. А что мы увидели? Бессилие или нежелание власти сохранить страну.

И в этот момент он увидел Ларису, стоявшую на пороге кабинета. Лицо белое, в глазах ужас. Отец Ларисы, крупный авиационный специалист, был арестован уже после войны и бесследно исчез. Кедров и раньше прекрасно понимал: если Лариса узнает, что его отец был чекистом, что-то случится.

И вот случилось. Жена уехала к дочери, а ее объяснение было злым и коротким:

— Ты сам раскрыл свою ложь: сказал, кем на самом деле был твой отец. Я не смогу больше жить с тобой.

— Но при чем тут мой отец?! — растерянный и возмущенный, выкрикнул Кедров. — Тем более я?!

— Не знаю, может быть, я схожу с ума, — задыхаясь от волнения, говорила Лариса, — но у меня такое чувство, что твой отец тоже как-то причастен к гибели моего отца.

— Когда арестовали твоего отца, мой отец служил в другом городе! — очень громко сказал Кедров, с тревогой глядя в глаза жены, пытаясь понять, здорова ли она психически. В ее глазах была такая ненависть, что ему сделалось не по себе.

— За твоей спиной я вижу твоего отца, а за своей — чувствую своего. И взгляды их непримиримы, ужасны. — Она говорила сбивчиво, точно в бреду.

Отца Кедрова уже много лет не было на свете, но его грозная тень вдруг явилась, как призрак отца Гамлета, и разбила семейную жизнь сына. Кедров стал без вины виноватым. Лариса одним своим презрительным взглядом поставила на нем какое-то позорное клеймо.

Недели через две он позвонил дочери.

— Папа, — говорила она очень мягко, — не надо сейчас беспокоить маму. Она переживает сильнейший стресс. Потребуется время, чтобы она пришла в себя и все спокойно осмыслила. Наберись терпения. Я все прекрасно понимаю, и я на твоей стороне. Ты ни в чем не виноват. Обвинения мамы так же смешны, как если бы кто-то сейчас стал обвинять потомков опричников Ивана Грозного.

— Спасибо, дочка, — сказал он, положил трубку и подумал: «Слава богу, что она поняла все правильно. Должна же и Лариса когда-нибудь уяснить абсурдность своих обвинений».

Кедров возбужденно ходил взад-вперед по своему домашнему кабинету и думал: «Дети расплачиваются за грехи отцов до седьмого колена. Так, кажется, говорится в какой-то

библейской притче. Просить прощения у Ларисы просто глупо: во-первых, не за что, а во-вторых, я не способен на такое унижение. Случись этот фальшивый спектакль, она возненавидит меня еще больше».

Сейчас он презирал себя за тот давний трусливый обман: он боялся, что если скажет Ларисе, что его отец был чекистом, то потеряет ее. Видно, чему быть, того не миновать.

Оставшись без привычного любимого дела, он сначала растерялся. А потом решил браться за любую работу. Чтобы выжить физически и не деградировать нравственно. Прекрасно понимал: развал страны неизбежно повлечет за собой моральное разложение общества. Он уже успел увидеть злобную рожу нарождающегося капитализма.

Когда закрывали институт, в их отдел вошли четверо парней, примерно, двадцати пяти—тридцати лет. Развязные, с циничными ухмылками на гладких лицах. Впереди шел здоровенный парень в бордовом пиджаке. Это клоунское облачение «новые русские», наверное, придумали для того, чтобы выделяться из толпы.

— Вот и пришла новая революция под бордовыми знаменами, — грустно пошутил Барков, заместитель Кедрова.

Обладатель экстравагантного пиджака показался Кедрову похожим на дикого кабана: рыжая, коротко стриженная голова, из-под низкого лба с глубокой складкой посередине настороженно смотрели маленькие глазки. По тому, как он высокомерно держался, было понятно, что он главный.

Он подошел к Кедрову и сказал:

— Вот что, дед, выметайся отсюда со своими поделеньками.

— Я что-то не припомню, чтобы у меня был такой внук, — холодея от оскорбления и презрения к этому самодовольному типу, ответил Кедров. — Вы кто такой?

— Ты что, больной иди дурак? — Глазки загорелись веселой злостью. — Или хочешь по тыкве схлопотать? Мы теперь здесь хозяева, а вы — брысь отсюда! Ваше время истекло.

Все сотрудники знали, что институт закрывается, но чтобы вот так — никто и представить не мог.

— Оставьте его, Евгений Михайлович, — сказал Барков. — Наше время, похоже, действительно истекло.

— Вы потом, ребята, приходите в нашу фирму за импортными презервативами, — с усмешкой сказал парень в кожаной куртке.

Вся свита громко захохотала, но предводитель даже не улыбнулся.

Кедров встал и медленно пошел к двери, придавленный своей унижительной беспомощностью. Он почувствовал себя заключенным, которого вели в одиночную камеру.

...Дней десять он пребывал в каком-то странном состоянии, точно повис в воздухе и никак не мог ногами нащупать землю. Когда-нибудь жизнь наладится, но что делать сейчас? Если сидеть и смотреть в одну точку, недолго и свихнуться. Пойти грузчиком на станцию, как подрабатывал в студенческие годы? Хватит ли сил? Долго перебирал другие варианты, но так ничего и не подобрал.

Как-то, возвращаясь из магазина, увидел на двери подъезда объявление: ЖЭКу требуются дворники. «Метлой работать мне еще по силам, а физический труд на свежем воздухе будет только на пользу здоровью», — обрадовался Кедров.

Утром, чем ближе подходил к ЖЭКу, тем сильнее им овладевал горький стыд, но верил, что здесь отказа не будет. Он уже думал о том, что если бы попытался устроиться по специальности, то ему пришлось бы много раз пережить унижение ответом: «Не требуется». Это почему-то его очень пугало.

Начальник ЖЭКа, лысый хмурый мужчина неопределенного возраста, выслушал его, и к удивлению Кедрова, не задал самого большого вопроса: почему он, научный работник, идет в дворники? Но это неожиданно и сильно задело самолюбие: можно подумать, что здесь на вакансию дворника стоит очередь из докторов и кандидатов наук. А может, скоро и будет стоять?

Начальник, не глядя на него, сказал глуховатым голосом:

— Дворники нужны. Будем оформлять. Завтра наша работница покажет тебе участок. Ты уж старайся, не пьянствуй, а то выгоним. Понял? — и с ехидной ухмылкой остро взглянул на Кедрова.

Его больно укололи эти «ты, тебе». Давно его не называли на «ты». Хотел сделать замечание чиновнику, но промолчал: чего доброго не возьмет на работу. Трудно проглотив ком, стоящий в горле, вышел на улицу.

Дома, людей, деревья увидел, как сквозь туман. Стало стыдно и гадко от своей слабости. Душила обида на то огромное, безликое, что надвинулось на него, топтало и унижало.

В эту ночь он спал очень плохо, часто просыпался и думал, во что завтра одеться и как бы не опоздать на работу. Но больше всего изводила мысль: вдруг его увидит кто-то из знакомых.

Небо над домами только розовело, а он, подрагивая от утренней свежести и волнения, уже стоял на указанном месте: газетный киоск около гастронома. На нем была старая шля-

па с обвисшими полями и клетчатый пиджак, в которых он ездил на рыбалку. Шляпу он надвинул пониже, чтобы его не узнали. Лицо вспотело, спину то и дело окатывало жаром. Он обреченно думал: «Я, наверное, похож на бродягу или мелкого вора».

— Это ты, что ли, новый дворник? — раздался за его спиной громкий молодой голос.

Кедров вздрогнул и затравленно оглянулся. Перед ним стояла крупная девушка в пестрой кофточке и джинсах. Крашенные каштановые волосы коротко подстрижены, толстые губы ярко накрашены, глаза в зеленых тенях смотрят с легкой усмешкой.

— Вот тебе компьютер, — сказала она и подала метлу. — Твой участок вон до того перекрестка. Сметай мусор в кучки. Потом приедет трактор с тележкой, погрузишь мусор и свободен до завтра. Ну, давай, профессор, вкалывай. Это тебе не в кабинете сидеть.

Ему стало невыносимо стыдно от того, что она знает, кто он. Кедров пропустил глумление мимо ушей и только пристально посмотрел на девушку. Ему хотелось сказать ей, что лежачих не бьют, но едва ли он найдет сочувствие. У нее было крупное лицо молодой похотливой самки. Как и у того уголовника в бордовом пиджаке, в ее глазах было то же злорадное превосходство плебея над интеллигентным человеком, который попал от него в зависимость. «Вот это так называемый народ, который всегда относился к интеллигенции с подозрением и плохо скрытой враждебностью», — подумал Кедров, продолжая в упор смотреть на девушку. В нем медленно поднималась злость, и он решил проверить, как долго она выдержит его пристальный взгляд.

— Ну, чего, милый, прицелился? — засмеялась она, явно польщенная его вниманием. — Захотелось? Вот получше узнаю тебя, может, и подружим.

И она пошла, нарочито покачивая крутыми бедрами, плотно обтянутыми синими джинсами. «Да, товар богатый», — глядя ей вслед с неожиданным молодым желанием, подумал Кедров и негромко засмеялся.

Сметая в кучки окурки, пачки от сигарет, подсолнечную шелуху, он думал: почему народ всегда не любил интеллигента — «человека в очках» и сразу после 17-го года очень полюбил «человека с ружьем»? В представлении простого народа интеллигент ничего не делал, сидел в теплом кабинете, «при галстук», пил чай и читал книжки. А народ надрывался на тяжелых работах и жил в нищете. Злость в человеке копилась годами, а когда пришла красная вольница, он взял винтовку

и пошел гулять по России. А интеллигент так и остался для него непонятным и чуждым элементом.

Кедров старательно убрал свой участок, помог двум женщинам погрузить мусор в тракторную тележку и с чувством исполненного долга пошел домой: всякая работа достойна уважения, а чистые тротуары необходимы людям. Лучше работать дворником, чем идти воровать или убивать.

Дома он тщательно помылся под горячим душем, ему все время казалось, что от него исходит мерзкий запах мусора. Выпил крепкого чая, закурил сигарету и сел в глубокое кресло. Включать телевизор не хотелось. Страну захлестнул вал американских боевиков, жестоких и примитивных до отвращения. Неужели американцы тоже смотрят такое? В России боевики были еще в новинку и зрители, особенно молодежь, жадно поглощали это месиво из крови и грязи. Для нас такие «развлечения» будут иметь страшные последствия. Молодежь непременно начнет подражать героям боевиков. Драки, стрельба, убийства. Кейсы, набитые долларами. Вырастет жестокое, алчное поколение. Американские идеологи еще в пятидесятые годы говорили: надо сделать все, чтобы в будущей войне у Советского Союза не было Матросовых и Космодемьянских. Действительно, может и не быть.

Когда он видел по телевизору лица новых хозяев страны, то вспоминал слова Бальзака: душа формирует физиономию. От таких физиономий Кедров ничего хорошего не ждал. Откуда пришли в Россию эти беды? Сейчас разваливают социализм и начинают строить капитализм. Почему социализм стал таким же ненавистным, как капитализм в 17-м? Чудовищный парадокс.

Он закурил вторую сигарету. Со времен Петра Первого все так называемые передовые идеи шли с Запада. В строительстве нынешней «Вавилонской башни» в России чувствовалась крепкая рука американского «друга Била Клинтона». Угодливые русские лакеи даже вывески стали писать по-английски. Очень послушные строители. Что будет дальше — неизвестно, но уже сейчас было ясно, что народ в очередной раз остался ни с чем.

Средства массовой информации настойчиво внушали: Россия — страна дураков. Демократия: говори, что хочешь. Не посадят, не расстреляют. Спокойно оплевывай страну, в которой ты родился и вырос, получил бесплатное образование. Еще одну интересную деталь открыл Кедров в современной ситуации: в газетных и телевизионных интервью известные артисты, писатели, художники, музыканты — все испуганно, как заклинание, повторяли: я — не политик! я

политикой не интересуюсь! Будто кем-то был наложен запрет даже на само слово «политика». Создали общественное мнение, что заниматься политикой обычным людям нельзя. Политика для «избранных». Зато появилось множество жрецов от политики: политологи, социологи, институты изучения общественного мнения, бесчисленные фонды, которые содержали американцы, и сам черт не разберет, что еще. И все они с важностью оракулов вешали примитивную чушь.

Дни новой жизни Кедрова начинались почти с рассветом, и он не раз завидовал людям, которые могут подольше поспать. Раньше всех появлялись на улице пустые автобусы, троллейбусы и трамваи. Их водители просыпались еще раньше, и, значит, он не самый несчастный. Потом спешили пешеходы, какие-то понуро согбенные, точно шли на принудительную работу. Может, и так: далеко не все трудятся по призванию.

Ему в этом отношении повезло: он учился там, где хотел, и всю жизнь занимался любимым делом. Какое это было прекрасное время! Кончался рабочий день, а идти домой не хотелось: не отпускала разрабатываемая проблема. И таких, одержимых, было немало. Поистине, счастливые часов не наблюдают. Кончилось то время и то счастье.

А сколько сейчас таких, как он, выброшенных из нормальной жизни. Каждый приспособливается, как может. Если демократия начинается с издевательств над человеком, то к черту эту демократию. Демагогия о всяческих свободах — пустые словеса. Что делать? Что ждать? Новую революцию?

На эти вопросы он неожиданно получил ответ. Шел домой после работы. Вдруг его окликнули. Всякая встреча была для него нежелательна, как для человека, живущего на нелегальном положении. Он весь внутренне поджался и медленно оглянулся. Перед ним стоял невысокий черноволосый мужчина в сером элегантном костюме.

— Неужели Кедров? — Улыбаясь, мужчина смотрел на него сквозь дорогие очки. — Не верю!

Взглянув внимательнее, Кедров узнал своего однокашника по университету Леню Загерсона. Они учились в одной группе. Леня был очень способный студент и активист: староста группы, член комсомольского бюро факультета, на концертах художественной самодеятельности играл на скрипке, эмоционально выступал на всех собраниях. И еще у него была поразительная способность: он знал все и обо всех. Кто-то из ребят прозрачно намекнул, что Леня, наверное, «сту-

кач» — осведомитель КГБ. Ничего удивительного, этим многие грешили. Со всеми он держался по-дружески, умел, если надо, тонко польстить. Был напорист, легко ввинчивался в любую кампанию.

Кедров с интересом разглядывал его. Леня заметно раздобрел, но в черной шевелюре ни единого седого волоска. От него так и веяло самодовольством.

— Женя, почему ты так странно одет? — осторожно спросил Загерсон.

У Кедрова уже давно был заготовлен ответ для подобного случая:

— Еду на дачу делать ремонт.

— А я грешным делом подумал, что ты по моде нынешнего времени собираешь бутылки по мусорным бакам. Шучу, как всегда, неудачно. Я слышал, ваш институт закрыли?

В его голосе проступало то ли легкое глумление, то ли злорадство. И в то же время ласковый тон не позволял обидеться. «А ты все такой же, обтекаемый», — подумал Кедров, и ответил:

— Закрыли. А твой?

Загерсон тоже был кандидатом наук, работал в научно-исследовательском институте, но другого профиля. При давней встрече Леня сказал, скрывая улыбкой горечь: «Меня в твой институт не взяли из-за анкеты». Он намекал на свое еврейское происхождение. Кедров тогда искренне возмутился, но чем он мог помочь.

— Институт пока существует, но меня это больше не волнует, — улыбаясь, ответил Леня.

— Как?! — Кедрова очень удивил безразличный тон Загерсона.

— Да, вот так! Как сейчас говорят, делаю ноги на Запад. Уезжаю в Канаду. Иду получать заграничный паспорт.

— Брось трепаться, — не поверил Кедров.

— Ничуть! — засмеялся Леня. — У меня там родственники. Помогут на первых порах, а там сам освоюсь. Со своей специальностью не пропаду. Язык знаю довольно прилично.

— Ну, ты меня ошеломил, — покачал головой Кедров. Для него отъезд за границу казался чем-то невероятным, как полет на другую планету.

— Мне больше нечего делать в этой стране.

— В какой стране? — не понял Кедров.

— В России, разумеется. В какой же еще?

— Но ведь это твоя родина.

— Эх ты, Женя, наивная душа, — вздохнул Загерсон. — Начнешь говорить сейчас про русские березки, тоску по ро-

дине и прочие сентиментальности. Родина там, где человеку хорошо. Что мне здесь делать? Медленно умирать с голоду? Извините! Я жить хочу, и жить хорошо! Имею я на это право или нет?

Кедрову показалось, что перед ним стоит совершенно незнакомый человек с внешностью Загерсона и смотрит на него тоже, как на чужого. Загерсон понял, что Кедров не в восторге от такой перемены в его жизни. Ему хотелось увидеть зависть в глазах Кедрова, чтобы полностью утвердиться в своей победе над русской судьбой и порадоваться обретению еще неведомой, но такой заманчивой канадской судьбы. Он уезжал в Канаду, а Кедров оставался в хаосе перестройки, как на острове с дикарями-людоедами. Но ему уже все было безразлично. И все-таки надо было что-то сказать на прощание.

— Как обживусь в Канаде, — с наигранной веселостью пообещал Леня, — так пришлю тебе вызов. Приедешь, посмотришь. Может, понравится, останешься. Теперь людям открыт весь мир. Нет «железного занавеса».

— Я по натуре домосед, — сказал Кедров. — Как пелось в одной песне — не нужен мне берег турецкий и Африка мне не нужна.

— Тебе видней, — улыбнулся Загерсон, но в его черных глазах вдруг на мгновение проглянула растерянность. Рвать с родиной, какой бы она ни была, наверное, все-таки не просто.

Они пожали друг другу руки и разошлись. Отойдя метров тридцать, Кедров оглянулся: ему вдруг захотелось на прощание сказать Леониду что-нибудь теплое, но тот уже скрылся. Кедров еще некоторое время постоял на углу. Попытался представить, как бы он навсегда уехал за границу, и не смог. Почему-то наши предки никогда не говорили «эта страна», а тепло и ласково «матушка Россия». Невозможно, к примеру, сказать матушка Германия или матушка Канада. Звучит нелепо и фальшиво. Мы любим свою страну, независимо от того, какой бы ни была жизнь на нашей земле. Но сказать о своей Родине «эта страна» все равно, что сказать о родной матери «эта женщина». Не станет Канада для Загерсона второй родиной. Даже, если он вернется на свою историческую родину в Израиль, он и там будет приезжим.

Почему-то стало жалко и Леньку Загерсона, и себя, и всех, у кого неуютно на душе, у кого неприкаянная жизнь. Кедров никуда не уезжал, но у него было тягостное чувство своей странной удаленности от этой улицы, от города. У него ничего не осталось, кроме души, боль которой никого не волновала.

Он не был завистником и пожелал своему однокашнику по университету успехов в новой стране. Он считал зависть унизительным пороком ущербных людей, который медленно, но верно, точно наркотик, уничтожает завистника.

Уехал Загерсон, и Кедров почувствовал реальную потерю: вот так из страны уезжают тысячи специалистов. В бегстве людей было постыдное унижение России: она стала страной, в которой невозможно жить. И второй раз, как после закрытия института, он почувствовал себя беспомощно висящим над землей без надежды на какую-нибудь опору. Ему было необходимо чье-то участие, доброе слово, совет. Он был один в пустыне перенаселенного мира. Откуда ждать помощи?

Участок дворника Кедрова начинался от серого трехэтажного здания, бывшего райкома партии, и шел до перекрестка улиц имени пламенных революционерок Клары Цеткин и Розы Люксембург. К своему стыду, Кедров никак не мог вспомнить, чем Россия была обязана этим двум дамам, что их имена увековечены в названии улиц. Он начинал мести мусор от бывшего райкома к Розе Люксембург, и каждый раз при взгляде на это унылое здание появлялось недоумение: «Как двадцать миллионов коммунистов от одного свистка перевертыша Ельцина разбежались, точно трусливые зайцы от гончего пса? Героическая история партии осталась в прошлом, а в настоящем были растерянные люди, которые боялись или стыдились признаться, что были коммунистами. Интеллигентов в партию всегда принимали очень неохотно и в ограниченном количестве. Они много знали и много думали. Такими управлять трудно. Это очень хорошо понимал еще «дорогой Ильич», который погрузил на пароход видных философов России и выслал за границу.

Кедров не думал вступать в партию, но однажды его пригласил в свой кабинет секретарь парткома института Бобряшов, толстяк в круглых очках, всегда державшийся с наигранной фамильярностью, и без предисловия сказал:

— Евгений Михайлович, наступит день, когда ты будешь защищать докторскую диссертацию, а там и получать новые должности. Пора подумать о партийной принадлежности. Надо тебе вступать в партию. Ты созрел.

О фамильярной манере секретаря парткома разговаривать с людьми в институте с иронией говорили «играет в простачка». В этой игре было что-то фальшивое и коварное. К Бобряшову относились настороженно.

Кедров не ожидал такого разговора и немного растерялся:

— Петр Васильевич, я как-то об этом не думал.

— Вот как раз время и подумать, — тоном ласкового наставника сказал Бобряшов и многозначительно добавил: — В партию не приглашают. Человек сам должен подавать заявление. Далеко не каждый достоин такой высокой чести. Я почему сам заговорил с тобой? Потому что знаю твою природную скромность. Партия все видит и все понимает.

Он смотрел на Кедрова смеющимися глазами, в глубине которых было что-то холодное, выжидающее, словно Бобряшов заранее ждал отказа. Кедров прекрасно понимал, что его отказ будет иметь для него самые плачевные последствия. Если перед защитой докторской диссертации станет известно, что он отказался вступить в партию, его ждет полный крах.

В этом сером здании на втором этаже его принимали в партию. Как ни странно, но он волновался. В большом кабинете за длинным столом сидели люди, стандартных вопросов ему не задавали, но как-то странно разглядывали его, словно он явился из другого мира. Лиц их он не запомнил то ли от волнения, то ли потому, что все они были какие-то заурядные. Но поскольку они представляли «ум, честь и совесть нашей эпохи», Кедрову надо было сделать почтительное лицо. Партийный билет спасет его диссертацию, а разработки из нее будут работать на оборону страны. Ради этого стоило смириться со своим двоедушием.

Во главе стола под огромным портретом Ленина сидел первый секретарь райкома. У него было узкое лицо цвета томатного сока, низкий лоб с залысинами, жидкие белесые волосы и такие же брови. Примечательны у него были глаза: какие-то сверлящие. Секретаря тоже заинтересовал редкий экземпляр — ученый, обычно шел пролетарский контингент. Для протокола ему надо было что-то спросить:

— Как вам работается, Евгений Михайлович? — и, выслушав ответ, назидательно, с нотками строгости, сказал: — Звание коммуниста накладывает на человека особенную ответственность!

Какую, секретарь не сказал. Это была такая же дежурная банальность, как «светлое будущее». Как бы ставя точку, секретарь прихлопнул ладонью по столу. Марионетки, сидевшие за длинным столом, испуганно вздрогнули и в знак согласия торопливо закивали головами, как китайские болванчики. Это слегка рассмешило Кедрова, и вся процедура показалась ему игрой, фальшивый смысл которой все знали, но делали вид, что это священное действие.

Больше всего Кедрову запомнился портрет Ленина, точнее его глаза — очень большие и очень злые. Такую фотогра-

фию он когда-то видел, и она произвела на него гнетущее впечатление. Наверное, художник сделал копию именно с этого снимка.

Вождь смотрел на сидевших в кабинете с нетерпеливой злостью, точно этим взглядом подгонял всех поскорее уйти. Ленин совсем не был похож на бесчисленные сусальные изображения. И Кедров вдруг подумал: а может быть, он и был именно такой — очень больной и невероятно злой?

Вспомнились стихи Маяковского: «В комнате двое — я и Ленин...». Мало удовольствия находиться наедине с таким взглядом.

Кедрову вручили партийный билет и, сопровождаемый демоническим взглядом вождя, он вышел из кабинета. Ничего, кроме тягостной усталости, он не чувствовал. Ни высокой чести, ни ответственности. Партийный билет не согрел душу. Не прибавил ни ума, ни совести. Появилась новая обязанность: жить еще и «партийной жизнью».

Сейчас, вспомнив этот знаменательный факт, он грустно усмехнулся: бесславно кончились все эти игры. Народ слепо шел за слепыми вождями неизвестно куда. А куда мы идем сейчас, тоже покрыто мраком.

Ради развлечения Кедров начинал рабочий день с приветствия улиц-дам:

— Здравствуйте, Клара! Здравствуйте, Роза! Боролись, боролись вы за счастье всего человечества, и — зря! Опять побеждает капитализм.

День разгорался, больше появлялось людей и машин. Люди спешили по тротуарам, а по дороге неслись потрепанные иномарки. Запад избавлялся от металлолома, продавая его в демократическую Россию. К обоюдной радости сторон: там не надо было гнать машины на платную свалку, а здесь не надо было, как в советское время, по десять лет стоять в очереди на «Жигули».

Характерная черта нашей недавней жизни: унижительная пытка людей очередями. Буквально за всем, вплоть до туалетной бумаги. И вечный страх очередников: а нам хватит? Часто случалось, что очередь подходила, а покупать было нечего. Человек понуро отходил, лицо злое и оскорбленное. Молча, как у нас водится, проклинал власть. А власти что, она в очереди не стоит. Она осторожно, по-воровски пробирается с черного хода на базы и в магазины и набирает все, что душе угодно. Народ знает, но молчит. А кому говорить? За это могут посадить в сумасшедший дом. Обзовут страшным словом «инакомыслящий». Власти очень хочется, чтобы все мыслили не «инако», а только так, как сама власть.

Такая уж у нее слабость. И еще власть всегда думает, что народ — глуп, ничего не знает и ничего не видит. Очень сладкое заблуждение.

Кедров работал и посматривал, как мимо несется стадо машин разных форм и размеров. В этом потоке было что-то мощное, враждебное, точно это были не автомобили, а боевые колесницы римских завоевателей, торопливо и жадно пожирающих землю варваров. В этих машинах сидят русские, продавшие души за эти огромные, сверкающие разными цветами лимузины. Они уже чувствуют себя иностранцами, а внутренний комфорт машины, ее мощность и скорость только усиливают заблуждение. И уже все свое, российское, кажется им плохим, а все иностранное очень хорошим. Их помыслы тоже устремлены в чужие страны, которые представляются им раем. А ты, Россия, живи, как хочешь. Лишь бы нам было хорошо. А то, что мы русские и должны любить свою родину, нас не волнует. Патриоты нынче не в моде.

...Появилось множество газет и журналов. Наряду с интересными изданиями замелькали уже забытые определения «желтая пресса», «бульварная газетенка». В одной из них Кедров случайно прочел статью, в которой со злорадным смаком писали о том, что Роза Люксембург сделала любовником сына своей подруги Клары Цеткин. А первый день своего блуда, 8 марта, объявила праздником — Международным женским днем.

Статья сильно возмутила Кедрова: грязная клевета! Кто может доказать этот факт? Если нет цензуры, то городи что хочешь? Значит, можно оклеветать кого угодно и как угодно? Что за времена подошли!

«И без Клары Цеткин в наше время появилось множество блудниц», — подумал Кедров.

Безголосые эстрадные певички, придумавшие для себя смехотворный титул «звезды», решили, что им все дозволено. Они обзаводились любовниками и временными мужьями, которые по возрасту годились им в сыновья. С поразительным бесстыдством демонстрировали их по телевизору всей стране и прямо на сцене объяснялись в любви. Публика умилялась этим случаем, визжала от восторга и верила, что это неземная любовь. Блудницы, много раз побывавшие замужем, шли венчаться в белых платьях — символе девственной чистоты, и это тоже очень умиляло всеядную публику. Зрители думали: если им можно, то почему нам нельзя? У молодых женщин пошла мода на старых богатых любовников. И это было мерзко потому, что в этих романах, кроме похоти и корысти, ничего не было. А еще низменные страсти начали по-

догревать порнографическими видео и журналами. Эта за-
раза быстро перекинулась на молодежь, и начали рожать три-
надцатилетние девочки.

Россию уверенно и успешно продвигали по пути к Содому. На эстраде свирепствовали извращенцы всех мастей. Однажды Кедров увидел по телевизору концерт: выступал певец, известный своей сомнительной репутацией. Когда он закончил петь, к нему подошел другой певец в парике, делавшем его удивительно похожим на мартышку, и расцеловал. Зал разразился бурными аплодисментами.

Наглое лицемерие и ложь стали общественной моралью. И пример подавали «демократические» вожди. Вчерашние коммунисты в церковные праздники появлялись в храмах в сопровождении телекамер и стояли со свечками в руках и кроткими лицами, являя пример верующих христиан. Им в очередной раз не удалось обмануть народ. Этим перевертышам люди дали точное прозвище — «подсвечники».

Вал за валом накатывались преобразования. Строились банки, отели, «элитные» дома невиданной архитектуры. Страшными глазами смотрели на них голодные обитатели хрущевки. Общество разделилось на богачей сомнительного происхождения — элиту и нищих пролетариев, которые должны работать на них. На улицах появилась яркая броская реклама, открылось множество магазинов, ресторанов, баров. От импортных товаров и продуктов ломились полки магазинов. Демократия показывала свое «цивилизованное» лицо. В телевизоре, радио, газетах замелькали словечки: цивилизованные отношения, цивилизованная торговля и так далее. Можно было подумать, что русские — это дикари, которые только и ждали, чтобы их приобщили к цивилизации. Народ заставляли видеть себя в кри-
вом зеркале: надо было до предела унизить человека.

Кедров вспомнил, как в начале перестройки он пришел в центральный универмаг купить шнурки. На двух этажах ни единого человека, полки пустые. Шнурки он не купил, их тоже не было. Пустой универмаг показался мертвым домом в мертвом городе. В советские времена здесь всегда было много народа: люди ждали, что может что-то «выбросят» — костюмы, обувь, хрусталь, одним словом, «дефицит». Выбрасывали, и мгновенно выстраивалась крикливая очередь. При попытке кого-то втереться в нее поднимался гвалт, иногда переходящий в мордобитие. Теперь все есть, очереди исчезли, денег не стало.

Какие только ни придумывали издевательства над народом. Случилось это в то время, когда лжеблагодетель Горбачев попытался отречь от народа. Кедров зашел в гастроном

купить сигарет и, услышав шум, оглянулся. Вся очередь за водкой в одно мгновение скрутилась в клубок тел, ожесточенно избивающих друг друга. Хриплые крики, мат, звон разбитого стекла, женский визг «Милиция!». Когда приехали милиционеры, толпа испуганно отхлынула от прилавка, точно стадо овец при появлении волков, и застыла вдоль стены. Один мужчина в грязной куртке неподвижно лежал на полу: забили насмерть или умер в давке от сердечного приступа. «Скорая помощь» увезла несчастного. Милиционеры опросили нескольких человек и тоже уехали. Толпа оживилась, загалдела и бросилась к прилавку.

Кедров забыл про сигареты и пристально смотрел на людей, стоявших в очереди за водкой. Вроде бы нормальные лица, правда, какие-то затравленные, небритые, морщинистые. Что случилось с ними, когда они обезумели в одно мгновение и бросились друг на друга только с одним желанием ударить как можно сильнее. Они, наверное, хотели выплеснуть свою злость и отчаянье на других. Едва ли кому-нибудь из них стало легче после драки. Кедров неплохо знал человеческую природу и был уверен, что эти мужики придут домой, выпьют и о драке в магазине будут рассказывать, как о забавном приключении. Едва ли они пожалеют мужчину, которого покалечили, а возможно и убили. Наш человек то щедр безмерно, то жесток до безумия.

Возвращался домой в ужасном настроении, словно он тоже стал невольным участником этого стихийного, дикого преступления, и все время спрашивал себя: мы всегда были такими или озверели в новой жизни?

Когда был студентом университета, Кедров записался в секцию бокса: хотелось заниматься спортом настоящих мужчин. Пока шла общая подготовка, все было нормально. Но когда тренер разбил группу на пары, надели боксерские перчатки и начали поочередно выходить на ринг, случилось непредвиденное: стоя напротив своего противника, Кедров почувствовал, что не сможет ударить этого парня с добродушным веснушчатым лицом. Парень смотрел на него так спокойно и дружелюбно, словно им предстоял приятный разговор. Никто из них не решался ударить первым. Они прыгали друг перед другом, прикрывая лица перчатками, хотя тренер уже несколько раз подавал команду начинать бой.

Кедров опустил руки и отошел в угол ринга.

— В чем дело? — спросил раздосадованный тренер. — Струсил, что ли? Боишься, что тебе нос разобьют?

— Не боюсь, — спокойно ответил Кедров. — Не для меня этот спорт.

Он тогда понял, как это отвратительно — ударить человека и как это унизительно для того, кто ударил. Сейчас мордобой стал обыденным явлением. По телевизору показывают в деталях зверские драки, словно это не фильм, а учебное пособие. Молодежь все это смотрит, а потом на улице применяет на практике. Если верить тому же телевидению, резко увеличилась подростковая преступность. Результат, как говорится, налицо.

— Почему правительство не пресекает телевизионный террор? — не раз возмущался Кедров.

Несомненно, высшие чиновники прекрасно понимают, куда это ведет, но бездействуют. Почему? Мелькнуло дикое предположение: может быть, ими кто-то управляет, и они не могут самостоятельно принимать решения?

Его предположение неожиданно получило подтверждение. По телевизору выступал известный политический деятель, который, говоря о бездействии правительства, сделал ошеломляющее заявление:

— Отдел кадров нашего правительства находится в Брюсселе!

Великая страна, разгромленная и униженная, уже имела невидимого хозяина, который управлял ею по собственному усмотрению, а наши вожди только марионетки в его руках. Не следовало обольщаться, что это будет во благо России. Еще Александр Третий сказал: на Западе у России друзей нет, самые ее надежные друзья — армия и флот. Сейчас армия и флот деморализованы и развалены, боеготовность на нуле. Возможно, ракетно-ядерный щит как-то сохранился. Хороша ситуация: Россия без вооруженных сил, окруженная врагами! Кто знает, что на уме у наших противников. Все, что угодно, но только не добрые намерения. Они слишком долго боялись военной мощи СССР, чтобы сейчас быть добренькими.

Все это Кедров переживал очень болезненно. Легко представлял злорадство наших врагов, их наслаждение беспомощностью еще вчера могучей державы. Страна оказалась в положении человека, которому недели наручники и в любой момент могут начать безнаказанно избивать. Россию долго и настойчиво вели к этому капкану. И вот капкан захлопнулся, а удастся ли из него вырваться, неизвестно.

Уже который раз Кедров почувствовал себя не в своей стране, а в каком-то странном пространстве, куда он попал против своей воли. Он превращается из живого человека в некий мираж, который мучительно странствует в этом сумеречном мире, как грешная душа в аду. Мир со всеми своими

стремительными изменениями оставил его где-то далеко в стороне, и это делало мир еще более непонятным и враждебным. Не он один чувствовал его опасность и свою незащищенность перед ним. Не раз слышал на улице или в магазине:

— При Советской власти можно было хотя бы кому-то пожаловаться. А сейчас куда пойдешь?

— Тебя нигде не примут. Безвластие!

Кедров был таким же бесправным и не раз с тревогой думал: «А существует ли еще страна, народ, или это осталось только в моем сознании?»

От этих мыслей усиливалось чувство своего жалкого и одинокого существования в толпе, гонимой страстью разбогатеть любыми средствами.

Однажды, когда Кедров убрал свой участок и собрался уходить домой, к зданию бывшего райкома партии подъехал автофургон и зеленая иномарка. Из машин вышли несколько парней, открыли фургон и начали выгружать белые пластмассовые стулья, круглые столы и еще какие-то деревянные конструкции.

— Райком партии, что ли, возвращается? — с иронией спросил Кедров.

— Не бойся, папаша, — засмеялся симпатичный парень в клетчатой рубашке. — Здесь будет другая контора.

— Какая, если не секрет?

— Ночной клуб под названием «Грезы». Как все оборудуем, приходи отдыхать. Хозяин — мужик добрый.

— Хорошо, что добрый, — сказал Кедров и пошел домой. Его неотступно преследовала саркастическая мысль: партийные грезы сменяются грезами ночными. Кто же будет грезить в этом клубе?

Слово «хозяин» постепенно входило в обиход, но сейчас оно почему-то очень сильно резануло слух.

«Если этот человек — хозяин, тогда кто я? Он купил трехэтажное здание, а я не могу купить пачку хороших сигарет. Эти дельцы приобретают дорогие иномарки, открывают рестораны, бары, магазины. Бандитские группировки, воры и разные авантюристы становятся героями дня. Откуда-то появились уверенные, деловые ребята, стриженные наголо, будто только что выпущенные из тюрьмы. «Буревестники» новой российской демократии».

Новая жизнь несла новые опасности. Огромные деньги возникали неизвестно откуда, но власть смотрела на это спокойно, разумеется, зная, откуда эти деньги. Ждать добра от такой власти было просто смешно. А когда стало известно,

что новоиспеченный миллиардер Боря Березовский свой человек в семье президента Ельцина, даже последнему дураку все стало ясно.

В очередной раз Кедров почувствовал себя обманутым и обкраденным. О какой демократии могла идти речь, если по приказу Ельцина танки расстреляли Верховный Совет и погибли сотни людей. Точно такую же картину он видел по телевизору, когда в Чили танки Пиночета расстреливали резиденцию президента Сальвадора Альенде. Тогда возмущался весь демократический мир, называя Пиночета фашистом. Мировой демократический гнев почему-то не распространился на Россию.

На следующий день он увидел, как на крышу бывшего райкома партии взобрались два человека, и замелькал острый огонек газосварки: срезали огромные металлические буквы «Слава КПСС». Буквы одна за другой с погребальным звоном падали на тротуар. В старой кинохронике Кедров видел, как революционные солдаты прикладами сбивали гербы с двуглавыми орлами. Каких еще ждать повторений?

Легко и спокойно смотрел он на кучу металлолома: этот ржавый хлам похоронил его партийное прошлое: его двоедушные. Когда-то он пошел на сделку с совестью, чтобы спасти свою диссертацию, которую так и не успел защитить. «Светлое будущее не наступило, а к светлому прошлому» возврата не будет, но благодаря этому он обрел свое человеческое достоинство.

После того, как сбросили лозунг, на крыше опять появились рабочие и начали сваривать какие-то конструкции. Дня через три, вечером, над бывшим райкомом партии ярким голубым огнем вспыхнули буквы готического начертания «Грёзы». Чуть ниже силуэт очаровательной женской головки и надпись «Ночной клуб». Все это обрамляли звезды золотистого цвета. Получился очень симпатичный веночек, который вспыхивал и гас, как маяк, привлекая внимание прохожих. Внутри здания что-то спешно перестраивала большая бригада рабочих, подъезжали машины с кирпичом, бетонным раствором, досками.

Закончив подметать свой участок, Кедров присел на скамейку покурить. Он уже не стыдился, что работает дворником. На фоне всеобщего обнищания и унижения его жизнь не казалась ему трагедией. Как в ту тяжкую ночь, когда почувствовал под собой пропасть и хотел свести счеты с жизнью. Он победил малодушие. Надо обязательно дожить до того времени, когда сгинут разрушители.

Он уже докуривал сигарету, когда увидел человека в коричневой шляпе и сером костюме. Человек шел как-то боком, и все время смотрел на здание райкома. Кедров узнал бывшего заведующего отделом пропаганды Шишова. Когда-то он был холерный, очень самоуверенный, с высокомерным взглядом водянистых глаз. Он смотрел на человека так, как будто перед ним было пустое место.

Сейчас он стал сутулый, бледный и смотрел на бывший райком, как грешник на потерянный рай. Кедров почему-то стало жаль этого человека и, чтобы как-то его приободрить, решил с ним поздороваться.

— Здравствуйте, товарищ Шишов!

Бывший райкомовец отскочил в сторону и испуганно оглянулся.

— Я не товарищ Шишов, — торопливо проговорил он. — Вы ошиблись.

В водянистых глазах злой испуг. Точно его опознали в городе, занятом фашистами. Это не был взгляд несгибаемого коммуниста. Он был в партии, пока она была щедрой кормушкой, а сейчас отрекся не только от партии, но и от самого себя. «Вот такие Шишovy были нашими вождями, учили нас уму-разуму, — с раздражением подумал Кедров. — А что же вы теперь пример не показываете?»

— Так вы не товарищ Шишов? — медленно переспросил Кедров, глядя в его растерянную физиономию. — А кто же ты, гад?

Он вскочил со скамейки, схватил метлу, чтобы нахлестать по этой предательской роже. Шишов испуганно пискнул и, заметно прихрамывая, бросился бежать к автобусной остановке.

После работы Кедров пошел купить продукты в новом магазине — супермаркете «Ландыш серебристый», который открылся на соседней улице. Раньше там был гастроном с весьма скудным ассортиментом. Бесследно исчезло название «гастроном», такое привычное. Вместе с новой жизнью хлынул поток чужеземных слов: супермаркет, брифинг, саммит, менеджер, офис и другие. Люди сначала путались в мудреных словечках, потом стали привыкать.

Пошла мода писать вывески на иностранных языках или на русском, но такие же непонятные: «Ташир» или «Баскин Робинс». Кто они такие эти Таширы и Баскины? Хозяева этих заведений, наверное, хотели привлечь внимание любознательных горожан? Или показать, что Россия уже стала частью Европы? Глупо. Такие вывески у нормальных людей

вызывали только презрительные усмешки. Из любопытства они заходили в эти заведения, но после знакомства с дикими ценами поспешно уходили.

В частных магазинах Кедрова поражало изобилие товаров, о котором в советское время даже и мечтать не могли. Откуда все это свалилось? А когда по этикеткам видел, в каких странах это произведено, становилось грустно и стыдно: все из-за границы. Наше производство, видимо, развалилось, не выдержав конкуренции. Вот и сравнивай социализм с капитализмом. А что если в какой-то день поставки прекратятся? Особенно жизненно необходимых товаров: лекарств, продуктов, одежды, обуви. Сельское хозяйство в полном развале. Это прямая дорога к голоду. Блокада может развиться в любой момент осложнения международных отношений. Что тогда будет?

Страна попала в полную зависимость от западных производителей. Русский «друг Боб» послушно исполнял все, что приказывал американский «друг Бил». Развал страны продолжался ужасающими темпами.

Кедров не раз слышал, как озлобленные люди говорили:

— Вот поднять бы сейчас Сталина, он быстро навел бы порядок!

Нахлынула эпидемия самоубийств и убийств: убивал кто хотел и кого хотел. Наверное, для того, чтобы еще больше поощрить преступность. Установили запрет на смертную казнь. Убийц сажали на смехотворно маленькие сроки. «Неоднократно судился за убийство» — довольно часто звучало по телевизору в уголовной хронике. Наркомания, о которой в советское время не слышали, косила молодежь, как из пулемета. Народ требовал казнить убийц и продавцов наркотиков, но президент Ельцин никого не слышал. Да и «друг Бил» грозил пальчиком из-за океана: где гуманность? Сердилась растленная Европа — не ущемляйте свободу и демократию! А сама злорадно думала: не мне же одной вымирать от наркотиков, пусть и ненавистная Россия катится в ту же яму.

А где-то очень далеко от народа шла совсем другая жизнь. Каждый день появлялись новые миллионеры, скупались виллы и яхты, устраивали распродажу бриллиантов, рекламировали курорты на Кипре, Канарских островах, Турции и Египта. А пенсионеры и безработные рылись в мусорных баках в надежде найти объедки или пустые бутылки. Появились бродяги, которых по моде нового времени называли бомжами. Беспризорные дети обживали подвалы и канализационные колодцы. И совсем чудовищное — детская проституция. К взрослым проституткам начали уже привыкать.

Сносили памятники коммунистическим вождям, и это очень радовало людей. Непоколебимо стоял только Ленин. Демократы почему-то боялись его трогать, хотя новая коммунистическая партия никаким авторитетом в народе не пользовалась. Ее поддерживали в основном пенсионеры. Новой власти было, видимо, безразлично, куда показывает его рука: по этой указке уже никто никогда не пойдет. Современный коммунистический вождь продолжал с таким пафосом взывать к массам, словно они только и ждали его слова, чтобы дружно пойти на штурм эмбриона нового капитализма в России. Но никто не верил ни одному его слову. Еще были памятливы заклинания Хрущева: «Нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме». Назывался срок: 1980-й год. Всем была видна абсурдность этого обещания, но тогда все делали вид, что именно так и будет. К этому приучили. Потом появился анекдот: «Коммунизм отменяется, вместо него будут Олимпийские игры». Правда, игры состоялись.

Так думал Кедров, пересекая площадь, на которой стоял огромный черный Ильич, вытянутая рука которого показывала в пустоту.

Супермаркет «Ландыш серебристый» занимал весь первый этаж типового пятиэтажного дома. Подойдя совсем близко, Кедров растерянно остановился, навстречу ему шел его двойник: шляпа с обвисшими полями, старый пиджак в клетку и брюки, заляпанные коричневой краской. Мужчина выше среднего роста, широкоплечий, но походка была не Кедрова, спортивно-упругая, а какая-то осторожная, неуверенная. Будто двойник трудно решал, заходить в магазин или нет.

Кедров еще раз посмотрел на свое отражение в зеркальной витрине и подумал, что цены в супермаркете, наверное, запредельные, и остановился. Он знал, что есть магазины для богатых, для среднего класса и малоимущих. «Всех нас развели по загонам, как скот на ферме, — подумал Кедров. — Вчерашние Дуньки и Петьки, которые толком умываться не умели, сегодня стали аристократами. Точнее, карикатурами на аристократов. Недаром пародисты на все лады высмеивают их неграмотный язык, неумение нормально одеваться. Шиворот-навыворот повторяется 1917-й год».

Кедрова буквально взбесило, когда однажды он услышал по телевизору, как ведущая передачу сказала:

— Вчера в Доме приемов собралось светское общество Москвы.

Вот так, ни много ни мало: светское общество! Появились светские салоны, самодельная «знать», которая в своих плебейских родословных усиленно искала дворянские корни. А

поскольку найти ничего не могла, то сама присваивала себе титулы графов, князей, баронов. Кому что нравилось. Смешно и омерзительно. Непомерно большое честолюбие за пределами здравого смысла. Всем вдруг захотелось стать господами и господствовать над такими, по их мнению, плебеями, как Кедров. Ну, что же, пусть пока развлекаются.

Он еще несколько минут колебался: заходить в супермаркет или нет. Очень не хотелось, чтобы высокие цены унизили его, и он вышел бы без покупок. «Вот так я стал героем Достоевского — униженным и оскорбленным», — подумал Кедров, с трудом подавляя в себе острую ненависть к супермаркету.

Стеклянные двери, как в сказке, сами разъехались перед ним. После такого галантного приглашения было просто невежливо не зайти в магазин. Двери, видимо, приняли его за состоятельного покупателя, и это ему немного польстило.

Выбор продуктов был ошеломляющий. Свободно лежали красная и черная икра, колбасы, сыры, консервы, конфеты, шоколад. Лимоны, мандарины, апельсины, бананы, ананасы — бери, сколько хочешь. Вспомнилось, как в предновогодние дни надо было бегать по магазинам и рынку в поисках дефицита.

Винно-водочный отдел представлял собой какое-то феерическое сооружение из стеклянных полок тесно заставленных бутылками самых разных форм и цветов, вина и коньяки из Франции, Италии, Испании, знаменитая «смирновская» водка и много новых марок. Почему не было такого изобилия в советских магазинах?

Невольно вспомнился прискорбный случай из недавних горбачевских времен, когда Кедров стал свидетелем, как в очереди за водкой то ли убили, то ли затоптали мужчину.

Он медленно передвигался по роскошному магазину, как по музею, понимая, что купить ему здесь ничего не удастся. Цены не просто кусались, а рвали в клочья. С его кошельком к этому магазину и близко нельзя подходить.

Решил ради приличия купить хотя бы пачку сигарет. Окинул взглядом яркую витрину: здесь тоже было что выбрать. В эту минуту дверь по ту сторону прилавка открылась, и вышел давний знакомый еще по средней школе — Аркаша Фридкин. После окончания школы они иногда встречались на улице. Аркаша все время работал на каких-то административных должностях. Отец его многие годы был директором магазина «Ткани», такой энергичный толстячок, приветливый и остроумный. В этот магазин покупатели шли очень охотно и называли его «Магазин Фридкина», хотя времена были сугубо советские.

Аркаша был похож на своего отца ярким румянцем на гладких щеках и солидной лысиной в черных курчавых волосах. Он еще в школе был заметным активистом. Он два раза организовывал встречу учеников со своей бабушкой Хавой Наумовной — участницей гражданской войны. Это была маленькая сухая старушка с коротко стриженными седыми волосами и колким взглядом черных глаз. Бабушка рассказывала о бронепоездах, пулеметных тачанках, лихих кавалерийских атаках, и все слушали ее затаив дыхание.

Увидев Кедрова, Аркаша подошел с широко раскрытыми объятиями:

— Здравствуй, Женя! Сколько лет, сколько зим!

Кедров, чтобы предупредить расспросы о своем странном одеянии, сказал:

— Вот еду с дачи. Зашел купить сигарет. А ты что, здесь работаешь?

Аркаша расхохотался так искренне и самодовольно, что Кедров слегка смутился.

— Работаю. И работаю много. Я — хозяин этого магазина.

— Шутишь?

— Ничуть. Понял, что в бизнесе нашел свое истинное призвание. Сейчас наше время, время деловых людей.

Аркаша подошел к прилавку и сказал:

— Сейчас я тебе докажу, — и обратился к продавщице: — Ира, подай, пожалуйста, коробку конфет «Ассорти».

Белокурая красавица подала большую коробку шоколадного цвета с золотыми вензелями.

— И пакетик, — ласково напомнил Аркаша. Он опустил коробку в пакет и протянул Кедрову: — Мой скромный презент твоей супруге. Как вы поживаете?

— Как все, — неопределенно ответил Кедров. — Извини, тороплюсь. В машине ждет сосед по даче.

— Заходи как-нибудь, — пригласил Фридкин. — Посидим, вспомним юность.

— Обязательно, — пообещал Кедров.

И они пожали друг другу руки. Так и не купив сигарет, Кедров вышел из магазина. Пот стекал по щекам, лицо горело, а в голове метались беспорядочные мысли. Всё только что увиденное казалось ему настолько невероятным, что он отказывался верить. В сознании громко и больно стучал только один вопрос: почему Фридкин стал процветающим предпринимателем, а я — дворником? Аркаше, несомненно, кто-то помог наладить свое дело. У меня таких покровителей нет, нет и предпринимательской жилки. У Фридкина это наследственное.

Он шел, не замечая прохожих и не в силах отделаться от ощущения, что Аркаша Фридкин смотрел на него точно так же, как и Леня Загерсон, скрывая за улыбкой откровенное презрение: в новой жизни по сравнению с ними он стоял на самой низкой ступени.

Давние товарищи вдруг стали незнакомцами. Все в них было чужое и даже враждебное. «Так, наверное, в революцию и гражданскую войну друзья становились непримиримыми врагами, — лихорадочно думал Кедров. — Как легко вспыхивает ненависть и как трудно от нее избавиться! Не зря говорят, что она пьянит. А в ее основе — моя обида на власть, на неравенство. И зависть! Зависть! Интересно, как бы посмотрела сейчас на Аркашу, ловкого торговца-частника его героическая бабушка Хава Наумовна — участница гражданской войны? А как бы поступил я в таких обстоятельствах? Случись сейчас революция, ведь я тоже пойду громить супермаркет Фридкина. И буду думать, что это не уголовное преступление, а справедливая экспроприация, когда бедные грабят богатых. Эти слова давно забыли, а я помню. Может быть, и другие помнят? Стоит только начать, а там не остановиться!»

Меньше всего Кедрову хотелось сейчас видеть разруху и смертельную вражду. Народ опять будет влачить жалкое существование. И опять его будут «кормить светлым будущим». Где же выход?

В этот вечер Кедров не включал телевизор. Ему хотелось разобраться в себе. Он чувствовал, что злоба, не свойственная его характеру, овладевает им все чаще и все сильнее. Он стал ненавидеть хорошо одетых людей, которые по утрам шли мимо него на работу. Ему казалось, что они смотрят на него с презрением и отвращением, как на окурки и плевки на тротуаре, которые он подметает. Они убеждены, что в дворники идут совсем опустившиеся люди. Иногда ему казалось, что они стучат своими каблуками не по тротуару, а по его голове. С каким удовольствием он смел бы метлой всех этих прохожих, погрузил в тракторную тележку и отвез на свалку.

Но надо терпеть. Сам выбрал испытание унижением, как смирение гордыни. Может быть, незаметно для самого себя он становится верующим, и это его первые шаги на пути к Богу? И тут он вспомнил, что давно собирался сходить в церковь, встретиться с отцом Георгием, тоже школьным товарищем. Многие после окончания школы никуда не уехали. Да и зачем уезжать, когда в городе предостаточно учебных заведений и разных предприятий. Когда он встречался со школь-

ными товарищами, неизменно появлялось ощущение, что вернулся в школьные годы, и лица одноклассников тоже были прежние, юные. Как прекрасна была эта иллюзия!

В воскресенье Кедров поехал в церковь, где служил Георгий, его одноклассник. Он помнил его высоким, худощавым подростком, очень застенчивым, с добрыми серыми глазами. Мальчишки и девчонки относились к нему с большим уважением, называли только Гера и никогда Жориком. Около него всегда было как-то уютно, словно его взгляд — согревал.

После школы Георгий окончил политехнический институт, и его оставили на кафедре, кажется, ассистентом. В это время он увлекся религией, часто посещал церковь. Кто-то узнал и доложил в партбюро. Состоялось шумное заседание. От него требовали отказа от веры. Он спокойно положил партийный билет и ушел из института. В это время он уже имел жену и дочь. Брался за любую работу, чтобы содержать семью. Очень нуждался материально, но от своих убеждений не отказался. Заочно учился в духовной семинарии, после окончания был рукоположен в сан священника.

Все эти годы Кедров ни разу не видел Георгия, о его судьбе рассказывали одноклассники. И вот сейчас, когда ехал к нему, слегка волновался: узнает ли его Гера, как называть его — Гера или отец Георгий? Как-то странно и даже нелепо называть ровесника отцом Георгием. Не будет ли это выглядеть смешно? Он знал, что к священникам обращаются именно так — батюшка. Но как назвать Геру Воробьева батюшкой? «Возможно, мое неожиданное появление его тоже смутит. Сейчас мы люди разных миров».

Как все удивительно переменилось в их взрослой жизни. Гера не отступил от своих убеждений и остался с Богом. Он же, чтобы спасти свою докторскую диссертацию поступил совестью: вступил в партию. А что, если об этом спросит Георгий? Солгать невозможно: он будет в храме — доме Бога на земле. Кедров решил говорить правду. Это признание хотя бы немного очистит его совесть.

Сначала он хотел незаметно встать среди прихожан и наблюдать за Георгием, чтобы немного освоиться с его новым образом. Но это подглядывание показалось ему настолько непорядочным, что он поспешно отказался от этой затеи. Церковь стояла на окраине старой части города и когда-то была кладбищенской. Кладбище давно закрыли, оно заросло тополями и кленами и стало похоже на запущенный парк. Отсюда начинался новый микрорайон: мно-

гоэтажные длинные дома с хаотическим переплетением улиц. Микрорайоны своим казенным видом всегда навевали уныние на Кедрова.

Небольшая изящная церковь из красного кирпича с куполами, покрытыми блестящей оцинковкой, и золотистыми крестами казалась явлением из другого мира — мира красоты и гармонии и удивительно оживляла и даже как-то освещала унылые дома, потемневшие от смога. «Дома похожи на наши души, потемневшие от неверия, безнадежности и злобы», — грустно подумал Кедров.

Ожидая окончания службы, он прогуливался по короткой аллее молодых пирамидальных тополей, всегда удивлявших его своим хрупким изяществом. Здесь была умиротворяющая тишина.

Из церкви начали выходить люди, и когда паперть опустела, Кедров вошел в храм. Георгия он увидел посреди церкви, беседующего с какой-то женщиной. Он на удивление мало изменился: такой же высокий, худощавый, светлые волосы до плеч, усы и борода его совсем не старили.

Георгий увидел Кедрова и сразу направился к нему.

— Здравствуй, Женя! — Он обнял его и трижды поцеловал. — Очень рад тебя видеть!

— Здравствуй, Гера! — сказал Кедров, чувствуя, как слегка сжало горло: он давно не слышал таких теплых слов. — Вот приехал. Захотелось тебя увидеть.

— Замечательно! — улыбаясь, Георгий с интересом разглядывал его. — Сейчас мы с тобой поговорим.

Когда они оказались в небольшой уютной трапезной, молодая женщина в черной одежде подала крепкий чай, вазу с печеньем и розетки с вишневым вареньем.

— Как ты живешь, Женя? — заботливо спросил Георгий. — По нынешним временам это не праздный вопрос.

— Наш институт закрыли. Сотрудники разошлись кто куда. Надо как-то существовать.

— А ты где работаешь?

— Дворником, — спокойно ответил Кедров. — Люди работают, а почему я не могу? Помнишь, нас учили в школе, что каждый труд почетен?

— Ты меня разыгрываешь? — недоверчиво сказал Георгий. — Слышал, что ты написал докторскую диссертацию.

— Написал. Защитить не успел. В довершение ко всему жена ушла.

— Почему? — поразился Георгий.

— Это очень непростая история. Ее отец, крупный авиационный специалист, уже после войны был репрессирован и

погиб. Лариса случайно узнала, что мой отец был чекистом. Выплеснула на меня всю свою ненависть и ушла.

Георгий смотрел с искренним сочувствием. Кедров, чтобы прервать тягостную паузу, сказал:

— Меня не мучает одиночество, но душа ищет твердой опоры.

— Человеку невозможно жить без веры в Бога. Он наша надежда и опора, — заговорил Георгий. — В одном псалме говорится: «Предай Господу твой путь и уповай на Него, и Он совершит...» А в душе неверующей на кого уповать? Нам в свое время твердили: партия — наш рулевой. На партию люди и уповали. Партии нет. Дальше — пустота. В такую пустоту легко проникают бесы и подчиняют себе человека. Приходят соблазны, искушения, пороки. А без помощи Бога человеку их не победить.

— Вот ты вспомнил о соблазнах, — сказал Кедров. — У меня недавно были две встречи. Одна с однокашником по университету Леной Загерсоном. Уезжает в Канаду к родственникам. Полон радужных надежд. Соблазн очень сильный. Другая встреча — наш общий знакомый по школе — Аркаша Фридкин. Он никуда ехать не собирается. Открыл шикарный супермаркет.

— Помню Аркашу, — улыбнулся Георгий. — Очень разносторонняя натура. Человеку дана свободная воля, вот он и выбирает, что ему больше нравится. Социализм соблазнял своим раем, капитализм — своим. И там, и там — обман. Рай только один — небесный!

Сказал так спокойно и уверенно, точно сам недавно побывал в раю.

— А я сначала очень обиделся на Загерсона, — признался Кедров. — Бросает родину, бежит, когда трудно всему народу. Потом остыл, подумал: а почему он не имеет права уехать? Мир теперь всем открыт. Наверное, моя нетерпимость — результат советского воспитания.

— Нам еще долго придется привыкать к свободе, — задумчиво сказал Георгий.

— Расскажи лучше, как ты живешь.

— Слава Богу. Служу, — сказал Георгий. — Растут три дочки. Моя отцовская гордость и любовь.

— Теперь я вижу, что ты нашел свое призвание. Очень рад за тебя. Призвание — это самое главное в жизни. Особенно сильно я чувствую это сейчас, когда оторван от любимой работы, — признался Кедров.

— Бесконечно такая вакханалия продолжаться не может, — убежденно сказал Георгий. — Смуты не раз приходили на

нашу землю. Много было самозванцев, а где они? Для чего-то даны нам эти испытания и соблазны. В Священном Писании говорится, что придут соблазны и многие соблазняются. И горе будет соблазненным и соблазнившим.

— Соблазнов много, — согласился Кедров. — Увеличивается материальное благосостояние и скудеет человеческая душа. Людей упорно приучают к мысли, что доллар всемогущ. Массовое поклонение золотому тельцу. И все это обрушивается на молодежь. Как устоять молодым?

— Главная опора — вера! — повторил Георгий.

— Но молодежь почти не ходит в церковь, — сказал Кедров. — Ее привлекают дискотеки, бары, секс, наркотики.

— А когда ты последний раз был в церкви? — поинтересовался Георгий.

— Не помню, — чувствуя растерянность и стыд, признался Кедров.

— Ты верующий? — тихо спросил Георгий.

— Никогда об этом не думал. Работа, семья. Душа жила повседневной суетой. Суета кончилась, и ничего не осталось. Наверное, так все живут.

— Да, пожалуй, — согласился Георгий. — Человек трудно и медленно приходит к Богу. Почти всегда требуется какое-то потрясение, чтобы человек понял: без Бога ему не выжить.

— Что-то неблагополучно и в моей душе, а что именно, не могу разобраться, — признался Кедров.

— Не надо спешить. Это как при тяжелой болезни: выздоровление идет медленно и трудно, но в определенный срок исцеление все-таки наступает. А какой это срок, известно только Господу Богу.

— Что же, остается надеяться, — сказал Кедров и почувствовал себя так, словно тонул и вдруг с облегчением нащупал ногами дно.

— Верующий человек знает, что все ниспослано Богом, на все святая воля Его, — пояснил Георгий. — А чтобы это понимать, надо приблизиться к Господу.

— А как?

— Для начала надо исповедаться и причаститься.

— Исповедаться? — в некотором замешательстве переспросил Кедров.

— Я понимаю, что ты пока не готов, — мягко сказал Георгий. — Ты вспомни все свои грехи и искренне раскайся в душе. На исповеди я буду называть самые распространенные грехи, а ты будешь отвечать только одним словом: грешен.

— Когда мне приехать на исповедь?

— Как будешь готов.

На прощанье они обнялись и трижды поцеловались. Домой Кедров ехал со спокойной душой: он уже не одинок в этом мире, где никто никому не нужен.

Ночной клуб «Грезы» открывали душным летним вечером со столичным шиком. Серый фасад бывшего райкома партии скрыла голубая штукатурка евроремонта, сверкающие венецианские окна и закругленные вверху двери орехового цвета с массивными бронзовыми ручками буквально завораживали зрителей.

Одна за другой подъезжали роскошные иномарки, и зеваки только ахали от зависти, за которой проступала едва скрытая ненависть. «Что таится в этой толпе? Не сменится ли любопытство взрывом злобы и погромом?», — подумал Кедров, который тоже пришел посмотреть на новую «аристократию».

Подъехал неестественно длинный черный лимузин, похожий на похоронный катафалк. Толпа замерла в ожидании: кто появится? Вышел высокий парень во фраке, который сидел на нем неуклюже, как на корове седло. Кедров сразу узнал в нем того самого рыжего в бордовом пиджаке, который приходил со своими подручными выгонять его и сотрудников из отдела, когда закрыли институт. И подумал: какой бы ты фрак на себя ни напялил, аристократом никогда не станешь — требуха у тебя плебейская.

Новый «хозяин жизни» взмахнул рукой в белой перчатке. Загремел марш, двери клуба распахнулись, и оттуда, изящно маршируя, появились девушки с барабанами в коротеньких белых юбочках, алых мундирах и высоких черных киверах. Шеренги дошли до хозяина, повернулись, образовав живой коридор. Музыка смолкла.

Едва хозяин сделал первый шаг, как раздался треск барабанов, точно длинная пулеметная очередь. Он вальяжно шел к двери, где его ждали две девицы в красных мини-юбках, держа на сверкающем подносе «хлеб-соль». Барабаны оглушительно трещали. Когда-то так провожали преступников на эшафот. Церемония показалась жалкой примитивной клоунадой. «Куда заведут нас эти клоуны? Еще недавно этот рыжий был частью толпы, а сейчас он ее откровенно презирает. Он чувствует себя в полной безопасности, потому что власть не спросит его, как он добыл огромные деньги», — подумал Кедров.

Хозяин отломил от каравая кусок, обмакнул в соль и отправил в широкий рот. Около двери раздалась подобострастные аплодисменты: все старались угодить хозяину.

Над клубом начали взлетать и лопаться с сухим треском букеты фейерверков, усыпая еще светлое небо зелеными и малиновыми гроздьями. «Рыжий салютует в честь своей победы, — усмехнулся Кедров. — О таких ли наследниках думали солдаты-победители, глядя на салют в честь Победы?»

Толпа начала свистеть и восторженно кричать. «А может, человек так и остался дикарем, если огни вызывают у него такой восторг? Унизительно и смешно выглядите вы со своей детской радостью на чужом празднике. Как вам мало надо, чтобы забыть, кто вы. Сколько еще рыжие будут тешить вас фейерверками и грабить, а вы будете терпеть и молчать».

Кедров понимал, что это унижение в равной степени относится и к нему. Пришел рыжий и сделал его частью покорной толпы. Рыжий взял за горло всю Россию, и ей едва ли удастся скоро вырваться из этой волчьей хватки, как десятилетиями не удавалось разорвать большевистские кандалы. За внешней мишурой перемен Кедров чувствовал что-то тревожное: «Во мне, как в первобытном человеке, сохранилось звериное чутье на опасность. Но я никогда не прислушивался к своей душе. Может быть, отсюда все мои беды?».

Вечерами Кедров ходил на пляж, гулял в старинном парке над рекой и очень внимательно смотрел на людей, пытаясь предугадать, как они живут. Счастливых лиц он что-то не видел.

Решил посмотреть на публику, которая бывает в ночном клубе «Грезы». Подошел точно к открытию: в двадцать часов. На том месте, где когда-то была большая клумба, а за ней длинный стенд с портретами «Лучшие люди района», стояла цепочка ярко накрашенных девушек в откровенно вызывающих нарядах. Они курили, смеялись и призывно поглядывали на проходивших мужчин.

Кедров со смешанным чувством отвращения и любопытства догадался: это проститутки. Не раз телевидение показывало такие стойбища в Москве. Он медленно прошел мимо, но девушки не обратили на него никакого внимания. Мужчина не первой молодости, одет весьма скромно. Это не клиент. Стыдно и за себя, и за страну, в которой открыто возродился этот позорный промысел.

И тут его негромко окликнули:

— Папаша, может быть, повеселимся?

Кедров не сразу понял, что обращаются к нему. И только, когда весь строй девиц стал смотреть на него и улыбаться, догадался, что «папаша» он и есть. Девушки развлекались, понимая, что у него нет денег и их «товар» ему недоступен.

Он растерялся, не зная, как себя повести: сделать вид, что он ничего не слышал, или все обратиться в шутку. Стоявшая

ближе всех к нему высокая крашенная блондинка, не вынимая изо рта длинной сигареты, сказала с издевательским сожалением:

— Он, бедняга, наверное, голубой...

Девушки громко засмеялись. Улыбнулся и Кедров, это почему-то смутило девушек. Он переводил взгляд с одного лица на другое, но все они были удивительно похожи, словно колода карт из одних дам, развернутая опытным шулером. Ярко накрашенные губы, резко подведенные глаза и что-то неуловимо порочное и нахальное в выражении лиц. Судьба безжалостно запустила их в эту жуткую игру. Кто им поможет? Да и хотят ли они этой помощи? Надо что-то сказать им. Но что? По возрасту, все они годились ему в дочери.

— Храни вас Бог, девочки, — сказал он и медленно пошел дальше. Он шел, невольно сжавшись, и каждое мгновение ждал взрыва хохота за спиной. Это ударило бы его сильнее всяких оскорблений, потому что в его душе была боль за этих девчонок. Что почувствовали бы матери, если бы увидели сейчас своих дочерей?

Чем больше наблюдал он безобразий в новой жизни, тем упорнее вызревало желание: взять автомат, войти в клуб и расстрелять рыжего в черном фраке, а потом его подельников. И так идти по городу и стрелять всех ему подобных, пока не останется ни одного. Эти размышления остановила мысль: «Но такое уже было. Октябрьский переворот, гражданская война, репрессии, раскулачивание. Несметное число жертв, море крови. И что это дало? Вернулись к тому же, от чего ушли. Разрушили до основания старый мир, а сейчас начинают с первого кирпича строить такой же. Тогда капиталисты были созидатели, а сейчас грабители. Бежим по кругу, а у круга, как известно, нет конца».

На следующий день, в полдень, Кедров подходил к своему дому и увидел толпу около подъезда, катафалк и несколько машин. Он тихо спросил у одной из женщин:

— Что случилось?

— Сережу Голубева привезли из Чечни. Сейчас повезут хоронить, — и женщина вытерла заплаканные глаза.

Кедров вздрогнул, как от удара: он знал Сережу еще мальчиком. Спокойный, вежливый, светловолосый. Сирота. Его воспитывала бабушка.

Солдаты вынесли красный закрытый гроб. На крышке голубой берет десантника. Две женщины вели под руки бабушку. Она не плакала, а только смотрела перед собой оставившимися глазами.

«За что погиб Сережа?!» — закричала от нестерпимой боли душа Кедрова.

И вдруг его пронзила мысль: я тоже виноват в гибели Сережи. И люди, стоящие вокруг, и вся Россия! Все голосовали за президента-разрушителя. Сколько таких гробов еще развезут по стране? И никто не будет виноват, никого не будут судить.

Он повернулся и медленно пошел со двора, мучительно чувствуя вопросительный взгляд мальчика Сережи: зачем вы послали меня на смерть? Эти глаза уже никогда не увидят небо, белые облака, зеленый клен около дома, в котором он вырос. Его сейчас увезут отсюда навсегда, и останется бабушка наедине с пустотой.

Кедров зашел в какое-то кафе, попросил удивленную буфетчицу налить полный стакан водки, от бутербродов отказался. Хотелось быстро и сильно захмелеть. Смотрел в стеклянную стену кафе, но не видел ни прохожих, ни проносившихся машин. Перед глазами была красная полоска гроба и голубой берет, как кусочек неба, уходивший с десантником в мир вечный. И еще он увидел юных проституток около ночного клуба. Много общего было в судьбе погибшего десантника и несчастных девчонок: у них отняли будущее. Не родятся дети и внуки у Сережи. Станут ли счастливыми женами и матерями эти девочки. Уйдет из жизни бабушка Сережи, и некому будет приходить на его могилу. Холмик зарастет травой. Никто не будет знать, что здесь лежит юный солдат, из которого насильно вырвали бессмертную душу. Остается только одно утешение, что в мире небесном ей будет легче и радостней, чем в мире земном...

На следующий день Кедров вышел на работу раньше обычного: находиться дома было невыносимо тяжело. «Как печальны осенние цветы, — думал он, глядя на клумбу коричневых увядающих бархоток, которые еще недавно были ярко-золотистыми. — А я и не заметил, как подошла осень. Как и лучшая часть жизни промелькнула. Неуловимость времени».

Он привычно и ловко работал метлой. Утро было тихое, прохладное, небо задернуто тонкими синеватыми облаками. Бесполезно терзаться раздумьями и сомнениями. Жизнь идет по какой-то своей программе, и человек ничего не может в ней изменить. При встрече Георгий сказал ему: все, что дается человеку, только во благо. Наверное, так написано в священных книгах. А нам хочется, чтобы у нас все было только очень хорошо. Это невозможно. Как невозможно питаться только одним медом.

Перебрал в памяти все, что случилось с ним за прошедшее время. И все это показалось ему не таким трагическим и бе-

зыходным, как в ту черную ночь, когда он мог уйти из жизни. Не уйти, а трусливо дезертировать, чтобы укрыться от всех невзгод в другом мире. А как бы тот мир встретил меня? Может, меня там ждали бы еще более тяжкие муки, от которых уже некуда было бы бежать. И что тогда?

Закончил уборку, когда солнце поднялось над крышами. Облака растаяли, и проступила широкая и глубокая синева, которая бывает только ранней весной. Сердце забилось радостно, и он почувствовал себя молодым и счастливым. Решил сбросить рабочую одежду, старую шляпу, сбрить усы и бородку. Надеть выходной костюм и пойти в Старый парк, где когда-то было столько радостных и волнующих встреч...

Горькая усмешка тронула его губы: пора уже повзрослеть, стать выше обид и упреков. Лариса, конечно, поняла, что ее гнев был не по адресу, и устыдилась своего бегства. Оба страдают и не хотят в этом признаться. Но ведь раскаянье еще никого не унижало. Он должен сделать первый шаг. Только когда и как?

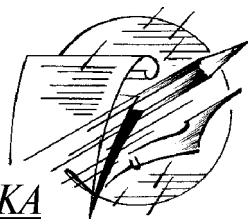
...В парке было тихо и безлюдно. Кедров прошел в самую дальнюю аллею и остановился. Солнце светило уже по-осеннему слегка притуманенно. Среди пожелтевших кленов, медленно кружась, с шорохом опускались листья. Он слушал задумчивую музыку листопада, вдыхал терпкий прохладный аромат, и душа наполнялась светом. Поразительно ничтожной показалась ему людская суета перед лицом вечного мира. Как бездумно растрачивает человек мгновения своей короткой жизни. Как часто любовь переходит в привычку, счастье иметь детей — в семейные проблемы, а исполнение своего главного предназначения на земле — работать по призванию — в серые трудовые будни. Нас не учили искусству жить, наслаждению каждым мгновением бытия. Нас почему-то не пугает необратимость времени.

РУССКИЙ ИДЕАЛ И КОРПОРАТИВНОЕ ГОСУДАРСТВО

Глава 13. БЫТЬ ЛИ США: ЗА И ПРОТИВ

В предыдущей главе была приведена картина гибели США как великой державы, нарисованная американским журналистом Крисом Хеджесом. Ему вторил американский профессор Альфред Маккой, который также предсказывает, что мировое господство США скоро закончится, и все американцы без исключения почувствуют на себе, что означает потеря мощи, а именно — как минимум, одно поколение нужды. И «по мере того, как экономика остывает, политическая температура растет, что часто ведет к серьезным внутренним беспорядкам». И далее следовали картины, не менее впечатляющие, чем у Хеджеса.

А вот американец Дмитрий Орлов, до 1976 г. живший в СССР и наблюдавший симптомы нарастания коллапса советской экономики, выпустил в 1996 г. книгу, в которой предсказал, что **коллапс США будет кошмарнее распада СССР. Причём крах этот произойдёт раз и навсегда.** Тех факторов, которые помогли России и другим бывшим республикам СССР восстановиться, в США нет.

Продолжение. Начало в №1-2 за 2012 г.

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Орлов, который ощущает себя уже стопроцентным американцем, вовсе не собирался пугать своих соотечественников. Он просто хотел предупредить и власти, и общественность Америки о том, что существует большая вероятность коллапса экономики США в обозримом будущем, что страна будет плохо к нему подготовлена и что при сохранении текущего положения вещей экономики США просто не станет.

«Определённо стоит ожидать, — пишет Орлов, — дефицита топлива, еды, лекарств и бесконечного числа предметов потребления, нехватки электричества, газа, воды, нарушений в транспортной системе и прочей инфраструктуре, гиперинфляции, повсеместного закрытия предприятий, массовых увольнений. Всему этому будет сопутствовать отчаяние, замешательство, насилие и беззаконие. Определённо, не стоит ожидать грандиозных планов спасения, новаторских технологических программ или чудес сплочённости общества. После коллапса моментально появляется новая экономика, основанная на бартере и предоставляющая возможности только для минимального уровня жизни.

Старый капитал — акции, облигации, капитальное оборудование, наличные — теряет стоимость. Связи, одолжения, доступ к поставщикам сохраняют прежнюю стоимость. Начинается разборка активов: их демонтируют и заново используют, складывают либо продают на металлический лом. Многие ценные вещи идут на экспорт (особенно предметы искусства, антиквариат, научное и промышленное оборудование). Элементы организованной преступности, бывшие военные и бывшие служащие правоохранительных органов вливаются в новые структуры власти (чрезвычайно беспорядочные).

Когда перед людьми развиваются такие события, они быстро понимают, что надо делать для выживания, и приступают к действию обычно без чьего-либо разрешения. Появляется некое подобие экономики, совершенно неформальной и часто — полупреступной. Она крутится вокруг ликвидации и переработки остатков старой экономики. Она базируется на прямом доступе к ресурсам и угрозе силой, а не на праве собственности или правовых полномочиях. Те люди, которые не могут так вести дела, быстро оказываются вне игры».

Но почему коллапс в США будет кошмарнее, чем в был в СССР? Это в книге Д.Орлова показано на частностях. Возьмём жилищный вопрос. В СССР жильё, как и общественный транспорт, находились в государственной собственности. В США жильё — это собственность банков или корпораций.

В СССР при коллапсе все оставались на месте. В США, когда экономика потерпит крах, бездомных станет невероятно много. А так как частный автомобиль останется без горючего, придётся передвигаться пешком или крутить педали велосипедов, толкая перед собой тележки из супермаркетов, если в магазинах будут товары. А на этот счёт есть большие сомнения. В СССР у сельских жителей были приусадебные хозяйства, да и многие горожане выращивали еду сами. В городах были продовольственные склады с запасами по схеме государственного распределения. Было мало ресторанов, и большая часть семей принимала пищу дома. Американцы покупают еду в супермаркете, в который пищу привозят издалека в дизельных грузовиках с прицепами-холодильниками. Многие вообще не ходят в магазин, питаются фаст-фудом.

Потребительские товары СССР часто выступали объектом насмешек — например, холодильники, которые служили десятилетиями. А китайская продукция, которую покупают в США, быстро изнашивается. Словом, в СССР вся общественная инфраструктура делалась «навечно», и она работала даже тогда, когда остальная экономика потерпела крах.

О семьях. В СССР часто три поколения жили под одной крышей. В США живут одиночки или малые семьи, родители и дети разбросаны между несколькими штатами, они часто с трудом друг друга переносят. В трудные времена им, возможно, будет трудно ужиться вместе.

Об отношении к деньгам. В СССР доход не являлся главным в жизни; в США — он необходим для выживания. А во времена экономического коллапса обычно царит гиперинфляция, которая уничтожает сбережения, свирепствует безработица, которая уничтожает доход. И население в основе своей после коллапса будет сидеть без гроша.

О здравоохранении. В СССР оно было государственное и для населения бесплатное, упор делался на базовые меры здравоохранения и предотвращение заболеваний. В США оно — частное, работает ради прибыли, упор делается на лечение пожилых людей, на хронические заболевания, онкологию, неотложную помощь, психофармакологию, пластическую хирургию. А кому это недоступно, остаются средства народной медицины. Но как только экономики не станет, больные останутся без медицинской помощи.

Об образовании. В СССР система государственного бесплатного образования была выдающейся. Она выпускала потрясающе грамотное население и большое количество хо-

роших специалистов. В США практикуются займы для учащихся, висящие на них потом долгие годы мёртвым грузом. И после 12 лет учебы выпускаются полуграмотные ученики. В СССР дети ходили в небольшие дворовые школы. В США — дети ездят в огромные общегородские школы на автобусе или автомобилях. Система высшего образования в США хороша по многим направлениям. А в школах не могут за 12 лет научить тому, чего советские школы достигали за 8. Стоимость поддержки таких учреждений будет не под силу после коллапса. В США уже стоит проблема малограмотности, и дело будет ещё хуже. Советская же система образования достаточно хорошо держалась и после коллапса экономики.

Некоторые предприятия СССР были многоотраслевыми, как бы государством внутри государства. С западной точки зрения, они были неэффективными, ибо содержали детские сады, дома престарелых, прачечные и бесплатные поликлиники. Это не было частью их основной специализации. Западные гуру менеджмента не увидели главного: такое предприятие способно пережить экономический коллапс. И далее в книге в том же духе о других сторонах жизни двух стран.

Орлов давал и рецепты, как предотвратить коллапс США, но они без революционного изменения общественно-политического строя Америки нереальны. Тем, для кого Орлов не авторитет, напомню, что талантливые писатели часто предвидели будущее. И вот что предсказывали они.

В 1989 г. вышел в свет роман «Рама II» великого американского писателя-фантаста Артура Кларка (в соавторстве с Джентри Ли). Там предсказан тяжелый социально-экономический кризис общества потребления, который продлится 50 лет. Всё начинается с того, что потребительское общество достигает пика: все живут в кредит. Для того, чтобы люди больше потребляли, снижаются налоги. Обожествляется прибыль. Требований немедленно сбалансировать бюджеты и сократить кредиты не слышал никто.

Но однажды начался промышленный спад. На него поначалу не обратили внимания: ведь накануне продолжался девятилетний рост. Правительства утверждали, что нашли рецепт бескризисного рыночного роста. Однако всего лишь через четыре месяца разоряются три крупнейших банка мира. Начинаются паника и обвал. Половина ценных бумаг мира теряют всякую цену. Люди обнаруживают, что у них нет сбережений: одни долги. Наступает Великий Хаос, растягивающийся на... пять десятилетий. Причем до дна пришлось падать 12 лет.

Правительства пытаются справиться с кризисом, снижая налоги. Но это приводит к сворачиванию научных и косми-

ческих программ, что только усугубляет падение. Затем вспыхивают локальные войны и гражданские беспорядки. В больших городах возникают лагеря бездомных и безработных из палаток и лачуг. Отмечаются случаи голода и распада общественных институтов. Богатые скрываются в поселениях-убежищах с охраной. Попытки разных стран действовать на национальном уровне не достигают цели, ибо проблемы носят глобальный характер. Войны и революции катятся валом. Гремит террористический ядерный взрыв в Риме: убит новый христианский пророк. Прекращаются пилотируемые космические полеты. Космодромы зарастают травой. Через 10 лет ВВП развитых стран падает до 7% от докризисного, безработица достигает 35% трудоспособных, а в бедных странах — и 90%. Всё это сопровождается катастрофической засухой. Голод и нищета выкашивают около миллиарда землян.

Выйти из кризиса удалось, лишь покончив с неолиберализмом. Государство стало регулировать экономику. Молодёжь стали воспитывать в строгости и трудолюбии. Государство, церковь и Британская монархия «сумели возглавить перестройку, последовавшую за «Великим хаосом».

Наши публицисты вспоминали и роман другого писателя-фантаста Брюса Стерлинга «Распад», опубликованный ещё в 1998 г., в разгар благолепия (профицитный бюджет, экономический рост!). В романе нарисована пессимистическая картина будущего США. Белые американцы стали национальным меньшинством. Страной правит президент-индеец (про Обаму тогда еще никто не слышал). Свирепствуют бюджетный дефицит и гиперинфляция. Военные, лишённые зарплат, выставляют заставы на дорогах. С помощью беспилотных разведчиков они считывают номера автомобилей, выискивают в базах данных сведения о личном состоянии едущих — и взимают с них дань. По стране бродят орды кочевников. Государство практически недееспособно: бал правят Чрезвычайные комитеты...

В самом деле, в случае срыва доллара в гиперинфляцию (и дефолта США по выплате госдолга, об опасности чего уже заговорил Обама) возможны паралич федеральных властей, разложение войск, нежелание ополчения (Национальной гвардии) в штатах выходить на подавление беспорядков, свертывание инфраструктурных проектов и государственных программ, хаос в городах, бегство богатых в охраняемые поселки. Или, как выразился один пользователь Интернета, именно новый криминальный тусняк будет править США после обвала.

Похоже, в США готовятся и к подобному сценарию, причём не только власти. Нефтяные компании создают частные армии, чтобы уберечь инфраструктуру от уничтожения в условиях хаоса. Ведь у кого в руках останутся действующие мощности и трубопроводы — тот и выиграет больше всех в период восстановления. Мирное (но вооружённое до зубов) население, обнаружив отсутствие бензина на заправках, пойдёт к нефте(бензо)хранилищам, потому что без бензина в США начнется голод через сутки, т.к. все продукты завозятся в супермаркеты автотранспортом, и население запасов не делает. Там его и встретят частные армии. Население поддержат криминальные группировки — это и станет началом гражданской войны в США.

Наконец, известный американский экономист и политолог профессор Стивен Коэн заявляет: *«Предпосылки распада США накапливались десятилетиями. Это и доллар, ставший международным платёжным средством, но не подкреплённый ни золотом, ни другими ценностями — ничем, кроме военной мощи США. Откажись сейчас Китай и Россия от доллара, и всё, он рухнет, похоронив под собой американскую экономику. Добавьте к этому непомерные расходы на вооружение, войны в Ираке и Афганистане, настроившие против нас исламский мир, и агрессивную внешнюю политику. Я даю Америке пять лет, после чего, я уверен, её ждёт распад. Индейцы, пожелавшие отделиться от США, — лишь первый виток сепаратизма, но далеко не последний».*

Такого рода прогнозы со стороны американской профессуры и даже журналистов — редкость. Обычно они, если и хотят сказать, что перспективы США неважные, то делают это деликатно. Например, видный политолог-международник и журналист Фарид Закариа написал книгу «Постамериканский мир», в которой будущее США выглядело не блестяще. Но он свёл свои выводы к простой идее. Дескать, для каждой исторической эпохи характерно своё государство-лидер. Предыдущая эпоха была эпохой Великобритании. Длющаяся в настоящее время эпоха — это эпоха Соединённых Штатов Америки. Но ничто не вечно, любая эпоха когда-нибудь заканчивается. И окончание эпохи (тем более американской эпохи) современники предсказать не могут. Вроде бы человек всё сказал, но одновременно и успокоил читателей (в том числе и «верхи»): паковать чемоданы рано.

И всё-таки даже некоторые аналитики МВФ, этого послушного американского орудия, предсказывают: век США закончится в 2016 году; Китай станет мировым экономическим лидером. Тогда США лишится статуса самой великой экономики мира, пишет газета «Дейли мейл».

В предыдущих главах было показано, что серьёзнейшие противоречия, раздирающие американское общество, в случае обострения кризиса способны разорвать страну в клочья. Но пока США представляют собой сильнейшее государство планеты и в технологическом, и в экономическом, и в военном отношении. И внутренних причин для их «кирдыка» в перспективе ближайших нескольких лет нет. Не означает ли всё это, что **могущественные силы, которые жаждут разрушения США, действуют извне?** На эту мысль наводят многие факты, но я начну с частных.

Первая частность. Когда в США развернулось движение под лозунгом «Оккупируй Уолл-стрит!» (правда, скоро схлынувшее), было понятно, что оно было не стихийным, а хорошо организованным и щедро финансировалось. Только офисы руководства «оккупантов» в Вашингтоне обходятся почти в 50 000 долларов в год. Выяснилось, что организовывал и финансировал движение... Джордж Сорос, считающий необходимым установление власти Мирового правительства и уничтожение национальных государств, в том числе (а, может быть, и в особенности) — США и Израиля.

Вторая частность. По данным ФБР, на территории США действуют около 20 тысяч банд численностью в миллион членов. Но это — «банды пятого поколения», прообраз будущих армий гражданской войны. И они уже ведут на улицах Лос-Анджелеса (и других городов) авангардные бои. И явно существует какой-то интернациональный центр, который координирует активность всех бандитских образований. В Америке бандиты сегодня прошли в самые высшие эшелоны власти, их готовы защитить армии юристов, и у них нет никаких финансовых проблем. Так, в Латинской Америке налажено массовое производство кокаина. Мощная латинская ОПГ доставляет зелье в США, а реализуют наркотики на улицах американских городов ОПГ, состоящая из чернокожих. Конгрессу США приходится принимать специальные меры, чтобы привлечь в США иностранных туристов. Потому что уже многие из них не решаются приехать в страну.

Третья частность. Дело дошло до того, что ведущее рейтинговое агентство «Стандарт энд Пурс» впервые с 1941 г. понизило суверенный рейтинг США. Мог ли ещё недавно кто-нибудь решиться на такое? Не была ли дана этому агентству команда «сверху», причём явно не с американского?

Четвёртая частность. Два американца публично «хоронят» США. Профессор Джордан Максвелл, которого считают «рупором» Ротшильдов, предсказывает: «...боюсь, Америку спасти не удастся», «у Америки не хватает мозгов, чтобы понять

происходящее», «Америка заваливается и завалится быстро» и «скоро произойдёт что-то ужасное». Максвелл также резко критикует Ватикан, в котором видит главное зло на планете, подобие итальянской мафии и продолжателя дела Римской империи. ЕС — порождение Древнего Рима, а Рим-Ватикан — его «мозг». Ватикан по-прежнему считает человечество своим законным стадом, а себя пастухом. И т.д., и т.п. Видимо, «хозяев мира пугает, что Ватикан активизировался в плане антисиионизма и планирует выступить как моральный оплот угнетённых, центр построения нового общества.

А священник баптистской церкви Линдси Уильямс, по его словам, имеет контакты с представителями мировой элиты, которая его посвящает в свои планы, а он озвучивает их программу по установлению Нового мирового порядка на планете. Так, он утверждает, что в США были открыты месторождения с гигантскими запасами нефти и газа, но их засекретили и будут ждать, когда цена вырастет до 200 долларов за баррель. Одним из лоббистов покупки нефти за рубежом за зелёную бумагу был Генри Киссинджер. То есть, нефтяной вопрос в США чисто геополитический, это способ управления массами и миром. В один миг США могут разорить все страны, которые подсели на продажу энергоресурсов Штатам. И начнут они глобальное переустройство с сокрушения Саудовской Аравии и её королевской семьи и других арабских монархий. Арабов вернут в их исходное состояние нищих кочевников, но с огромным сокращением популяции. (Их богатство и влияние было создано во многом для того, чтобы погубить Красную империю — СССР.) Войны с Ираном в ближней перспективе (год, два) не будет. До этого «завалят» арабский средиземноморский регион, перекроют путь через Суэцкий канал, взвинтят ещё выше цены на нефть, и только тогда начнут разработки нефти в США и переход на биотопливо (его озвучивали и Буш, и Обама).

Идёт подготовка к обрушению Нью-йоркской фондовой биржи. Деньги будут вкладывать в покупку драгоценных металлов. Мировые элиты признают только реальные активы, поэтому на фоне контролируемого обвала доллара и евро, цена на нефть ещё более вырастет, цена на золото дойдёт до 3000 долларов за тройскую унцию (а может быть, и до 30 000), на серебро — до 300 долларов.

Дестабилизация стран Арабского мира и рост цен на нефть приведут к новой волне мирового кризиса. Евро рухнет. В Европе начнутся социальные волнения и протесты, уже вспыхнувшие в Греции, Италии, Англии и других странах. Они будут подогреты национализмом, пойдёт передел сфер

влияния, власти, недвижимости. Европейские ценные бумаги потеряют свою цену. Система авиаперевозок захиреет — слишком дорогим станет топливо и возрастут цены на билеты. Европейцы потеряют до половины своего благосостояния и доходов. Затем возникнет голод, хотя еды будет достаточно. Есть намёк, что когда в арабских странах власть получат радикальные исламисты, план «Великого Израиля» станет актуальным.

Сами США в ближайшие годы изменятся до неузнаваемости. Цены вырастут, а доходы людей упадут на 30—50 процентов. Население будет ввергнуто в нищету и голод, банки и магазины работать не будут, малый и средний частный бизнес рухнет — главным работодателем будет государство.

Интересно то, что в этом священнику вторит Джордж Сорос. По его словам, то, что происходит в США, очень похоже на годы «Перестройки» в СССР, даже катастрофа в Мексиканском заливе — это американский «Чернобыль». Развязана информационная война по уничтожению США. Внушается мысль, что, видимо, Штаты в том виде, в котором они существуют, обречены, так как реального сопротивления и лидеров, которые бы его возглавили, в США не видать. Другим странам радоваться тому, что США (Карфаген нового времени) рухнут, не стоит, ибо Новый Мировой Порядок коснётся всех, но об этом речь пойдёт позже...

Пятая частности: даже некоторые эксперты МВФ — этого орудия Америки — признают: век США закончится в 2016 году. Впрочем, дело не столько в упадке США, сколько в углубляющемся кризисе всего так называемого «исторического Запада». А экономики стран Азии, основанные на овладении технологиями хайтека, быстро растут. И умами миллиардов людей в мире овладевает мысль: длившаяся столетиями эпоха безраздельного доминирования Запада на политической сцене подходит к концу. Регулирование, которым блестяще овладел Запад за былые десятилетия, отмечает публицист Анатолий Салуцкий, начало мешать. Оно вступило в острое противоречие с главным принципом капитализма — конкуренцией. Но именно конкуренция служит олицетворением неравенства, именно конкуренция предполагает безудержное стремление к прибыли. Всемирный рынок, без руля и без ветрил понесшийся по воле конкурентно-спекулятивных стихийных волн, в считанные годы изменил социально-политическое состояние Запада. Либерально-демократические системы надежно функционируют в периоды процветания, но дают сбой в период системного кризиса. Современные западные общества лучше приспособлены к распреде-

лению льгот, чем к угрозам жертв и лишений. Но сегодня, как показывают реалии Западной Европы, интересы экономического оздоровления требуют именно жертв, к чему не готовы ни население (размах протестов в Греции и Испании впечатляет), ни правительства западных государств, которые не отваживаются принимать жёсткие, но необходимые решения, снижающие их перспективы на очередных выборах. Как тут не вспомнить классическое выражение: политики думают об очередных выборах, а государственные деятели — о судьбах страны.

К тому же идёт процесс размывания западных обществ, их привычных моральных устоев, усиления нравственного релятивизма. В большинстве стран Европы ныне считается неполиткорректным даже упоминание о христианских корнях европейской цивилизации и культуры. Христианство изгоняется из общественного обихода, его пытаются запретить в стенах частного дома, семьи. И это на фоне роста национализма, ксенофобии, все более активных проявлений неонацизма, на фоне общепризнанного провала политики мультикультурализма. А в Америке накатывают свои сложности: впервые число родившихся цветных оказалось выше числа белых новорождённых. А цветное население США, в отличие от белых, мечтающих о мировой гегемонии, прежде всего озабочено состоянием своей страны.

Священник Александр Шумский считает главной причиной падения Америки именно её моральную деградацию. По его мнению, Обама подписал, сам того не понимая, своей стране смертный приговор. Он отменил закон, запрещающий гомосексуалистам служить в армии США. Но воинская служба имеет сакральную основу, армия всегда являлась носителем здорового консерватизма, без которого никакому обществу не выжить. При полном разложении гражданского общества возможны два варианта: либо страна превращается в Содом и Гоморру, либо правые элементы в армии берут верх и делают военный переворот с последующей фашистской диктатурой. Возможно, там мы увидим то и другое. Выходит, вопрос так: **либо элита США создаст диктатуру нелиберальной реконструкции — либо страна не выживет, скатившись в хаос.**

Но либералы в США не хотят терять власть. И теперь уже американской полиции и спецслужбам придется следить за собственным населением, потому что положение в стране при определенных условиях может стать нестабильным. Ограничение конституционных прав и свобод населения уже есть сейчас, и оно будет прогрессировать далее. Полицейский

произвол будет расти, столкновения с полицией станут перманентными. Американцы при всей законопослушности не привыкли к такой жизни. Не многим понравятся такие перемены и богатым в том числе. Американские богатые привыкли жить среди менее обеспеченных граждан и не чувствовать никакой для себя угрозы. Но и с этим «прошлым» придется расстаться. Многие скоро будут искать счастья в других странах.

Шестая частность: ходят упорные слухи, что всё золото западного мира свозится в Иерусалим, где, собственно, и должен воссесть антихрист. Ибо после крушения всех финансовых систем золото останется единственной твердой валютой для успешного становления НМП. Тысячи тонн золота находятся далеко от Форт-Нокса (хранилища золотого запаса США) — у тех, кто после обрушения доллара станет финансовым центром человечества — Золотым расчетным центром, но уже без США. Теперь перед обрушением бумажного доллара **настал черёд последней жертвы — падения великой Америки** со всеми сокровищами, стянутыми со всего мира. Неоднократно предлагавшаяся ей альтернатива — возвращение к золотому стандарту — была отвергнута, и теперь доллар умирает. А это означает, что Америку **сливают** (и Израиль вместе с ней).

И, пожалуй, последняя (из, по крайней мере, сотни), седьмая частность, о которой следует упомянуть. Уже знакомый нам Игорь Панарин напоминает: американский исследователь и прогнозист Селенте вообще прогнозирует массовый голод на территории США, когда десятки миллионов американцев будут бродить по улицам городов в поисках куска хлеба. Финансово-экономическое положение США удручающее. Они как финансовый террорист захватили все остальные страны в заложники с помощью доллара и угрожают: если вы нас не начнёте бесплатно снабжать, то мы просто развалимся и устроим хаос на территории планеты. **Конечно, задача мирового сообщества этот сценарий потенциальной гибели такого государства — не допустить.** Как не допустить? Может быть, проще всего его уничтожить? (Хотя сам И. Панарин излагает более мягкие сценарии перехода США от федеративной структуры к конфедеративной.)

Длительное время идеология американцев заключалась в одной фразе: вы в лучшем мире, вы возьмёте кредит, вы будете жить хорошо уже с юных лет. И это оказалось ложью. Но элита США не может предложить ничего нового, она обречена.

В 2008 г. Национальный совет по разведке США впервые признал в своём докладе «Глобальные тенденции—2025»

«беспрецедентный в мировой истории переход мирового богатства и экономической мощи от Запада к Востоку» в качестве основного фактора в упадке «сравнительной силы Соединенных Штатов — даже в военной сфере». Однако в Вашингтоне лелеяли надежду, что США удастся «сохранить... военную мощь на мировой арене» еще в течение десятилетий. Однако другие аналитики в этом сомневаются. В частности, потому, что к тому времени нынешняя группа блестящих американских ученых и инженеров уйдет на покой, а плохо образованное молодое поколение не сможет стать адекватной им заменой.

К 2020 году, согласно текущим планам, Пентагон сделает военный бросок отчаяния для умирающей империи. Он запустит передовую аэрокосмическую робототехнику — последнюю надежду Вашингтона на сохранение мировой мощи. Однако к тому времени и Китай будет обладать глобальной сетью спутников, выйдёт со своими вооружениями в космос и с помощью мощной системы коммуникаций сможет наносить ракетные и киберудары в любой части света.

В своем обращении к нации Барак Обама заверил общественность: «Я не согласен со вторым местом для Соединенных Штатов Америки». Но ведь мировая ситуация может и не спросить, согласен ли Обама с таким изменением статуса США. Вице-президент Джо Байден тоже высмеял идею о том, что мы будем «великим государством, потерпевшим провал, так как потеряли контроль над нашей экономикой и перенапряглись». И нелиберальный гуру внешней политики Джозеф Най в журнале правящих кругов «Форин Аффферс» отмёл разговоры об экономическом и военном подъеме Китая и отрицал, что глобальная мощь США хоть как-то ухудшается. Однако в самих США критики политики правительства предлагают думать не над тем, потеряют ли Соединенные Штаты свою непревзойденную мировую мощь, а над тем, насколько резким и болезненным будет упадок, учитывая возможный экономический спад, нефтяной шок, военные неудачи и Третью мировую войну. И их вывод таков: через несколько лет США станут банкротом, и часы отмеряют окончание «Американского века». Наблюдатели ожидают, какие сценарии выбрали элиты США для самосохранения — мировой хаос или сворачивание США с возможным переездом центра управления на иную площадку, не замазанную проблемами. Вот заголовок статьи в газете «Нью-Йорк таймс»: «Экономические взгляды Обамы отвергли на мировой арене; Китай, Британия и Германия бросают вызов США; торговые переговоры с Сеулом тоже провалились».

Кто же «извне» жаждет разрушения США?

Ясно, что это не такие государства, как Андорра, Кипр или Лихтенштейн. Но и не Германия, а также располагающие атомным оружием Англия и Франция, поскольку все эти страны входят в НАТО, где у США — решающий голос. И не Япония, ещё ядерным оружием не располагающая. Из ядерных держав не Китай, а только Россия может в случае войны нанести Штатам «неприемлемый ущерб», но ведь ей и самой придётся несладко. Так что внешние силы, желающие разрушения США, могут быть только **наднациональными и притом тайными**. Принято считать, что самая могущественная из таких тайных наднациональных сил — это структура, именуемая **Мировым правительством**.

О том, существует ли Мировое правительство, находится ли оно в стадии формирования, действует ли уже или же это выдумки сторонников «теории заговора», идут долгие споры. В рамках данной работы я остановлюсь лишь на тех фактах, о которых говорят и отечественные, и зарубежные аналитики.

Известно, что существуют такие структуры, как Трёхсторонняя комиссия, Совет по международным отношениям, Бильдербергский клуб и др. В них входят ведущие политики стран капиталистического мира, крупнейшие банкиры, руководители важнейших СМИ, высокие чины спецслужб и т.п. Ведь «бильдербергеры» ежегодно собираются в обстановке строгой секретности не для того, чтобы поделиться впечатлениями о проведенном отпуске или договориться о совместной поездке на рыбалку. Нет, на встречах этих деятелей обсуждаются главные вопросы мировой политики и экономики, и по ним принимаются решения, во многом определяющие судьбы народов и государств. Так что же, эти структуры — не органы Мирового правительства?

Ну а что по этому поводу говорят российские исследователи? На «круглом столе» в редакции газеты «Завтра» генерал Леонид Ивашов отметил, что сейчас мы наблюдаем попытку перекройки всего мирового сообщества. Однако это дело не одних США. **Есть глобальные силы, которые стремятся к мировому доминированию. Прежде всего это транснациональная финансовая элита Запада.** В ней американцы играют значительную, но далеко не определяющую роль. Когда этой элите стало ясно, что однополярный миропорядок может сорваться, поскольку возрождается противостояние по оси Запад—Восток, в котором Восток имеет значительные преимущества и перспективы, была запущена программа, которая

должна остановить развитие Востока, сохранить монополию мировой финансовой системы, западную сеть банков: Ротшильды, Рокфеллеры и так далее.

На четвертой встрече на высшем уровне по реализации концепции устойчивого развития в Рио-де-Жанейро принят принцип: **«Для достижения устойчивого развития необходимо не только сокращать численность населения, но и снижать уровень потребления»**. Методов сокращения численности населения и снижения уровня потребления много, и все они в случае необходимости будут задействованы. Прежде всего — на Востоке. Потому что, как сказал Жак Аттали, конец света наступит тогда, когда китайцы пересядут с велосипедов на автомобили. То есть когда уровень потребления на Востоке сравняется или хотя бы приблизится к уровню потребления на Западе. И чтобы не допустить этого, нужно превратить Восток в зону непрерывных конфликтов.

11 сентября 2001 г. ислам был объявлен врагом №1, начался крестовый поход против него. Обама использует древний принцип «разделяй и властвуй», чтобы мусульмане воевали за американские интересы. Идёт формирование глобальной суннитской силы, которую хотят бросить против всех врагов Запада. Уничтожаются в первую очередь те государства, которые выступают против американских претензий на мировую власть США. Это еще не Китай и Россия, но это уже Сирия и Иран, а раньше были Югославия, Ирак, Ливия — и так далее.

С.Л.Ивашёвым не согласен философ Гейдар Джемаль. Он анализирует ситуацию с позиции классовой борьбы, но не в классическом марксистском понимании — «буржуазия— пролетариат», а в более современном. В мире идёт глобальный процесс, который отнюдь не замыкается на финансовом интернационале или на оспаривании каких-то ресурсов — это фундаментальный идеологический конфликт, который сейчас вырвался наружу, потому что происходит смена общественно-политической формации. В наши дни идёт становление Мирового правительства, которое выходит из тени на передний план и открыто берет на себя полномочия. Оно состоит из нескольких слоев: это надгосударственная бюрократия ООН, Евросоюза, НАТО, а также неправительственные организации типа МАГАТЭ, Бильдерберга и т.п. Но классовый хозяин Мирового правительства — это традиционалистский клуб, представленный традиционной аристократией и высшим клерикальным истеблишментом. Это не только европейский, но всемирный клуб, куда, в частности, входят и Хашимитская династия Иордании, и исмаи-

литский дом Ага-хана. Это дома, существующие столетиями. Финансовый интернационал «всего лишь» обслуживает интересы традиционалистского клуба. За Фининтерном должны стоять носители «ключей от жизни и смерти», от фундаментальных ценностей. Эти ключи — как и 1000 лет назад — в руках у традиционалистского истеблишмента. Его инструмент, наряду с Фининтерном, это международная бюрократия, Мировое правительство. Чтобы оно начало работать, ему нужно разгромить национальные бюрократии, которые делают государственные суверенные территории не до конца прозрачными. Национальные бюрократии живут с бюджетов своих национальных территорий. А мировая бюрократия ни от кого не зависит, ни перед кем не отчитывается и деньги получает с фондов, которые отмывают чёрные доходы глобальных корпораций. Это принципиально разные интересы. Наиболее устойчивыми национальными бюрократиями, которые стоят под ударом мирового правительства и максимально ему мешают, являются нацбюрократии Китая и России. Хотя в России есть та часть бюрократии, которая понимает, что при победе мирового правительства ей не выжить. А есть бюрократия, которая мечтает стать на колени и присоединиться к мировому правительству хоть чучелом, чтобы иметь будущее, не связанное с национальным суверенитетом.

Итак, Мировое правительство — это всего лишь инструмент традиционалистского клуба. Национальные бюрократии подчиняются либералам. Не неолибералам, которые на стороне космополитической бюрократии, а либералам классического типа. Мубарак, Каддафи, Асад, Саддам — это все ставленники мирового либерализма. Этот клуб сейчас рухнет и уходит. Но есть еще и третий клуб, самый интересный. Это клуб радикалов. Его ядро — это исламские радикалы.

Они пока идут на параллельных курсах с мировым правительством — не совпадающих, а параллельных. Им тоже нужен снос национальной бюрократии, в первую очередь харизматических секулярных лидеров. Однако и мировое правительство для них такой же враг, с которым они начнут всерьёз воевать только после того, как свалят национальную бюрократию. А в центре данной ситуации стоит шиитско-суннитский конфликт соперников по поводу одного и того же.

Что такое Иран? На первый взгляд — это национальная бюрократия, бросающая вызов Западу. Но она подчиняется своей собственной теократии, которая в силу своего статуса, древности и т.д. причастна к традиционалистскому клубу через голову Мирового правительства. На самом веруе есть

могущественное лобби, которое пока не сдаёт Иран. Иранские аятоллы имеют прямой выход к тем, кто определяет мировую повестку дня в глобальном историческом масштабе. Однако иранская теократия ожидает прихода Махди и прихода Мессии, то есть Иисуса Христа. Это официальная доктрина Ирана: эсхатологическое завершение истории, которое будет сопровождаться вторым приходом Мессии. Шиитская иранская теократия позиционирует себя как комитет по встрече Иисуса Христа. А **Мировое правительство и те, кто за ним стоит, — это комитет по встрече антихриста.** Сунниты же не хотят, чтобы главными во встрече Иисуса Христа были шиитские мэтры из теологического центра в Куме.

Радикалы ведут борьбу и против либералов в лице харизматических секулярных лидеров, и против Мирового правительства, за которым стоят традиционалисты (пресловутый союз «монархии и Церкви»), определявшие мировую повестку дня до 1914 г. Россия в этом отношении — уникальное место, потому что это единственное пространство, которое освободилось от части традиционалистской грибницы путем по-якобински беспощадной «зачистки» Романовых и придворной знати. Бжезинский называет это место «чёрной дырой». Бжезинский выражает интересы традиционалистского клуба, он европейский аристократ. В России нет тех сил, которые контролировали веками мировую историю. Империалистическая верхушка давно вынашивала идею утверждения своего господства без кризисов, без революционных угроз снизу. **Смена общественно-политической формации в мировом масштабе — это приход постпотребительского общества, в котором фактически будут восстановлены внеэкономические формы принуждения, существовавшие при феодализме и рабовладении.** Конечно, это не будет чистое насилие, как в прошлом, это будет психологическое порабощение, технологии которого действуют уже сегодня. **Цель космополитической элиты — мировая война,** организованная не столько между Западом и Востоком, сколько между последними крупными центрами национальной государственности, такими, как Китай, Россия, Индия. Эта Большая война, по расчётам стратегов традиционалистского клуба, должна в результате создать предпосылки для отмены государственности, коллапса нынешнего международного права, причём мир в результате превращается в единую территорию, разделённую на несколько контролируемых кластеров или сверхрегионов. 90 процентов населения Земли обрекается на голод, болезни и гибель. Единственная сила, которая способна этому противостоять, — это религиозно-политический радикализм, организованное движение в международном масштабе.

Наконец, культуролог Владимир Винников внёс важное уточнение: Вашингтон устроит и светский и теократический правящий режим той или иной страны, лишь бы он в своей внешней политике и в своей экономике максимально ориентировался на США. То, что США на Ближнем Востоке свели к минимуму собственное вооружённое вмешательство во внутренние дела третьих стран, предпочитая использовать в своих интересах разнородные отряды наёмников, не содержит в себе никакой новизны — точно так же поступали власти Римской империи периода упадка, скупая целые племена вооружённых «варваров». Чем эта политическая практика закончилась для «первого Рима», известно. То, что сегодня силы, которые Г.Джемаль назвал «радикальным клубом», выступают фактически наёмниками «клуба традиционалистов», только подтверждает: США сегодня направились по тому же гибельному пути, по которому шли древние римляне.

Однако **общие тенденции сегодня таковы, что они работают против глобальной гегемонии Америки.** Мы имеем дело не с агрессивней США как таковой, а с их **арьергардными боями** на собственной геостратегической территории. Практически каждый ход американцев только ухудшает их позиции. Почти никто в мире уже не считает США светочем демократии и главным защитником прав человека. И чем больше они будут проводить «миротворческих акций», подобных ливийским и сирийским, тем сильнее в мире будет укрепляться негативное отношение к США. Поэтому скоро ситуация начнёт раскручиваться в обратную сторону. И главной альтернативой американскому диктату выступит КНР, которая отправила целый военно-транспортный морской конвой в Сирию.

Ведущий «круглого стола» Александр Нагорный отчасти согласился с точками зрения и Л. Ивашова, и Г. Джемалья. Однако, по его мнению, сейчас **идёт разделение Запада**, но не по бюрократическому принципу, а в категориях растущей схватки между сверхкрупными монополистическими группами. Между, условно говоря, группой Ротшильдов (финансовый капитал) и Рокфеллеров (ВПК и нефть). Сейчас, с введением прямого аудита ФРС, нанесен смертельный удар по Ротшильдам, которые контролировали в значительной мере мировую эмиссию доллара.

Но для России главное — в том, что схватка переместится на территорию Ирака, где столкнутся суннитские боевики при поддержке США с шиитскими отрядами, которые будет поддерживать Иран. Тогда высока вероятность втягивания напрямую военных подразделений Турции. Возникает межис-

ламская война, в которую и должно ввязаться НАТО, поскольку Турция является членом этой организации. И повторится ливийский сценарий. Турецкие части и «Аль-Каида» ведут наземные операции, а США бомбят иранскую армию и города. Иранцы отвечают ракетными ударами по базам США на Ближнем Востоке и, видимо, по Израилю. И это легитимирует использование ядерных зарядов, что вряд ли выдержит Иран. Далее поражение и распад Ирана на части, подконтрольные США. Заметим, что продолжительность войны — порядка 6 месяцев, а это приведёт к запредельным ценам на нефть и к развалу еврозоны, что так нужно США. В итоге — прямой выход американцев в Среднюю Азию, а также на Каспий и, вероятно, Поволжье, перенос центра тяжести на операции против РФ.

Некоторые нюансы рассматриваемой проблемы осветил в своих статьях профессор Андрей Фурсов. Он также проводит аналогии между нынешними США и Римской империей в годы застоя и упадка. Римляне позволили поселиться на своих приграничных землях «окультуренным» варварам, чтобы те защищали их от «диких» варваров. Но когда Рим ослабел и перестал платить «своим» варварам, те стали грабить римские города и, в конечном счёте, похоронили Империю. По данным американских исследователей, США разработали новую политику в связи с провалом планов Трёхсторонней комиссии по установлению мировой американской гегемонии. США перенапряглись, ввязавшись в войны в Ираке и Афганистане. И теперь они готовы сотрудничать с авторитарными и тоталитарными «добропорядочными» государствами вроде Египта или Нигерии. США создают иерархию надгосударственных образований, своего рода глобальную преторианскую гвардию, опять как бы «варваров» против ещё более диких варваров. Этим диких уже называют не государствами-изгоями, а «государствами-хищниками». Если изгоя достаточно изгнать, то хищника нужно уничтожить. Примечательно, что в этих планах вовсе не упоминаются ни Россия, ни Китай. Очевидно, эти две страны и будут главными объектами агрессии со стороны США и всех американских союзников.

Фурсов согласен с Линдоном Ларушем в том, что **реальная власть — это тайная власть**, многие секреты современности уходят в эпоху рубежа XV—XVI веков. Что есть некие наднациональные структуры, которые управляют историческим процессом или, как минимум, направляют его. Ларуш совершенно верно фиксирует роль Венеции и Ост-Индской компании в развитии современного мира, его господствующую

щих групп. Учителями англичан были венецианцы. Они во второй половине XVI в. переформатировали английскую элиту, перенесли на островную почву свои властно-технологические и интеллектуальные наработки. Результатом стало резкое ужесточения отношения английских «верхов» к «низам». (Профессор Сергей Кара-Мурза верно отметил, что отношение к «своим» «низам» со стороны английских «верхов» как к говорящему скоту впоследствии было перенесено на отношение к народам английских колоний.)

Мировому капиталистическому классу объективно нужны максимально закрытые надгосударственные, наднациональные структуры, они снимают противоречие между экономической целостностью и политической фрагментарностью капиталистической системы. Отсюда упорное стремление верхушки мирового капиталистического класса к созданию чего-то наподобие Мирового правительства. И каждый раз на пути решения этой задачи вставала Россия; и в этом — одна из причин горячей «любви» к ней, а также к нам, русским, хозяев капиталистической системы — англосаксов, особенно британцев.

Эпоха национальных государств ушла, тем более, что глобализации и глобальным хозяевам такое государство противостоят не в силах. Реальной альтернативой глобалитарному режиму могут быть только импероподобные образования, ядром которых является триада: «военно-промышленный комплекс — армия — спецслужбы».

В отличие от Ларуша, Фурсов подчёркивает не столько технико-экономическую, сколько социальную, классовую сторону этого поворота. Торможение научно-технического прогресса и деиндустриализация были средством социальной борьбы верхов против средних слоёв и рабочего класса.

Если нация-государство — это высшая форма государственности, то «государство всеобщего благосостояния», существовавшее на Западе в период с 1945 по 1975 г., — это высшая и наиболее демократичная форма нации-государства. Его триумф был и триумфом среднего класса. В начале 1970-х годов средние классы настолько окрепли экономически, что реально — в условиях демократии — оказались способны бросить вызов правящему слою ядра капиталистической системы. Поэтому в 1975 г. по заданию Трёхсторонней комиссии был подготовлен доклад «Кризис демократии». Там были сформулированы основные задачи по свёртыванию демократических свобод. Однако без деиндустриализации, которая сломала волю рабочих, ликвидировать демократию в западном обществе было бы невозможно.

Кроме того, в конце 1960-х годов лидер Запада — США оказались в очень трудном экономическом положении: потребление стало превышать производство, и разрыв этот стал быстро нарастать. По сути, это означало проигрыш экономической гонки Советскому Союзу. Выход был найден, во-первых, в переводе промышленности в Восточную Азию (в перспективе главным образом в Китай); во-вторых, в отказе от золотого стандарта; в-третьих, в резком усилении теневого и «криминального» секторов мировой экономики. Ну и в перевербовке части советской элиты — властной и интеллектуальной. (Но об этом речь пойдёт в последней главе.)

А Мировое правительство, по А.Фурсову, — это орган не прямого управления миром, а согласования интересов разных кругов мировой элиты.

Российский либерал Гавриил Попов опубликовал в «Московском комсомольце» статью «Кризис и глобальные проблемы», где открыто изложил планы «мировой закулисы» по строительству «Нового мирового порядка», обычно обсуждаемые за закрытыми дверями. Нужны Мировой парламент, Мировое правительство, Мировые вооружённые силы, Мировая полиция, Мировой банк. Необходимо передать под международный контроль ядерное оружие, ядерную энергетику, ракетно-космическую технику, все полезные ископаемые планеты. Надо установить предельные нормативы рождаемости, очистить генофонд человечества, формировать с детства людей, чуждых культурно-религиозной несовместимости и пр. Необходим мировой контроль над рождаемостью, использование для этого новых биотехнологий. И чтобы мировое правительство, а не национальные государства контролировали источники энергии: добычу нефти, её переработку и поставку на мировые рынки. А «страны, которые не примут глобальную перспективу, должны исключаться из мирового сообщества»... Ну а что ожидает страну, «исключённую из мирового сообщества», можно себе представить, помня уроки Ирака, Ливии и др.

Известный философ Александр Зиновьев признавал:

«...На самом верху есть, конечно, небольшой круг лично знакомых людей, определяющих общую стратегию. Это не значит, что они где-то постоянно заседают и думают. Они вообще могут не заседают и не думать. Их средства управления — детально разработанная и апробированная система манипулирования массами, народами, правительствами... Верхушку этой системы составляют 300 самых богатых и влиятельных семей и кланов».

Кстати, о числе 300. Это что-то вроде «мировой константы». Если, например, объединятся два государства, в каждом

из которых есть свои 300 правящих семей, то через некоторое время в результате конкуренции в объединённом государстве останутся «наверху» 300 семей. (Можно по аналогии вспомнить принцип Вильфреда Парето: «20:80» — в любой крупной организации 20 процентов сотрудников выполняют 80 процентов работы и пр.)

Теперь посмотрим, что говорят по этому вопросу зарубежные авторы.

Может быть, тут для начала стоит вернуться к известной книге Джона Колемана «Комитет 300», пусть она кое-кому и покажется староватой. Я отмечу лишь те её места, на которые предыдущие исследователи не обратили должного внимания.

Читатели уже знают (или догадались) что «Комитет 300» — это 300 наиболее богатых и влиятельных семей планеты, оказывающих существенное влияние на происходящие в мире события. Секрет их успешного управления миром — в том, что они способны создавать экономические спады и депрессии. Эта тайная элитная группа — наследники иллиуминатов, культов Диониса и Изиды, катаров, богомилов. Они ощущают себя подлинными «хозяевами мира» и даже подчас называют себя «олимпийцами» (веря, что по своему положению и мощи равны легендарным богам Олимпа, которые поставили себя, как их бог Люцифер, выше нашего истинного Бога). И, значит, по божественному праву призваны управлять миром. Остальные люди по своему развитию стоят чуть выше скота. Поэтому, — говорит Виктор Аксючиц, — человечество и органичное мироустройство представляются им неоформленным хламом, который необходимо волевым образом упорядочить. Планетарная «коммуналка» с надоевшими ветхими перегородками, бесконечными дрязгами стран, чрезмерной многоликостью и раздражающей неуправляемостью народов должна быть разрушена. А на её месте воздвигнуто монолитное здание Нового мирового порядка с унифицированной цивилизацией потребления, правами человека для избранных («золотого миллиарда» жителей избранных или индустриальных, стран) и мировым жандармом для отверженных (остальных народов, приговорённых к прозябанию на обочине цивилизации). По существу, транснациональная олигархия объявила войну всему миру, стремясь подчинить волю союзников и поработить отверженные народы.

Колеман подтверждает выводы Ларуша и других авторов о решающей роли британской монархии и старой аристократии Лондона, Венеции и Генуи в системе этой самозваной мировой власти. «Комитет 300» находится под контролем бри-

танского монарха, ныне — Елизаветы II. «Комитет 300» получил в своё распоряжение огромные богатства от торговли наркотиками, а также запасы золота и алмазов, других металлов и минералов. Почти над всем миром был установлен полный финансовый контроль.

Колеман понимает (что редкость среди наших современников): как Британия управляла Соединенными Штатами со времени войны 1812 г., так она и продолжает осуществлять контроль над страной через «Комитет 300», хотя внешне дело часто выглядит как раз наоборот. В этом проявляется разница между «политикой для публики» и реальной политикой элит. (По Колеману, вся жизнь американцев могла бы быть иной, если бы только народ Соединенных Штатов знал, что все передачи их главных телевизионных компаний подвергаются британской цензуре, а вся информация, которую они передают, сначала направляется в Лондон для получения разрешения.) Приведу лишь два подтверждающих это примера.

В 1940 г. лорд Бивербрук приехал в Вашингтон и приказал Франклину Рузвельту вступить в войну с Германией, которая, по сути, была войной Британии. Рузвельт выполнил приказ, разместив флот США в Гренландии, который за 9 месяцев до Пёрл-Харбора выслеживал и атаковал немецкие подлодки. Как и его последователь Джордж Буш, Рузвельт относился к Конгрессу как к надоедливой мухе. Действуя как король, он действительно находился в родственных отношениях с королевской семьёй. Рузвельт никогда не просил разрешения Конгресса на свои незаконные действия. Именно это Британия имеет в виду, говоря о своих «особых отношениях с Америкой». В 1941 г. Рузвельт принудил Японию воевать, соблазнив ее первым военным успехом, и использовал боевую часть Тихоокеанского флота как приманку для нападения. О времени нападения Японии руководство США и Великобритании знало за сутки до удара, но не сообщило об этом военным. Олигархия и монархия, Уолл-стрит и Виндзорский дворец развязывают войны под флагом защиты свободы, но в стремлении создать мировое тоталитарное правление, мировую диктатуру.

«Комитет 300» постановил, что в будущем мир должен стать лучше и меньше. Почему? Потому что его члены придерживаются идеи Мальтуса и фон Хайека о том, что природных ресурсов на всех не хватит. А потому миллиарды бесполезных едоков — потребителей ограниченных природных ресурсов — должны быть уничтожены. Завет Книги Бытия «плодиться и обрабатывать землю» должен быть переиначен.

И ныне «Комитет 300» имеет свои «мозговые центры», среди которых особое место занимает «Римский клуб». В российском «Большом энциклопедическом словаре» ему даётся такое определение: «Международная общественная организация, основанная в 1968 г. с целью исследования развития человечества в эпоху научно-технической революции. Объединяет около 100 учёных, общественных деятелей, бизнесменов из разных стран, в том числе России. Поощряет исследовательские проекты и публикует так называемые доклады Римскому клубу, которые привлекли внимание к глобальным проблемам и вызвали острую полемику».

Прочитаешь такое и удивишься: надо же, такое замечательное учреждение, занимающееся столь благородными делами. Что-то вроде международной академии наук на общественных началах.

Возглавлял клуб Аурелио Печчеи (1908—1984). Считается, что именно Печчеи формулировал и политику НАТО в глобальном масштабе, он же приложил руку и к созданию Бильдербергского клуба. Но в упомянутом российском словаре, содержащем почти 1500 страниц мельчайшего текста, ни Печчеи, ни Бильдербергский клуб вовсе не упомянуты.

В Википедии — свободной энциклопедии в Интернете — о Печчеи даётся такая справка: «итальянский ученый (отец венгр, мать итальянка), менеджер и общественный деятель, основатель и президент Римского клуба, исследовавшего глобальные модели развития человечества. А. Печчеи — автор книг и документов по глобальной проблематике и концепции устойчивого развития. Был вице-президентом компании «Оливетти», членом административного совета компании «Фиат». Автор нескольких прогностических и научно-популярных книг, переведённых на многие как европейские, так и азиатские языки». В числе основных его работ названы (даю все названия в переводе на русский): «Пропасть впереди» (1969); «Человеческие качества» (1977, в России издана в 1980 и 1985 гг.); «100 страниц о будущем: размышления президента Римского клуба» (1981). Прочитаешь такое — и проникнешься уважением. Ясно, что это человек не бедный, если входит в правления крупнейших корпораций Италии, а вот гляди же — озаботился будущим человечества. Вот так и производится обольванивание людей во всём мире. Там, где нужно говорить о злодеях, замысляющих планы порабощения человечества, пишут о неких джентльменах, озабоченных судьбами мира.

Помнится, когда я только пришёл на работу в Институт мировой экономики и международных отношений АН СССР,

меня часто спрашивали: «Как, вы не читали «Человеческие качества» Печчеи?» Пришлось мне не просто прочитать, а внимательно изучить эту культовую в Институте книгу. И не скажу, чтобы она меня обрадовала. Но сейчас речь идёт не о моём мнении, а о том, как охарактеризовал Печчеи и созданный им клуб Колеман. А он, в отличие от нынешних чрезмерно политкорректных авторов, отмечает следующие моменты, выпавшие из поля зрения наших «энциклопедистов»: Печчеи был убеждён в том, что в будущем мир будет ввергнут в хаос, если он не будет управляться единым Мировым правительством. Он выступал против национальных государств, являющихся, по его мнению, тормозом для прогресса человечества, и призывал к «коллективной ответственности». Национализм для него — это как раковая опухоль на человеке.

Борьба человечества идёт прежде всего в духовном плане. К сожалению, христианские церкви стали простыми социальными клубами, управляемыми злодейским Всемирным Советом Церквей (ВСЦ), чьи истоки — в лондонском Сити. Он тоже создан «Комитетом 300».

По поручению «Римского клуба» были составлены доклады, в которых доказывалось, что дальнейший индустриальный рост приведёт к скорому исчерпанию природных ресурсов и недопустимому загрязнению окружающей среды, а это грозит гибелью человечества. А потому следует ограничивать научно-технический прогресс и индустриальный рост, в частности, развитие ядерной энергетики. Противники «Клуба» считают эти доклады откровенным обманом. В них намеренно умалчивалось, что творческий гений человека в любом случае найдет решение проблемы недостатка ресурсов. Для СОЗДАНИЯ природных ресурсов может быть использована энергия холодного термоядерного синтеза.

Колеман показывал, почему «Римский клуб» выступает против ядерной энергетики и щедро финансирует созданное им фиктивное «природоохранное» движение. С помощью ядерной энергетики, позволяющей вырабатывать огромные количества дешевой электроэнергии, страны третьего мира постепенно стали бы независимы от финансовой помощи США. Они начали бы утверждать свой суверенитет и вышли бы из того отсталого состояния, которое «Комитет 300» приказал сохранять и впредь. Уменьшение иностранной помощи означало бы уменьшение контроля МВФ за природными ресурсами развивающихся стран. Движение против ядерной энергии в США было успешно использовано, чтобы застопорить промышленное развитие страны в соответствии с планами Клуба, предусматривающими «нулевой постиндустриальный

рост». Зависимость от финансовой помощи США фактически держит зарубежные страны в рабстве у мировой олигархии. Населению стран, которым оказывается помощь Запада, достаются лишь жалкие крохи, а основная часть оседает в карманах государственных лидеров, которые позволяют МВФ хищнически выкачивать природные ресурсы из страны. «Римский клуб» стремился не только затормозить и повернуть вспять промышленное развитие, но и распространять контркультурные движения и привычки, такие, как наркотики, рок, секс, гедонизм, сатанизм, колдовство и «движение зеленых». По планам Клуба, природные ресурсы не принадлежат отдельным странам, а должны распределяться в рамках глобального планирования. Национальные государства либо должны принять главенство «Римского клуба», либо жить по закону джунглей и бороться за свое выживание. Колеман утверждает, что планы геноцида для Пол Пота были разработаны в США одним из исследовательских центров «Римского клуба».

«Комитет 300» рассматривает глобальные социальные катаклизмы и экономические депрессии в качестве подготовительного средства перед грядущими более серьезными событиями, в итоге которых миллиарды людей по всему миру в будущем станут послушными получателями его «пособий по безработице».

«Комитет 300» — единственная организованная властная иерархия в мире, превосходящая по своему могуществу все правительства и личности, какими бы сильными и защищенными они ни чувствовали себя. Она охватывает финансы, оборону, а также политические партии всех цветов и типов. Мировое правительство — это теневая администрация мировой олигархии (300 семейств», держащих контрольный пакет акций всей мировой экономики). Раз оно — теневое, то формальной власти ему и не нужно, поскольку власть обычно предполагает гласность и ответственность.

Если есть такой комитет, который рассматривает все важнейшие всемирные проблемы и принимает по ним решения, которые потом передаются как приказы национальным правительствам, то разве это — не Мировое правительство? Даже президент США Буш-старший заявил перед Конгрессом, что «эти смутные времена могут породить новый мировой порядок, который есть наша общая цель. Сегодня этот новый мир борется за право быть рождённым, мир, совершенно непохожий на нынешний». В том же духе высказывались президент Франции Николя Саркози (уже бывший) и премьер Англии Гордон Браун (тоже бывший) — ставленники финансовой группы Ротшильдов.

Вот и папа римский (теперь уже бывший) Бенедикт XVI признал: «Существует срочная нужда в настоящей мировой политической власти». Из Ватикана же раздаётся голос в пользу создания Всемирного центрального банка для регулирования мировой финансовой системы, а это немыслимо без образования Мирового правительства.

Хорошо известный в России итальянский журналист Джульетто Кьеза в одном из своих интервью (со ссылкой на публикацию в «Нью-Йорк таймс») показал, что миром правят девять человек. Это руководители 9 мировых банков (кстати, все из списка тех банков, которые незаконно получили бесплатные и безвозвратные кредиты от ФРС). Именно они являются тем «**мировым Политбюро**», которое принимает судьбоносные решения в области мировой политики, экономики, финансов. А организации типа Бильдербергского клуба — это ежегодные съезды (или пленумы) мировой закулисы (типа Съездов КПСС или Пленумов ЦК КПСС), на которых остальные члены мировой элиты информируются об исполнении ранее принятых решений и утверждают новые, проекты которых заранее готовят «члены Политбюро».

Другой высший орган мировой закулисы — акционеры Федерального резервного банка Нью-Йорка (это главный банк из 12 федеральных банков, составляющих ФРС). Главные акционеры — Ротшильды и Рокфеллеры. Они составляют «малое Политбюро», которое возвышается над упомянутой «группой девяти». Ротшильды и Рокфеллеры участвуют в капитале тех банков, которые получили (и продолжают получать) триллионные транши ФРС. Они имеют не просто сверхприбыли, а сверхприбыли «в квадрате», так как одновременно выступают в двух ипостасях: как кредиторы, получающие проценты с выданных кредитов, и как получатели кредитов (которые они отдавать не собираются). Подробнее о «малом Политбюро» — главных акционерах ФРС — можно прочитать в книге Николаса Хаггера «Синдикат», переведенной на русский язык. (Вероятно, Кьеза не знает, что выше Ротшильдов и Рокфеллеров в мировой иерархии стоят Барухи. Их состояния — это триллионы и триллионы, они, в отличие от состояния Ротшильдов, например, не поддаются даже приблизительной оценке. По сравнению с такими средствами десятки или даже сотни миллиардов Билла Гейтса или Уоррена Баффета, возглавляющих списки самых богатых людей планеты в журнале «Форбс», — это мелочь.

Энтони Саттон, автор известной у нас книги «Власть доллара» (М., 2003), рассказал о встрече с бывшим министром финансов США Джеки Рубином, который показал ему напечатанные купюры достоинством в 1000, 5000 и 10 000 дол-

ларов. *«На этих купюрах уже не было портретов президентов США. До сотни долларов — там президенты. Он сказал: это рабы, а вот это рабовладельцы. Кто же там был? Шифф, Лейба, Кун, Барух. В париках их предки. Так, на купюрах, которые не имеют хождения среди народа, уже напечатаны портреты тех, кто реально правит миром. Банкиры сидят в тени, и богатства всего мира принадлежат им. Они реально правят не только Америкой, но и всем миром».*

Банка Барухов, как банка банков Мирового правительства «Стандарт Чартер Банк» в Лондоне, нет ни в одном списке банков. Тем не менее этот банк в Лондоне контролирует все расчёты в мире. *«Рокфеллера, Ротшильда выставляют как мальчика на побегушках. А про настоящих, например, Баруха, никто не говорит... Круче Баруха никого нет. Это триллионер. А выставляет вместо себя принца... На Баруха замыкается вся эта финансовая пирамида».* У этой власти — средневековые корни. *«Это была особая семья, связанная со всякими мистическими движениями в иудаизме, с тех пор они в тени и остались. Они реально руководят Америкой. Они даже не входят в так называемое Мировое правительство. Клуб Бельдербергеров... И всем этим дирижируют Лейба, Барух, Шифф, Кун, их семейства, которые переплелись друг с другом родственно. И они же, одновременно, возглавляют мировое масонство, не только шотландского толка, но и шведского толка... То, что происходит в финансовом мире России, Армении, Грузии, какой-то провинциальной Латвии, — всё находится под контролем Баруха и им подобных. Но публично они нигде не фигурируют, их как бы нет... Тот, кто глобально руководит банковской системой, он враг местным финансовым группам... При необходимости «мелочёвку» могут пустить под нож».*

Такая сила, как Мировое правительство, действительно, способна разрушить США, если сочтёт это необходимым. Но входит ли это в её планы?

Академик РАН Сергей Глазьев утверждает: «Не следует, однако, преувеличивать степень консолидации транснационального капитала и его представителей, которые для удобства весьма условно именуется мировой олигархией. Это явление не укладывается в расхожие схемы «мирового империализма» или «масонского заговора», речь идет больше о тенденции, чем о сложившейся организационной структуре».

Да, в среде мировой олигархии существуют острые противоречия. При общем согласии в необходимости Мирового правительства и построения Нового мирового порядка между разными кругами олигархии существуют и серьёзные разногласия, в том числе и по поводу будущего США.

Одни хотели бы использовать национальные ресурсы этой страны для обеспечения своего глобального господства и потому заинтересованы в сохранении мирового лидерства США, чтобы те стали всемогущим жандармом, обеспечивающим интересы транснационального капитала. Ради этого народу США внушается комплекс имперского превосходства, исключительного права на лидерство и насилие в мировой политике. По принятой администрацией США «Стратегии национальной безопасности США в следующем столетии» американский народ должен стать опорой и средством обеспечения господства мировой олигархии. В обмен американскому народу обещают процветание и стабильность.

Другая часть мировой олигархии убеждена в том, что США должны быть разрушены, вслед за чем пойдёт уничтожение всякой государственности с целью образования единого мира («без России и Латвий...», как сказал поэт).

Всемирная империя «новых венецианцев»

По А.Фурсову, непременным условием утверждения Нового мирового порядка стала ликвидация национальных государств и переход от «мир-экономики» к «регион-экономике» (или «регион-государствам»). Например, французская Лотарингия с её запасами железной руды и германский Рур с его каменным углем могут стать мощным экономическим образованием, которое будет теснее связано с другими подобными же образованиями в разных частях света, чем с Францией или Германией. А «регион-экономика» уже определяется сугубо экономическими, а не политическими и уж тем более не социальными требованиями, и ей не свойственна никакая социальная или политическая «лирика». Это — мир «экономического человека».

При глобализации в процессе *производства и обмена* информационные (т.е. нематериальные) факторы господствуют над вещественными («материальными»). Капитал, превращающийся в электронный сигнал, оказывается свободен практически от всех ограничений со стороны государства. Создаётся глобальный рынок финансовых капиталов. И место нации-государства должно занять корпорация-государство (КГ, не путать с корпоративным государством). В КГ главное — это сведение к минимуму издержек, вплоть до избавления от экономически лишнего, нерентабельного населения путём шоковых реформ для отсечения от общественного пирога огромных масс людей.

Если корпоративное государство — это социальное государство, то КГ — это рыночно-экономическое государство, несоциальное или даже асоциальное. В идеале КГ — это де-

национализированная либерально-космополитическая структура рыночно-репрессивного типа.

Нация-государство соответствовало индустриальной эпохе. Во-первых, индустриальное производство требует массового рабочего и среднего классов — в качестве как производителей, так и потребителей, обеспечивающих эффективный спрос. В системе наукоёмкого производства эти массовые слои не нужны.

У новой глобальной «железной пяты» нет потребности непосредственно править миром. От их имени эта задача возложена на плечи национальных правительств, которые перестают быть национальными, превращаясь в органы ТНК.

Глобальная экономика базируется на пяти «китах»: это — торговля нефтью; торговля оружием; наркотрафик; торговля золотом и драгметаллами; проституция и порнобизнес. Нация-государство должно бороться с криминалом в общегосударственных интересах. А для КГ главное — это прибыль, экономическая рентабельность, а не государственность или мораль. В итоге КГ может превратиться в «государство-бандита».

Пока мировая олигархия стремится управлять не всеми ресурсами планеты, а лишь «командными высотами» в экономике, где благодаря монопольному положению можно получать огромные прибыли и диктовать свои правила игры остальному миру. Это — в основном эмиссия денег, финансовые услуги, банковские операции и пр. На остальную мелочь ей расходовать свои силы не стоит.

Теперь — об одном действительно революционном тезисе. Если большинство исследователей полагает, что цель Мирового правительства — обеспечить благосостояние населения стран «золотого миллиарда», то российский экономист Евгения Гильбо предрекает **«конец золотого миллиарда»**. По его словам, ныне мировые правящие элиты стремятся к демонтажу системы социальных гарантий для «Золотого миллиарда», к «опусканию» населения развитых стран практически до уровня третьего мира. Вот обоснования этой идеи.

Производство любого потребительского продукта состоит из создания образца (идеи продукта) и его тиражирования. И идеальная составляющая (проект, образец), и материальная (воплощение, тиражирование) требуют затрат. При технологической системе индустриального общества, господствовавшего на Западе в XVIII—XX веках, цена тиражирования тысячекратно преобладала над ценой идеи-образца. Чем больше людей работало, тем больше можно было произвести продукции. И максимизация использования людей в рамках процесса тиражирования стала политической задачей правящей элиты.

Механизация вызвала к жизни потребность в квалифицированном и разумном операторе с глубокой внутренней самодисциплиной, творческим подходом к делу и достаточным образованием для того, чтобы успевать за развитием технологии. Для этого был создан средний класс с его тягой к развитию личности детей, к привитию им внутренней самодисциплины и ответственности. Этому должна была соответствовать и социальная инфраструктура. Затраты на воспроизводство ответственной рабочей силы были включены в заработную плату, так что квалифицированные рабочие, наряду с мелкими предпринимателями, стали частью среднего класса.

Автоматизация привела к полному отрицанию основ индустриальной цивилизации — дороговизны тиражирования образцов. Тиражирование образца теперь составляет ничтожную величину от стоимости самого образца.

В результате автоматизации количество людей, занятых рутинными операциями, сократилось на два порядка. Рабочий класс начал разрушаться, особенно быстро в развитых странах. Усложнение техники повлекло, как ни странно, снижение требований к операторам. А потребность в них сократилась неимоверно. Рост доли стоимости образца в стоимости продукта привел к резкому изменению характера имущественных отношений. Обладание авторскими правами на образец стало главным капиталом, основным властным ресурсом в новом обществе, а сам образец — ведущим средством производства.

Постиндустриальное общество сформировало класс производителей постиндустриального (идеального, информационного) продукта. Этот класс соединяет в себе функции производителя и обладателя средств производства и конечной продукции. В силу этого этот класс почти не зависит от других слоёв общества, как в индустриальном обществе зависели друг от друга рабочие и капиталисты, а в доиндустриальном — крестьяне и феодалы.

Идёт перераспределение богатств в пользу нового класса. В США доходы наёмных работников не выросли по сравнению с 70-ми годами прошлого века, а для малоквалифицированных — упали. Не выросли и доходы мелких предпринимателей в индустриальной сфере и традиционных услугах. Зато заработки предпринимателей в постиндустриальных сферах сегодня резко возросли.

Капиталисты прошлого — владельцы средств производства — теряют свои позиции. В США в списке миллионеров лишь 1 процент получили свои состояния по наследству, а в списке миллиардеров — лишь 12 процентов. Остальные —

это миллиардеры в первом поколении, создавшие свои состояния на инновациях. Новые постиндустриальные бизнесы, несмотря на миллионные и миллиардные обороты, элитарны и не требуют найма большого числа исполнителей — разве что нескольких подмастерьев и менеджеров. Они не создают рабочих мест. Всё меньше рабочих мест создают и индустриальные отрасли. Рост автоматизации за 40 лет привел к сокращению потребности в рабочих на единицу выпускаемой продукции примерно в 100 раз. Сегодня от операторов больше не требуются высокая квалификация и дисциплина, необходимость в воспроизводстве ответственной и квалифицированной рабочей силы отпала. Тогда зачем много платить неквалифицированному оператору, если производство можно вывести из развитых стран в третий мир. Высвободившуюся рабочую силу занять негде, и безработица приобретает хронический характер.

Гигантское количество ненужных чиновников — это способ дать людям социальное обеспечение и видимость общественной полезности. Но и этот ресурс борьбы с безработицей уже исчерпан. К моменту завершения постиндустриального перехода лишь 10—15 процентов работающих будут заняты в сфере производства. Остальные вынуждены будут искать себе место в сфере услуг и на госслужбе. Безработица достигнет 40 процентов.

Социальное государство больше не соответствует сумме технологий, экономической базе современного общества. Концепции построения социальной структуры, соответствующей новой технологической реальности, у правящих элит тоже нет.

Исчезновение потребности в воспроизводстве квалифицированной рабочей силы позволяет из стоимости оплаты труда исключить воспроизводственную составляющую. Исчезает необходимость в бесплатном обучении. Образование становится личным делом каждого и превращается в сферу наживы. Систему социального обеспечения в старости планируется свести к обеспечению расходов на текущее потребление — еду и скромное жильё, но не на продление жизни. Такая реформа приведет к резкому сокращению продолжительности жизни, к вымиранию стариков. (Но избавление от стариков — это избавление от мудрости, от передачи молодёжи предшествующего опыта.)

Ресурсы и власть должны сосредотачиваться в руках тех, кто обладает главным ресурсом постиндустриального общества — информацией, образованием, авторскими правами. Этим будет определяться и принадлежность к правящему классу.

Ныне уже идет процесс смены старой финансовой элиты новой постиндустриальной в качестве доминирующей силы в структуре мировых элит. Неизвестно, придёт ли на смену политике демонстрация социального государства что-то конструктивное раньше, чем эта политика будет доведена до своего логического конца.

Но духовный смысл Нового мирового порядка пытался вскрыть профессор Валентин Катасонов в своей книге (в ней больше 1000 страниц) «Капитализм. История и идеология «денежной цивилизации». М., 2013. (Излагаю её содержание по рецензии Ольги Четвериковой.) Автор книги исходит из слов Христа: «Никакой слуга не может служить двум господам... Не можете служить Богу и мамоне» (Лк. 16: 13). В принципе были возможны два пути развития человечества, две цивилизации, одна из которых могла бы быть основана на заповедях Божиих, другая была выстроена на служении идолу богатства. Человечество пошло по второму пути, и в данном смысле капитализм — это не явление Нового времени, а лишь частный случай «денежной цивилизации», которая может развиваться лишь на основе отрицания христианства, с которым она абсолютно несовместима. К XXI веку эта денежная цивилизация дошла в своём развитии до той стадии, когда её основной принцип — накопление денег — настолько пронизал все поры общества и распространился на все виды человеческой деятельности, что уже и дары духа превращаются в «религиозный товар».

Зачатки денежной цивилизации («вирус капитализма») существовали ещё в древнем мире, и везде она приобретала разрушительный характер. Но особенно успешно её развитие пошло после того, как её идейно-мировоззренческое обоснование было закреплено в Талмуде, где впервые были чётко сформулированы главные принципы «религии денег», исповедуемой служителями мамоны — банкирами-ростовщиками. Это и есть те «избранные» в капиталистическом обществе, духовное помрачение которых выразилось в стремлении быть «как боги», в жажде власти над миром — не только над вещами, но и над людьми и, главное, над душами людей. Это и есть высшая цель банкиров-ростовщиков, а богатство и деньги — всего лишь средство подчинения всех остальных. Изобретя кредитные деньги (этот «вирус разрушения»), ростовщики создали такую долговую экономику, при которой все нации находятся в состоянии хронических должников. Чтобы рассчитаться, производятся новые деньги, то есть очередные долги, и в итоге, чем больше денежная масса, тем больше сумма долгов. Должниками являются все современные государства во главе с крупнейшим должником — США...

Рост долгов и есть реальная причина современного финансового кризиса, однако, замалчивая этот факт, ростовщики продолжают закачивать в экономику всё новые кредиты, увеличивая долги. Логическим концом данного процесса может быть только распад финансово-политической системы США и всей Западной цивилизации.

Строго говоря, В.Катасонов лишь развил идеи, высказанные русским гением Сергеем Шараповым в конце XIX в. Как сказано в одной статье в Интернете, «Фактически, весь мир — банкрот. Только не все ещё об этом знают. Однако, если где-то убывает, то где-то прибывает. Если все деньги мира уже не принадлежат ни правительствам, ни домохозяйствам, то это не значит, что они испарились. Они просто перекочевали на игровой стол финансовой олигархии, где деньги могут делать деньги напрямую, минуя товарное производство, где благодаря этому может бесконечно ускоряться финансовый оборот, мультиплицируя задействованные в игре суммы, и где можно бесконечно плодить финансовые инструменты, до небес вздымая девятый вал ничем не обеспеченных денег». Аналитики полагают, что впереди — масштабное инфляционное сжигание долгов, обесценение доходов и падение уровня жизни.

Сегодня все силы мировых ростовщиков брошены на то, чтобы обеспечить спрос на долларовые бумажки, с помощью которых они скупают реальные богатства всего мира. Для этого пока и нужны доллары, от которых они избавятся, как только все реальные богатства будут сконцентрированы в одних руках — в руках мировых хозяев. В этих целях и осуществляется глобальная либерализация, устраиваются кризисы, после возникновения которых иностранные инвесторы по дешёвке скупают «осколки» разрушенной экономики (обесценившиеся активы реального и банковского секторов). Деньги делают разрушения, деньги делаются на разрушениях.

По мнению В.Катасонова, тот общемировой хаос, в который пытаются ввергнуть человечество нынешние хозяева мира, видится им завершающей стадией мировой революции, в результате которой они надеются утвердить политическую и духовую власть антихриста. Это будет история нового рабовладельческого строя, где рабовладельцами будут бывшие ростовщики («золотой миллион»), а рабами — все остальные. А бывшими они станут постольку, поскольку деньги, которые всего лишь инструмент установления их власти, будут им больше не нужны.

Я бы только добавил, что, конечно, банкиры повинны во многих бедствиях человечества. Канцлер Германии князь Отто фон Бисмарк писал по поводу убийства президента

США Линкольна — ярого противника всевластия менял-банкиров: *«Смерть Линкольна — это катастрофа для всего христианского мира. Во всех США не было человека, равного ему... Я опасаясь, что известные своим лукавством и хитроумными трюками иностранные банкиры возьмут под свой полный контроль огромные богатства Америки и направят их на систематическое разращение современной цивилизации. Они не преминут погрузить весь христианский мир в пучину войн и хаоса только для того, чтобы вся Земля стала их наследием».*

Как в воду глядел князь фон Бисмарк! Можно привести аналогичные высказывания Наполеона, Ф.Рузвельта и других выдающихся деятелей, которые понимали опасность власти банкиров над обществом.

Однако и «простые люди» — это не безвинные овечки, жертвы алчности акул банковского бизнеса. «Золотой телец» испортил почти всех. Да и в самой природе человека заложены многие отнюдь не украшающие его свойства: и алчность, и тщеславие, и, в частности, агрессивность, которая и делает неизбежными войны.

Вообще буржуазный способ жизни, видимо, наиболее приемлем для человека-обывателя, иначе вряд ли могло бы произойти то предательство части советской номенклатуры, которое и привело к гибели СССР — к катастрофе всемирного масштаба, возможно, уже необратимой.

Как осуществляются планы мировой олигархии

Пока для установления своего господства мировая олигархия устраивает кризисы. Нынешний мировой кризис «хозяева мира» устроили не только для того, чтобы вовлечь всё производство в долги и затем скупить промышленные и сельскохозяйственные предприятия за бесценок (как это было в США во времена «Великой депрессии»). В их планах — установление Нового мирового порядка, точнее — современной формы рабовладения. Один из главных их идеологов Збигнев Бжезинский предрекает, начиная с середины 1970-х гг. и по сей день: *«Этот кризис не закончится до тех пор, пока мы не достигнем своих целей. Наши цели вам хорошо известны. единое Мировое правительство — вот что нам нужно. Оно будет сформировано — нравится вам эта идея, или нет. Вы сами нас об этом попросите. Потому что дальше будет только хуже и хуже, хуже и хуже. Скоро вы поймёте, что так называемый кризис ещё даже не начинался. Это не кризис... — это управляемый хаос. И далеко не многие из вас увидят, чем он закончится... Общество ещё слишком далеко от того, чтобы не только принять идею единого Ми-*

рового правительства, но и увидеть в новом мировом порядке своё единственное спасение. Поэтому сначала мы должны привести общество в необходимое для этого состояние. Для этого нужно гораздо больше, чем экономический паралич — нужны войны, голод и эпидемии по всему миру».

Ещё более влиятельный представитель мировой олигархии Дэвид Рокфеллер, автор идеи частной власти, которая должна заменить правительства, ещё в конце 90-х годов говорил: «Мы стоим на пороге глобальных перемен. **Всё, в чём мы нуждаемся — это масштабный кризис, и тогда народ примет новый мировой порядок**».

Бжезинский недавно на Ярославском Мировом политическом форуме предложил создать «новое содружество от Ванкувера до Владивостока», в которое войдёт и Россия (видимо, в роли младшего партнёра). А в октябре 2011 г. он заявил, что западный мир и всё человечество очень близко подошли к границе, за которой — хаос, разрушение всей нынешней системы. При этом Бжезинский де-факто признал виновность западной элиты в начале мирового кризиса. По его словам, западный мир в настоящее время находится в упадке из-за отсутствия воли к единству. А в это время мощь Востока постоянно растёт. Кризис создаёт предпосылки для массовых протестов против богатой части населения и пронизанного коррупцией чиновничества, для «международных беспорядков большого масштаба». Поэтому Бжезинский предлагает правящим элитам, классу сверхбогатых смириться с необходимостью проведения «революции сверху» — сформировать новую мировую политическую элиту для выхода из мирового кризиса и для управления человечеством. Только так можно избежать революционной смены элит. Смертельная угроза должна привести к оживлению Запада, это позволит его элите объединиться при безусловном доминировании США. В ближайшей перспективе следует ожидать слияния элит США и Евросоюза. В дальнейшем Бжезинский видит в этом «Атлантическом союзе» Турцию и Россию.

Итак, новый порядок не надо будет навязывать народам силой. Они сами настолько устанут от ужасов «управляемого хаоса», что возопиют: «Пусть придёт диктатор, который наведёт в мире порядок!», хотя это приведёт к сокращению численности населения Земли (в пределе — примерно в 3,5 раза).

Всё это так, только, по моему мнению, исследователи зря на первое место в этом процессе ставят банкиров или глав транснациональных корпораций. Настоящая правящая элита мира — совсем другие лица и структуры, а все эти Ротшильды и Рокфеллеры — лишь уполномоченные по управ-

лению частями мировых финансов, то есть слуги (хотя и высокопоставленные) подлинных хозяев. Им предоставлена довольно значительная свобода действий, они часто и забывают, что их держат на поводке, просто он длинный.

Даже внутри этого слоя высших слуг существуют острые противоречия. И по поводу будущего нового мирового порядка среди них нет единства взглядов. Колеман называл идеологов такого Единого Мира, где численность населения будет ограничена установлением лимита числа детей на одну семью, а также посредством болезней, войн и голода, пока из всего населения мира не останется 1 миллиард людей, приносящих пользу правящему классу в строго и четко определённых областях деятельности. Среднего класса там не будет — только правители и слуги.

Экономическая система будет основана на правлении олигархического класса, разрешающего производить ровно столько продуктов питания и услуг, сколько нужно для функционирования лагерей массового рабского труда. Все богатства будут сосредоточены в руках членов «Комитета 300». На руках у неэлиты не будет никаких наличных денег. Все расчеты будут выполняться с помощью дебитной карточки, на которую будет нанесен идентификационный номер владельца. Любое лицо, нарушившее нормы и правила «Комитета 300», будет наказано приостановлением действия его или её карточки на время, зависящее от характера и тяжести проступка. Страны третьего мира должны сами решить между собой, какая часть их населения должна быть уничтожена.

По Жаку Аттали, это будет общество «новых кочевников», не связанных ни с какой конкретной страной, которые могут жить в любом месте планеты, и ценность любого лица будет определяться суммой, находящейся на его банковской карточке. (С другой стороны, миллионы обездоленных тоже будут представлять собой «кочевников», мечущихся из страны в страну в поисках работы и куска хлеба.) А один из представителей семейства Рокфеллеров поделился идеей «всеобщей чипизации» населения Земли. Каждому будет вживлён чип, позволяющий соответствующим органам знать в любой момент, где человек находится и чем занимается, что должно исключить всякую возможность организованного сопротивления власти этой новой «Железной пяты». Но, как бы ни расходились отдельные кланы мировой элиты в деталях, они едины в одном: для установления нового порядка нужна большая война, особенно желательно — с участием России и на её территории. То, что расценивалось всегда и либералами, и социалистами, и консерваторами как «новый фашизм», рекомендуется сейчас как единственно возможный, «спасительный» путь для человечества.

В этих условиях на долю России вновь выпадает всемирно-историческая миссия, о которой речь пойдёт в последней, 16-й главе. А о том, насколько реальны планы мировой олигархии, будет сказано в главе 15.

Какую участь мировая олигархия готовит США?

Что касается США, то их перспективы зависят от того, какая часть мировой элиты возьмёт верх: та ли, которая желает сохранить США как мирового жандарма, обеспечивающего в мире порядок в интересах ТНК, или другая, которая стремится уничтожить это государство (как и государства вообще). В любом случае даже остатки социального государства, которое построил Рузвельт (ранее переболевший, как говорят, идеями строительства фашистского государства, но Ральф Эпперсон, автор известной у нас книги «Невидимая рука», всё равно называет созданное Рузвельтом государство фашистским), будут уничтожены. Замечу кстати, что после гибели Рузвельта «Римский клуб» не раз пытался навязать США свою волю. Сыграв определённую роль в урегулировании Карибского кризиса, он предложил президенту Кеннеди свою программу «управления кризисами» (предшественницу нынешнего «Федерального агентства по чрезвычайным ситуациям»). Но президент отверг все их советы. Когда Кеннеди был убит, представители Клуба снова начали в Вашингтоне переговоры. На этот раз переговоры были успешными. Затем была проведена конференции с целью положить конец технологическому и промышленному прогрессу в США.

После 1975 г., по А. Фурсову, США — это, с одной стороны, *государство*, с другой — *кластер ТНК*. В 1975 г. (Вьетнам, Хельсинки) государство США потерпело поражение в «холодной войне» от СССР. Это нашло отражение в том, что правящий в Америке 200 лет класс выходцев с Восточного побережья уступил место людям с запада и юга, тесно связанным с ТНК. В результате США превратились в нечто вроде Глобамерики. Однако, естественно, в США слишком много препятствий, которые тормозят формирование «корпорации-государства» — строя, для которого журналист Дэвид Уилкок подобрал замечательное название: «Финансовая тирания».

Но если США и будут сохранены как достаточно сильное государство, способное выполнять функции мирового жандарма, им предстоят печальные времена. Ведь сегодня большая часть американской экономики является постиндустриальной, виртуальной, и значительная часть *хозяйства* страны может моментально просто исчезнуть, оставив лишь огром-

ные долги и миллионы безработных менеджеров. США тогда не смогут претендовать на львиную долю «планетарного пирога», т. е. жить, потребляя вдвое больше, чем фактически зарабатывают. Уровень жизни американцев в среднем упадёт на 40—50 процентов, а бедных слоёв населения, которым последние годы часто приходилось жить в долг и приобретать жильё по ипотеке, — на 50—80 процентов. Уровень безработицы повысится до 30 процентов. Аналитики прогнозируют также нехватку энергии, пищи, воды в ряде районов страны.

В условиях неизбежной инфляции обесценятся не только сбережения и доходы рядовых граждан, но и значительной прослойки богатых людей. Уменьшится размер «общественного пирога», а значит, и большинство нынешней американской элиты, которая к нему сейчас допущена, будет от него отсечена. Средний класс вообще исчезнет, неизбежной станет почти поголовная морально-интеллектуальная деградация населения. В таких условиях неизбежно возрастёт и без того чрезвычайно высокий уровень насилия, разных видов преступности.

Такой степени обеднения и всестороннего упадка не выдержит страна с нынешней политико-экономической системой, и она должна будет преобразована в сторону крайнего ужесточения. «Глобальная элита» не упустит возможности и в США использовать нынешний кризис для провоцирования глубоких социальных потрясений, чтобы население, напуганное углубляющимся хаосом и разгулом насилия, потребовало прихода к власти диктатора. Вспомним, как разворачивались события в годы Великой депрессии. Тогда финансовый кризис вызвал экономический спад, который породил разнообразные социальные конфликты — марши безработных, поход фермеров на Вашингтон и пр. Дело завершилось установлением фактической диктатуры Ф.Д. Рузвельта, а далее — Второй мировой войной, которая и вывела США на позиции сверхдержавы.

Ныне Обама получил диктаторские полномочия, он при чрезвычайных обстоятельствах может распоряжаться всеми ресурсами страны, что означает, по сути, **уничтожение частной собственности** — этой «священной коровы» всего мироустройства последних трёх столетий. А пока под знаменем антитеррористической борьбы идет активный передел мира, устанавливается однополярный мировой порядок с национал-фашистской идеологией. Не случайно кандидат в президенты США на выборах 2008 г. Рон Пол заявил, что Америка постепенно превращается в фашистское государство: *«Мы идем к фашизму не гитлеровского типа, а к более мягкому, выражающемуся в потере гражданских свобод, когда всем зап-*

равляют корпорации и... правительство лежит в одной постели с большим бизнесом». Сейчас строится всемирный электронный концлагерь, а кризисы, конфликты и войны призваны оправдать его создание. И США идут здесь в авангарде.

Часто бывает так, что большие массы людей предпринимают действия, обусловленные не столько реальными обстоятельствами, сколько предчувствиями. На мой взгляд, именно такая картина наблюдается в США и сегодня. Эксперты отмечают начало бегства населения США в Европу, где непосредственная опасность для жизни пока не так велика. Полагаю, что не один Депардье захочет обзавестись и российским паспортом. Более того, следует ожидать массового наплыва в Россию мигрантов уже не с Востока, а с Запада.

Прав Виктор Аксючиц: *«Соединенные Штаты Америки являются своего рода колонией. Если Россия приговорена к участи сырьевой колонии, то США стали головным офисом транснациональной олигархии. В сырьевой колонии нужно разрушить все структуры защиты суверенитета, аборигены не должны быть цивилизованными. В офисе, напротив, для стабильности нужно поддерживать искусственно завышенный образ жизни, туда стягиваются все ресурсы, налаживаются самые современные коммуникации для деятельности штаба мировой олигархии. Эта наиболее враждебная сила для российской цивилизации объективно враждебна также американскому народу, хотя многие в Америке этого не осознают». «Золотой телец» совершил переворот в мировоззрении людей, направив их по ложному пути, заставив забыть о свободе и равенстве — главных ценностях, на которых стояли отцы-основатели США.*

Главной задачей лидеров США, если это государство сохранится, станет использование мирового кризиса как тарана для сокрушения своих конкурентов (европейских стран, Китая, России и др.). Для этого надо направить разрушительные силы кризиса на их экономики, перестроить глобальную экономическую систему за счёт остального мира, списав на него и все издержки кризиса, и свои непомерные долги. Тут есть множество вариантов, о которых частично уже говорилось ранее (введение новой валюты вместо доллара и пр.). Надо также сохранить имидж США как единственного места на планете, привлекательного для инвестиций. Даже если в США уровень жизни так катастрофически снизится, надо сделать так, чтобы в остальном мире он упал ещё ниже. Можно, как полагают некоторые авторы, попытаться раскрутить инфляционную спираль таким образом, чтобы, если какой-либо части мировых капиталов неизбежно придется сгореть в топке кризиса, то пускай это будут чужие капиталы — азиатских промышленников,

европейских банкиров, арабских шейхов и российских сырьевых олигархов. Атака на Россию уже началась. Как «Закон Магнитского», принятый в США, направлен не против коррупции вообще в мире, а только в России, так и конфискация части вкладов в банках Кипра коснулась (из зарубежных вкладчиков) в основном российских инвесторов. Это — элемент финансовой войны против России, которую Запад ведёт уже много лет. Но сегодня мир не тот, каким он был в 1944 г., когда США удалось навязать всему миру доллар в качестве единственной резервной валюты. В мире появились новые центры силы, и вряд ли мировое сообщество позволит США сохранить своё положение паразита, имеющего возможность жить за счет остальной планеты.

Если же в мировой элите возьмут верх сторонники уничтожения США, то картина будущего этой страны окажется совершенно иной. В книге «Планета трущоб» журналист Майк Дэвис утверждает, что миллиард людей, уже живущих в зловонных трущобах по всему миру (и это число вырастет до двух миллиардов к 2030 году), превратят «дикие, несостоявшиеся города Третьего мира... в характерное боевое пространство XXI века». Мировые силы порядка и их «напоминающие ос вооруженные вертолеты будут преследовать таинственных врагов на узких улицах трущоб... Но каждое утро трущобы отвечают красноречивыми взрывами и террористами-смертниками». Вряд ли этот автор предполагал, что подобная участь уготована и США. Между тем, со временем, сами США могут превратиться в новые глобальные «общинные земли», контролируемые расширенным составом Совета Безопасности ООН или схожим органом.

Согласно фон Хайеку, в основе экономики США должны лежать (а) городские чёрные рынки; (б) небольшие промышленные предприятия гонконгского образца, использующие потогонную систему труда; (в) туристская торговля; (г) зоны свободного предпринимательства, где спекулянтам предоставлена полная свобода действий и где может процветать торговля наркотиками; (д) прекращение промышленного производства и (е) закрытие всех атомных электростанций.

Подводя итоги таких проектов, Колеман с горечью вопрошал: «Кто будет отрицать, что Соединенные Штаты стоят на грани внутреннего краха и готовы упасть в объятия Единого Мирового Правительства новых Тёмных Веков, если США — духовный и моральный банкрот, если наша промышленная база разрушена, если в стране 30 миллионов безработных, если наши города — ужасная клоака всяких мыслимых преступлений с уровнем преступности почти в три раза выше,

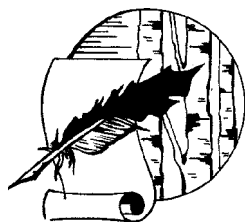
чем в любой другой стране, если в стране 4 миллиона бездомных, если коррупция в правительстве достигла невиданных размеров, охватив всех подряд?»

В своей книге «Как управлять миром» влиятельный американский политолог Параг Ханна предсказывает наступление нового Средневековья. В Средние века, как и в наступающем Новом мировом порядке, государственная политика строится «по феодам». Цельное, структурно зрелое общество, даже нации отсутствовали тогда и будут отсутствовать в будущем. Государства были слабыми в Средние века и станут вновь слабыми в будущем, зато сильными станут олигархи. Даже финансовый капитал в поздние Средние века уже начал играть решающую роль, а в наступающий период станет безраздельным хозяином. В Средние века люди жили в убеждении, что время никуда не движется, что все смыслы завершены, ибо всё уже сказано в Библии. Теперь Френсис Фукуяма провозгласил «конец истории», поскольку в мире воцарилась либеральная демократия, совершеннее которой ничего на свете не может быть. Но и новое Средневековье тоже подходит к концу. И некоторые западные политики заговорили о необходимости новой индустриализации. Цикл завершился, начинается новый виток спирали.

Но это не гегелевская спираль «тезис — антитезис — синтез». И выход из нынешнего кризиса ещё не просматривается. Точнее говоря, он и не закончится до тех пор, пока не будет устранена основная причина нынешней глобальной рецессии, состоящая в практически двукратном превышении совокупного спроса (потребления), особенно в США, над реальными располагаемыми доходами. А это невозможно без революционного изменения ситуации, без лишения финансовых спекулянтов их мощи и власти. Но **англо-саксонское мышление не в состоянии адекватно реагировать на происходящие в мире сдвиги, ибо свободный рынок для них понятие мистическое, почти религиозное, и действовать в обход рынка для них — ересь.** Вот и упоминавшийся выше Фарид Закариа утверждает, что модель либеральной рыночной экономики сейчас не имеет реальных идеологических альтернатив ни на одном континенте.

Поскольку «кирдык» США, устраиваемый им извне, не исключён, в следующей главе будет рассмотрено, как такой исход отразится на остальном мире.

Продолжение следует

Денис КОРОТАЕВ

В девяностые годы первые стихи Дениса Коротаева были опубликованы в «Молодой гвардии». Позже он стал лауреатом Всероссийского поэтического конкурса имени Сергея Есенина. Талант поэта с каждым годом креп, мы ждали его новых ярких стихов... Но 10 лет назад Денис трагически погиб.

Прошли годы, но и сегодня его стихи современны, живы, волнуют и радуют нас.

СВЕТ И ТОК

* * *

Кто ты? Мне все о тебе говорят.
Судя по тем словесам,
Раньше ты был и красив, и богат,
Ныне же пьян и бедней во сто крат,
Так, что не ведаешь сам.

Мало ли мелет молва чепухи?
Я и не верил бы, но
Бают, мол, ты, ненавидя грехи,
Ныне батрачишь за миску ухи
В недорогом казино.

Бают, мол, продал себя и детей.
Те ж, кто с тобою знаком,
Даже сочувствуя доле твоей,
Рады, что сами не этих кровей,
И шелестят языком.

Все, что они о тебе говорят, —
Камень и в мой огород...
Но, даже если ты правде не рад,
Кто ты, скажи, мой единственный брат,
Кто ты, мой русский народ?

* * *

Не кормлены дети, но весел наш тон,
И новый правитель нам скажет, что он
Укажет нам путь на крошечный рассвет,
Которому равного попросту нет...

А я вот, представьте, не верю...

Да сгинет начальник! Да здоровует босс!
Привет, Санта-Клаус! Прощай, Дед Мороз!
Ну что вы сидите? Откройте же рот:
Добрый Дядя Сэм нас накормит вот-вот.

Но я в это как-то не верю...

И мы будем так же тарашить зрочки
На то, как солдаты стреляют бычки,
И скажем по случаю наверняка,
Что наша броня точно так же крепка.

А я и подавно — не верю...

Не надо гадать в удивлении — из
Чего же рождается мой пессимизм.
Быть может, потом, по прошествии лет,
Вы скажете грустно — «А прав был поэт»...

Но я даже в это не верю...

* * *

Я — изысканность русской медлительной речи
К. Бальмонт

Я — сорняк на газоне новейшей России.
Хоть косили меня — да пока не скосили.

Ну а если коса все же срежет под корень —
Я останусь в земле, садоводу на горе

И взойду по весне — сын неведомой тучи —
Некрасиво кривой, вдохновенно колючий,

Над газонной травой, невысоко-безликой,
Поднимусь как смогу — переходим каликой,

Напою сотню пчел первосортным нектаром
И развею себя по окрестным гектарам...

Садоводы тотчас в страхе вытянут лица...
Лишь бы только взойти, лишь бы только родиться...

* * *

Уменьшив небо до размера малой форточки,
Пустые семечки с утра до ночи лузгая,
Страна сидела по-тюремному на корточках
И заводила спохмела блатную музыку.

Страна металась между свастикой и мистикой,
Страна стенала, упиваясь горькой повестью.
И все казалось, что вот-вот уже амнистия,
И все казалось — на свободу с чистой совестью.

Страна баландой по-барачному обедала
И ненавидящих ее смиренно славила,
А сколько воли не видать, так это ведала
Одна кукушка, да и та, поди, лукавила...

* * *

На вокзале, уставшем от гула бесчисленных ног,
Я увидел того, кто до боли похож на меня.
Он смеялся и пел, я его не заметить не мог.
Он смеялся и пел, неуместной бравадой маня.

Он сказал мне: «Послушай, сегодня я словно шальной.
Мне открылась небесная мудрость в объеме ста грамм.
Если хочешь — пойдем постигать эту мудрость со мной.
Я тебе, как учитель, остатки ее передам».

Я ответил: «Постой, кто б ты ни был, я всё же не раб.
Если мерить вином — для меня ты избыточно мудр.
Но коль скоро твердишь, что безудержно честен и храбр,
Может, лучше пойдем слушать музыку утренних сутр?»

Он заметил с улыбкой: «Ты знаешь, я сам был таким,
Я не верил, что мир — это круг бесконечных дорог,
Я не мыслил, что стану хотя бы на йоту другим,
И, как видишь, остался в итоге совсем одинок».

На вокзале, оглохшем от топота стоп и копыт,
Я увидел того, кто уже никуда не спешил.

Я спросил его: «Что за дела? Ты же был знаменит!»
Он нагнулся ко мне и шепнул: «Значит, мало грешил...»

* * *

Итак, мы дожили до этого года —
Неверные дети великого Рода.

Итак, мы узнали на собственной шкуре
Земную немилость и звездные бури.

На мраморе века черны некрологи,
И хочется крикнуть: «А что же в итоге?»

Безбожье, межверье — что может быть хуже?
И крест нам не впору, и идол разрушен,

И тесно кумирам земным и небесным...
Да это ли наше достойное место?

Но равно понятны святоше с блудницей
И шепот березы, и запах пшеницы,

И вешние звоны, и марево лета.
И чудо заката с надеждой рассвета...

* * *

В шкале веков ничтожна малость
Давно свершившихся потерь...
Когда в твой дом стучится старость,
Не обшивай железом дверь.

Еще из рук, когда-то твердых,
Падет на землю кладенец...
Но разве мало ходит мертвых,
Проспавших собственный конец?

Все, что у них осталось — тело,
А больше, больше — ничего,
И у последнего предела
Им будет жалко лишь его.

И в суете мирской юдоли,
В тщете иллюзию продлить

Они боятся смерти боле,
Чем те, что так любили жить;

Чем те, кому в земном кортеже
Их доля малая мила,
Чьи души гаснут много реже,
Чем умирают их тела;

Кому доподлинно известно,
Что вопреки желаньям их
На свете вечно будет тесно
От тел — одних и душ — других...

* * *

Мне непонятна ностальгия
Грошовых строк...
Я — проводник, моя стихия —
Не свет, а ток.

Я обречен служить, быть может,
Десятки лет,
А человечеству дороже
Не ток, а свет.

А человечество стареет,
Но что мне срок?...
Я — проводник, меня согреет
Не свет, а ток.

Мой посох в Лете не оставит
Заметный след.
Я — проводник, меня прославит
Не ток, а свет.

Но от пожизненной короны
Хранит Господь,
И снова сонмы электронов
Пронзают плоть.

Один порядок ими правит.
Лишь он — мой бог.
Я — проводник, меня расплавит
Не свет, а ток.

ВИДНА БЫЛА РОССИЯ...

СУВОРОВ

Увы, уже не та столица,
Но он-то помнит те года,
Ведь с ним сама императрица
Была почтительна всегда.
И дело вовсе не в наградах,
Он не желает, не привык
Во фрунт тянуться на парадах
И пудрить выцветший парик.
Ему ль, солдатскому герою,
В тщеславной суете сновать?
В мундире прусского покроя
Душе российской не бывать!

Пока течет спокойно время,
Живет в угаре кутежей
Бездарное, тупое племя
Корыстолюбцев и ханжей.
И мнится им, что в этой жизни
Они познали всё сполна.
Но им Россия – не Отчизна,
Для них не Родина она...

А в нашем мире беспокойном
Опять война, опять пальба,
И будет выбирать достойных
Не император, а судьба.

И станет жалок и бессилён
Дурак в чванливости своей,
И позовет тогда Россия
Своих опальных сыновей!
И побледнеют в страхе лица,
И дрогнет в зеркалах заря,
И понесутся от столицы
Во весь опор фельдъегеря...

Ну а пока – пора иная.
Качает маленький возок.

Не спит, о чем-то вспоминая,
Продрогший до костей ездок.
Склонившись, задремал возница,
А кони продолжают бег..
Когда-нибудь да пригодится
России умный человек!

ДАНЗАС

Катит скрипучая бричка,
Жаркий полуденный час.
И задремал по привычке
Старый полковник Данзас.

Счастья нет и в помине,
Нет ни детей, ни жены.
Тлеет, как угли в камине,
Позднее чувство вины...

Жизнь переменчива наша —
Счастье, разлука, беда...
Что же вы медлите, Саша? —
Крикнуть хотелось тогда...

Выстрел. Душа встрепенулась,
Словно развеялся сон.
В стылое небо взметнулась
Черная стая ворон.

Помните лица и строчки,
Морщите мудрые лбы,
Но не просите отсрочки
У милосердной судьбы.

ДОМ, ГДЕ ЖИЛ ТЮТЧЕВ

Смеркается. Как наважденье
В морозном мареве огней
Проспекта сонное движенье,
Реклам дрожащее свеченье,
Мерцанье тусклых фонарей...

Иду по Невскому. Знакомо
И всё почти известно мне...
На миг остановлюсь у дома,
Увижу яркий свет в окне.

Напряжены, в морозной пыли,
Гудят чуть слышно провода.
Здесь жил поэт. Давно забыли
В какие именно года.

Уже пустеют мостовые.
Смотри, из этого окна
Ему видна была Россия,
Была судьба её видна...

НА ВЫСТАВКЕ РУССКОГО ПОРТРЕТА

По залам Русского музея
Бродить отправлюсь не спеша,
И замирает, холодея,
Моя тревожная душа...

Армяк или мундир дворянский,
Князя, вельможи, косари...
Но царский лик и лик крестьянский
Светились как бы изнутри.

Но все же замечаю в каждом
Какой-то тягостный недуг.
Как говорил поэт однажды:
«Предвосхищенье смертных мук...»

Остановившись у Рублева,
Очнусь от набежавших дум.
И вспомню вдруг, что слово в слово
Твердил мятежный Аввакум.

Он бичевал обычай скотский,
Твердил, что нет на тех креста,
Кто очень чувственно и плотски
Изображает лик Христа.

И пусть кругом все люди — братья,
Но только надобно понять,

Что всё ж обычаи — не платье,
Чтоб их легко переменять.

Что с этим чувством примиряясь,
Утратим зрение и слух.
И, растворяясь, истончаясь,
Исчезнет вовсе русский дух..

И долго нам кружиться, нищим,
Меня веры и места,
Как воронью над пепелищем
От пустозерского костра.

У НАДГРОБИЯ СУМАРОКОВУ

Не узнать Москвы с гравюр старинных.
Разрослась столица вдаль и вширь...
Я вхожу в ветшающий, в былинный,
Позабытый Богом монастырь.

Где могила русского поэта?
Только имя славное хранит
Времени минувшего примета,
Этот старый, выцветший гранит.

Ну а впрочем, разве нынче нужен
Этот ветхий, сгорбленный старик
И его неловкий, неуклюжий
И неповоротливый язык?

И кому теперь какое дело,
Что там зрело в мудрых их умах?
Время пролетело, прогремело
И летит вперед на всех парах!

Нет мгновений даже оглянуться.
Целый мир в туманной мгле исчез.
На ветру пустые ветви гнутся,
Покосился безымянный крест...

Сад воскреснет с новою весною,
Зашумит, исполнен новых сил,
Но гудит тревожно подо мною
Пустота отческих могил.

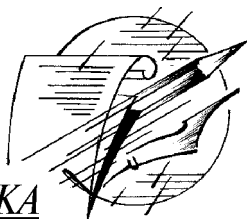
* * *

Дымится мгла морозного тумана,
И первый снег отяжелил листву.
И то, что было призрачно и странно,
Отныне проступает наяву:
Покатых крыш немые очертанья,
Высокой церкви черный силуэт,
А в небесах, под сводом мироздания,
Далеких звезд лампадный, тусклый свет.
И на сто верст — ни недруга, ни друга.
И на сто верст — глухая тишина.
И в снежный мрак погружена округа,
Чуть теплится тяжелая луна.
И сколько мне еще в пути осталось
Брести среди заснеженных могил...
Когда-то Русь и пела, и смеялась,
А нынче даже плакать нету сил.

ТЕ ЖЕ ДЕМОНЫ ВЕЮТ НАД НАМИ

Бывший президент США Билл Клинтон публично признал ошибочным свое решение семнадцатилетней давности о запрете однополых браков. Более того, теперь он просит за это прощения у американцев и призывает нынешнего президента страны Барака Обаму действовать бескомпромиссно в деле борьбы за права человека и либерализацию семейных отношений.

Но и без его совета Барак Хуссейн Обама весьма активен в этом вопросе. Достаточно вспомнить хотя бы его инаугурационную речь, где он обещал вести бескомпромиссную борьбу за права сексуальных меньшинств по всему миру. Тогда же, как по команде из единого центра, несмотря на невиданные по масштабу протесты, достигавшие более полумиллиона вышедших на улицы Парижа людей, парламенты Франции и Великобритании приняли законы о полной, с возможностью усыновления детей, легализации однополых браков. Теперь и в федеральное законодательство США вносится поправка о том, что браком считается не союз мужчины и женщины, а просто двух (а почему бы и не трех?) людей.

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

И в это же время в России Дума принимает в первом чтении закон против пропаганды гомосексуализма среди детей и подростков. В западной печати его с гневом осудил бывший президент СССР Михаил Горбачев, прервавший по сему поводу свое затянувшееся молчание. Видимо, и ему поступила команда влиться в шумный хор представителей так называемой либеральной общественности. О чем это свидетельствует? «Цивилизованный мир» вступил в организованном порядке на путь активной борьбы с основополагающими традиционными общечеловеческими ценностями, веками и тысячелетиями защищавшими семью и детство.

Но на то она и существует, история, чтобы мы, понимая смыслы происходящей ныне борьбы, в параллелях и исторических аналогиях находили подсказки и пути решения непростых задач современности. Мы ведь далеко не в первый раз переживаем напряженнейшие схватки по поводу того, какой быть семье (и быть ли ей вообще) и какое в ней будет отношение между родителями и детьми. И неважно, что в прошлом не было такого понятия, как ювенальная юстиция. В остальном — то всё вокруг тех же извечных ценностей ломались копыя.

В 1936 году высланный из СССР Лев Троцкий написал подробный и детальный труд «Преданная революция», где он доказывал — сталинский режим на деле изменил всем идеалам Октябрьской революции. Одна из самых эмоционально ярких в своей непримиримости глав книги называлась «Семья, молодежь, культура». Что же возмущало Льва Давидовича? Давайте дадим ему слово, как бы возьмем у него интервью, где ответами будет подлинный текст Троцкого.

— Какой виделась семья вам, Лев Давидович?

— Революция сделала героическую попытку разрушить так называемый «семейный очаг». Место семьи как замкнутого мелкого предприятия должна была, по замыслу, занять законченная система общественного ухода и обслуживания. Взять старую семью штурмом не удалось.

Деревенская семья, связанная не только с домашним, но и с сельским хозяйством, несравненно устойчивее и консервативнее городской. Коллективизация, как возвещалось вначале, должна была произвести решительный переворот и в сфере семьи: недаром же у крестьян экспроприировались не только коровы, но и куры. Но началось отступление. А раз важнейшие жизненные продукты добываются изолированными усилиями семьи (разрешили иметь приусадебные участки. — **Авт.**), не может быть и речи об общественном питании.

— У вас, наверное, был особый взгляд на роль женщины в семье?

— Революционная власть принесла женщине право на аборт — одно из ее важнейших гражданских, политических и культурных прав, что бы на этот счет ни говорили евнухи и старые девы обоего пола. Предстоящее запрещение абортующих объясняют тем, что в социалистическом обществе, где нет безработицы и пр., и пр., женщина не имеет права отказываться от «радостей материнства». Философия попа, который обладает в придачу властью жандарма.

— Так в чем же видите вы отступление от революционного идеала семьи в середине тридцатых годов?

— Торжественная реабилитация семьи, происходящая одновременно с реабилитацией рубля, порождена материальной и культурной несостоятельностью государства. Вожди заставляют не только склеивать заново черепки разбитой семьи, но и считают ее священной ячейкой победоносного социализма. Трудно измерить глазом размах отступления! Седьмая заповедь (не прелюбодействуй. — **Авт.**) приобретает в правящем слое большую популярность. Советским моралистам лишь приходится слегка обновлять фразеологию. Открыт поход против слишком частых и легких разводов — взимание денежной платы при регистрации развода и повышение ее при повторных разводах. Брачно-семейное законодательство Октябрьской революции, некогда предмет ее законной гордости, передельвается и калечится путем широчайших заимствований из законодательной сокровищницы буржуазных стран.

— Наверное, и взаимоотношения отцов и детей вам виделось по-другому?

— Еще совсем недавно, в течение первой пятилетки, школы и комсомол широко пользовались детьми для разоблачения, устыжения, вообще «перевоспитания» пьянствующего отца или религиозной матери. Ныне и в этой немаловажной области произошел крутой поворот: наряду с седьмой пятая заповедь (чти отца своего и мать свою. — **Авт.**) полностью восстановлена в правах, правда, еще без ссылки на бога.

Забота об авторитете старших повела уже, впрочем, к изменению политики в отношении религии. Отрицание бога, его помощников и его чудес являлось наиболее острым клином из всех, какие революционная власть вгоняла между детьми и отцами. Ныне штурм небес, как и штурм семьи приостановлен. Например, новая программа комсомола, принятая в апреле 1936 г., говорит: «Создается новая семья, о процветании которой заботится советское государство». Термидорианское законодательство отступает буржуазным образ-

цам, прикрывая отступление фальшивыми речами о святости «новой семьи».

У молодежи три возможности: приобщиться к бюрократии и сделать карьеру, молчаливо подчиниться гнету, наконец, спуститься в подполье, чтобы учиться и бороться и закаляться для будущего. Наиболее нетерпеливые, горячие, неуравновешенные, оскорбленные в своих интересах или чувствах обращают свои мысли в сторону террористической мести. Режим Сталина может поплатиться не менее тяжело, чем тот режим, который возглавлялся Николаем II.

— Ясно, страна идет не тем путем. А каким вам видится СССР?

— Советский союз представляет грандиозный тигель, в котором переплавляется характер десятков народностей. Мистика «славянской души» отходит как шлак. На земле нет ничего неизменного, и общество делается из пластических материалов.

Когда я недавно прочел вышеизложенный текст в одной аудитории, опустив специально имя автора и некоторые характерные детали, мне единодушно сказали, что я озвучиваю чей-то фашистский трактат. Тем удивительнее была реакция моих слушателей, когда они узнали, с чьим опусом я их только что познакомил. Еще больше они удивились «адекватной» реакции Сталина, проявленной им на февральско-мартовском пленуме ЦК ВКП(б): «Троцкизм перестал быть политическим течением в рабочем классе, каким он был 7—8 лет тому назад, троцкизм превратился в оголтелую и беспринципную банду вредителей, диверсантов, шпионов и убийц, действующих по заданиям разведывательных органов иностранных государств».

Хотя с тех пор прошло больше 75 лет, драматический накал событий, происходивших тогда, резко эмоционально действует и на людей нашего времени. Кроме того, мы видим, как на новом историческом витке те же проблемы переживают как бы второе рождение. Идеи Троцкого вовсе не погибли вместе с их носителем в 1940 году. Они легли после Второй мировой войны в основу, с одной стороны, центров советологии и кремленологии на Западе, прежде всего, в США. С другой стороны, их носителями стали интеллектуалы из американских университетов, десятилетиями разрабатывавшие теоретические и практические основы современной толерантности и борьбы за права человека. Борьба за всеобщее равенство, берущая начало еще в XVIII веке, выродилась в современную толерантность, от которой шарахается все традиционное общество на том же Западе.

В переработанном, дополненном новым материалом виде теоретическое наследие Троцкого вернулось к нам с Запада в середине 80-х годов и как тараном помогло сокрушить советский строй и систему традиционных ценностей, сформированную у нас еще с середины 30-х годов. В политический оборот, причем с самого верха государства — от Горбачева до его соратников — была вброшена тогда же идея о тождестве Сталина и Гитлера, что высказывалась Троцким, одним из первых настаивавшим на сходстве советского строя и фашистского в Германии. Хотя этому «пламенному революционеру» и теоретику было прекрасно известно о коренном отличии и генетическом несовпадении идейного характера этих двух систем. Но Троцкий сознательно смешал понятия. Он, кроме того, был прозорлив необычайно. Так, он обличал Сталина в реабилитации понятия русскости и возможности особого пути развития народа, хотя процессы эти были еще в самом зачатке. Троцкий уже чувствовал приближение реабилитации, хотя бы частичной, далеко не полной, православия и религии в целом. Восставал против этого решительно всеми силами своего разрушительного «таланта».

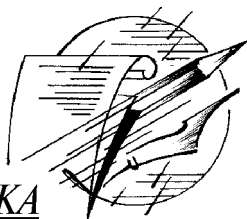
Но самое удивительное, что спустя десятилетия сторонники либерально-западных ценностей критикуют сталинизм и нынешнюю власть в России словно по троцкистским концептам. К тому же они даже внешне как две капли воды похожи на своих идейных (а, может, и родных) дедушек и прадедушек. Посмотрите на портреты Троцкого, Радека, Смилги, Землячки и всей этой плеяды «пламенных революционеров и революционерок» и на их нынешних внучат и просто поразитесь портретному сходству. Так что не только идеи, мысли, но и их носители словно прорастают сегодня через годы и десятилетия. И нам вновь предстоит не менее бескомпромиссная борьба. Да она уже началась.

Есть известное выражение: история учит тому, что она ничему не учит. Очень не хотелось бы, чтобы и сегодня оно оказалось справедливым. Россия слишком дорого заплатила в прошлом веке за то, чтобы остаться Россией. Тогда страну подтолкнули в 30-х годах к жесточайшим кровавым репрессиям. Немалая заслуга в этом революционного вождя Льва Троцкого. Сталин, конечно, извел под корень леваков-руссофобов, но и цена была сверхмерная. В борьбе с ними пострадали тысячи и тысячи ни в чем не виновных людей. В нынешней борьбе, которую нам тоже пытаются навязать, нельзя терять голову и трезвость рассудка ни властям, ни народу.

ДЕТИ В ГОЛОВЕ, А НЕ В КОШЕЛЬКЕ

Сегодня принято умиляться увеличением числа младенцев: оно даже названо «наше ключевое достижение». Вот и заместитель председателя правительства РФ по социальным вопросам Ольга Голодец обрадовалась, что показатель рождаемости в России сохраняет положительную динамику. «Это довольно устойчивая цифра, плюс почти 100 тысяч каждый год», — уточнила вице-премьер РФ.

Спору нет, каждый ребёнок — радость, и в семье, и в целом событие приятное. Но не зря сказано про три градации лжи: ложь, наглая ложь и статистика. Родилось это присловье из практики «прикладывания линейочки»: берётся график, прикладывается к его последнему отрезку линейка и прочерчивается в будущее. Так и будет! Таким манером в 2007 году прогнозировали нефть по 200 долларов, а квадратный метр в Москве — дороже, чем в Лондоне. Но... сами понимаете. Собственно, линейочку прикладывали все, всегда и везде: недаром в 60-е годы аналитики ЦРУ и Пентагона таким манером высчитывали, когда СССР догонит и перегонит США и станет первой экономикой мира.

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Что касается повышения рождаемости, то человек, даже любительски знакомый с демографией, умиляться бы воздержался. Число рождений волнообразно. Если поколение матерей малочисленно, то малочисленным будет и поколение детей. И наоборот — как сейчас. Во время войн рождается мало детей — значит, через двадцать с небольшим лет — жди демографической ямы. После войны, наоборот, идёт повышение рождаемости, которое откликнется аналогичным повышением через двадцать лет: жизненные процессы вообще волнообразны. Так вот сегодня мы имеем отдалённое последствие послевоенного бэби-бума: рожают многочисленные внуки бэби-бумерш. Они, бэби-бумерши, девчонки послевоенных годов рождения, произвели на рубеже 70-х и 80-х довольно многочисленную когорту, которая и даёт сегодня некоторый всплеск рождений. Правильнее сказать именно «рождений», а не «рождаемости». Младенчество больше, да, но коэффициент фертильности, т.е. количество детей, рождённых одной женщиной в течение всей своей материнской «карьеры», — не увеличивается. Напомним, что для простого воспроизводства требуется в среднем 2,1 — 2,2 рождения на женщину. Попросту: в половине семей двое, в половине — трое, тогда они поработают и за себя, и за тех, кто остался бездетным. И это для простого замещения поколений, без роста! Такого сегодня нет и близко. Много вы знаете трёхдетных? А однопородных? А бездетных? Вот именно...

Чего можно ожидать в дальнейшем? Дальше в возраст максимальной продуктивности (это около 24 лет) войдут девушки, рождённые в 90-е годы, когда детей рождалось мало, — и количество младенцев с неизбежностью уменьшится.

Несколько слов об ужасных 90-х, о «геноциде русского народа» и прочем. В 90-е годы, в самом деле, произошёл существенный спад рождаемости: даже детсады под этой вывеской позакрывали. Причина спада — в синергетическом действии двух факторов: демографического эха войны (рожали малочисленные внуки детей войны) плюс откладывали рождение детей из-за экономических пертурбаций. Кто-то откладывал от нищеты, как любят говорить коммунисты, патетически рассуждая о «русском кресте», а кто-то — из-за нежелания тратить на соски-пелёнки золотое время, когда появился шанс сделать деньги, отвесть невиданной жизни, стать бизнес-леди. И ведь стали, премногие стали. Потом некоторые из них родят в двухтысячных тех детей, которых не родили в 90-х. Тогда во многих семьях появились млад-

шие дети с очень значительным возрастным отрывом от первенцев, рождённые мамами не первой молодости. Научные мудрецы тотчас начали рассуждать о новом тренде: рождении в позднем возрасте. На самом деле, никакого тренда нет, просто женщины выполнили то, что не прочь были сделать раньше, но отложили. При стабильном развитии событий они бы родили этих детей раньше. Так что «тренд» скорее всего рассосётся.

Это обстоятельство (в числе прочих) обнажает истину: количество детей — в голове. У каждого человека (женщины особенно) есть некое представление о должном количестве детей в семье. Обычно это два. Или один. Крайне редко три. Практически никогда «сколько бог даст». Помню, ещё при советской власти проводились социологические исследования: сколько бы детей вы хотели иметь при абсолютно благоприятных условиях? Типичный ответ мужчин и женщин — два. Женщина может в силу жизненных обстоятельств недотянуть до «правильного», с её точки зрения, количества детей, может отложить рождение второго (третьего) ребёнка до лучших времён — это свободно. Но вот заставить (скажем деликатнее — мотивировать) её родить дополнительных детей сверх тех, что имеются в её картине правильной жизни, — вот это задача неподъёмной трудности. И надо понимать, что это другая задача, и средства её решения должны быть другие.

Городская семья с образованной работающей женщиной (а образованные стремятся работать: зачем же я училась?) очень давно начала тяготеть к однодетности. При советской власти, в стабильно-застойную брежневскую эпоху, когда жизнь казалась неизменной, как климат, передовые семьи, на быт которых равнялись, имели максимум двух. Максимум. А лучше — одного. Помню, мне рассказывал один мужчина. Когда они с женой, научные сотрудники института Академии наук (тогда это была очень престижная работа), в 70-е годы решили завести второго ребёнка, их друзья недоумевали: зачем? Есть же один, ну и хватит. Радости материнства-отцовства испытаны, галочка поставлена. Дети — это было не престижно. Престижно было защищать диссертации, читать заумные книжки, посещать дефицитные спектакли, ездить на научные конференции (особенно за границу), а вся эта возня... При этом вырастить ребёнка было нетрудно: социалка работала, во дворе гулять было безопасно...

С помощью создания благоприятных условий жизни: деньги, жильё, сады-ясли, лагеря — можно «вытащить» то коли-

чество детей, которое есть у женщины в голове, но для того, чтобы его увеличить, — тут нужны совсем иные меры.

Так что полагать, будто надо немного подкинуть денег, и бабы начнут рожать — иллюзия. Я не к тому, что денег давать не надо, но не надо и заблуждаться на их счёт. Конечно, молодые мамы охотно бубнят в телевизор: «Спасибо партии и правительству за наше счастливое детство», но глубинные структуры психики современной городской женщины материнским капиталом не сдвинешь.

Кто впрямую ведётся на экономическое стимулирование? Те, у кого в голове по-прежнему много детей. Крестьяне в эпоху Муссолини — отлично велись. Тогда осушили болота в области Венето, государство раздавало землю многодетным — и это действовало. Немки при Гитлере — велись, потому что в голове у них прочно сидели «три К».

И наши среднеазиаты — поведутся. Если будут завозить узбеков, таджиков, киргизов, т.е. тех, у кого ещё живы традиции многодетности, а женщины ещё не научились «много о себе понимать» — так вот на них экономическое стимулирование подействует. Они и без всякого стимулирования — рожают, а уж с ним! Как это выглядит — можно увидеть в Германии, например. Материальное поощрение материнства действует на приезжих — турок, арабов и пр. А на коренных немцев — не действует. Это с немецкой въедливостью показал Сарацин в своей скандальной книжке «Германия: самоликвидация». Более того, чем выше образование женщины, тем меньше у неё детей (вплоть до нуля), что, по мысли автора, ведёт к поглупению немецкой нации: воспроизводится менее качественный наследственный материал.

Теперь самое интересное. Можно ли изменить психологию современной женщины? Сделать так, чтобы она **захотела** стать многодетной. В массовом порядке. Потому что нужны не отдельные демографические курьёзы, а массовые процессы — именно они решают дело.

В каком направлении надо менять женскую психологию? Очевидно: вырастить одного-двух можно между делом. Трёх и больше между делом не вырастишь. Да и не родит она, скорее всего, троих, если у неё интересы вне дома. Очень важно понять: не денег ей часто не хватает, а просто интересы у неё в другом месте. Дети ей не интересны, потому что работать, в самом деле, гораздо увлекательнее и проще, чем возиться с сопливými. Обычная женская конторская работа неизмеримо легче домашней колготни, да за неё ещё и деньги платят. Это в один голос го-

ворят мне мои служащие по возвращению из «декрета». А уж если работа слегка творческая... — тут никакого сравнения вообще нет. Я отлично помню это ощущение молодой мамашки: где-то кипит большая жизнь, а я тут мурой занимаюсь.

Значит, менять женскую психологию придётся весьма радикально. Женщина должна считать замужество и материнство главным делом жизни. Не побочным, не фоном, не «как получится», а — главным. То есть идеалом и образцом женщины должна снова стать домохозяйка и мать, а не работающая женщина, как сегодня. Работающая должна считаться хуже, ниже домохозяйки. Или это какой-то необычайно высокий профессионал (что вообще редкость и погоды не делает), либо вынужденная мера (нет мужа, не хватает денег и т.п.). А нормальная женщина — это домохозяйка. К такой карьере должны стремиться девушки. Это, повторюсь, обратное тому, что есть сегодня. И совершить этот поворот — неимоверно трудно, ведь уже три, а то и четыре поколения российских женщин впитали противоположную философию: я сама, я всё могу, есть муж — хорошо, нет — ещё лучше.

Это мракобесие и реакция? Автор зовёт в каменный век? Ну да. Если мы хотим достичь результата, нужно вернуть моральные и поведенческие нормы, которые были тогда, когда искомый результат — достигался. Если мы готовы смириться с отсутствием результата — мы можем продолжать, как есть. Единственное, к чему зовёт автор, это к прямому взгляду на вещи.

Если мы хотим в самом деле совершить этот поворот, то потребуются огромные усилия воспитательной работы и тотальной пропаганды. По всем каналам массовых коммуникаций должны транслироваться только утверждённые принципы и взгляды. При этом должен быть полный запрет на пропаганду противоположных ценностей. Если будет, положим, государственный бесплатный канал ТВ, который будет 24 часа в сутки вещать в пользу материнства и младенчества, воспевать семейные радости, но при этом нажатием кнопки можно будет перейти на другой канал, где будут рассказывать об успехах удачливых куртизанок или звёзд (что зачастую не различимо, но главное, что сегодня это идеал, к которому стремятся молодые девушки) — так вот в этом случае ничего не получится. Почему? Да потому что у звезды всё классно и прикольно, а у этой дуры-мамашки — что? Горшки да пелёнки. Образ звезды-куртизанки всегда победит в качестве образца для подража-

ния. Взрослых уже не переделаешь, а если начать с младшеклассниц — может получиться.

Что ещё надо сделать для настоящего подъёма рождаемости? Изменить тип расселения. Люди должны жить в коттеджах с садиком, а не в многоквартирных громадах. Я живу в трёх километрах от Москвы, но тут у нас дома с участками, бегают белки, прилетают синицы и дятлы, растут яблоки и малина, некоторые держат и кур. И здесь у нас существенно больше многодетных, чем в соседнем московском районе, до которого можно пешком дойти. В дочкином классе практически нет однодетных, при этом есть семьи и с четырьмя детьми и даже такой курьёз, как семья с семью гавриками. Почему так? Ведь в доме — объективно — больше работы, чем в квартире: снег чисти, в саду копайся, то сё чини. Мне кажется, когда человек живёт «на земле», он ощущает на уровне подсознания: место есть, можно размножаться. А живя в бетонной клетке, он чувствует стеснённость, сдавленность — и не размножается, потому что места, как он ощущает, нет. Это нечто природно-иррациональное: дом и квартира могут быть одной площади, но квартира — это клетка, а дом с участком — маленькое, но поместье, своя земля. Известно: если кроликов привезти на остров, они размножаются, пока хватает еды. А потом вымирают? Нет — просто перестают размножаться. Любопытно, что и рыбы в аквариуме вырастают до того размера, который допускает аквариум, а дальше не растут, сколько ни корми. Видимо, что-то похожее происходит с современным урбанизированным человечеством.

Так что изменив тип расселения, можно подтолкнуть многодетность. То есть делать надо ровно обратное тому, что делается сегодня: не сбиваться в кучу, закрывая школы и целые посёлки и даже городки, а наоборот — расселяться по территории. Для этого надо строить дороги, инфраструктуру — это очевидно. Дома-то построить — проще простого, это и сами многие сделают — инфраструктура нужна.

Любопытно, что обе эти меры: женщины — в семью, семью — в деревню хорошо понимали немцы. Ещё во времена Карла Каутского и Розы Люксембург между немецкими и русскими социал-демократами была идейная распря по женскому вопросу. Русские социал-демократы искони отстаивали интересы и права женщины-работницы, боролись за её равноправие на рынке труда, организацию яслей и т.п. Немецкие же социал-демократы боролись за то, чтобы мужчина-рабочий зарабатывал достаточно, чтобы содержать жену и детей. Женщина-работница казалась им

отклонением от правильного порядка вещей: место женщины — в семье. Гитлеровский режим, поощряя материнство, одновременно провозглашал сельский образ жизни более здоровым, нравственным и желанным, чем городской. Геноссе Геббельс даже выдумал себе крестьянское происхождение для своей официальной биографии, чего на самом деле не было. У нас, к сожалению, это понимание так и не пришло.

Всё ли так мрачно и может ли так как-то получиться, что народонаселение начнёт расти само по себе и без всяких с нашей стороны усилий? Уверена, что нет. Но, осознав внутренний механизм явления, на него вполне можно воздействовать. Правда, воздействовать надо долго — годы и десятилетия. Так далеко у нас никто не заглядывает. Это вообще не по силам демократии — глядеть за горизонт и «видеть то, что временем закрыто». Демократия мыслит не дальше ближайших выборов.

К 60-летию со дня рождения

Юрий Доброскокин был талантлив. И хотя его товарищи, молодые прозаики, ему в основном не уступали, я как ни пытался, так и не смог понять, откуда у Юрия такая власть над собратьями по литературному ремеслу. Теперь же я решил во что бы то ни стало раскрыть эту загадку. Конечно, ключ к тайне художника надо искать в его произведениях. Сегодня я уже знаю: спрятан он в незначительных, на несведущий взгляд, художественных деталях, в кирпичиках, в узорчиках изображаемой им жизни.

С некоторым страхом открыл я первую книгу Доброскокина «Твердохлебы». Подумалось: что я, спустя тридцать лет, обрету? И обрету ли? Самый беспощадный ветер — время! Но уже после первых страниц вздохнул радостно — столько бисера, жемчуга драгоценного, столько узорчиков жизни... Юрий увидел, что у вороны ноги коленками назад, что ноздри ее заросли старостью и потому она держит клюв приоткрытым. Ухо его услышало «краткий и глухой звук запустения: Туп! Туп! Туп!» Сразу соглашаешься: да, он именно таков — потому что звук жизни, цветения — звонкий, мелодичный, колокольный. Слово-то какое длинное «ко-ло-коль-ный», и как долго оно отзывается в сердце...

Юрий создал нежнейший, целомудреннейший образ любви. О ней у него было совершенно другое представление, чем у многих из нас. Мы восхищались шекспировскими «Ромео и Джульеттой», французским фильмом «Мужчина и женщина», а он сердито ворчал: «Что это вы все, помешались, что ли?» И с восхищением пересказывал свой любимый грузинский фильм. Как один парень по

ПРОЗА

любил девушку, а она была уже невестой другого. Он украл ее и сбежал с ней в непроходимые горы. Девушка возненавидела его. Не разговаривала, даже еду ему не готовила, а он взялся строить дом. Однажды огромный камень упал на него. Девушка, видя, что парень не вернулся ни вечером, ни утром, пошла за ним. Насилу приволокла в их жилище, выходила молчком. Как-то ушла за водой, вернулась, а больного нет. Уже начав кое-что понимать в жизни, с надеждой поспешила туда, где строился дом. Там так же молча встала рядом, взялась помогать ему. Они построили дом и столько любви накопили за это время!..

А как поразительно Доброскокин сказал о том, что лошадь повезли на мясокомбинат: «Наверное, далека была та дорога, если здоровую, крепкую лошадь пришлось поднимать в кузов грузовика». Или вот еще: «Листики на ветках еще такие маленькие и нежные: сквозняки пробегают по ним, не оставляя никакого звука, шороха...» Он к листикам, как к детям: мол, глупенькие еще, нечего им пока сказать миру...

Юрий услышал много такого, чего никто из нас не слышал. В рассказе «Мотор» возле дома Твердохлебов установили насос для откачки воды — труба где-то дала течь. И не стало хозяевам слышно шелеста листьев и пенья птиц. Что шум мотора раздражает, утомляет, спать мешает — об этом ни словечка! Такая, кажется, мелочь — шелест листьев! А не стало его слышно — и яйца форму потеряли, и помидоры осыпались, и куры начали головами трясти, словно паутину стряхнуть пытались. А что с людьми произошло — страшно представить: они грохот мотора стали за тишину принимать! Прямо конец света, апокалипсис какой-то! Правда, местного масштаба. А из-за чего? Из-за того, что не стало слышно шелеста листьев и пенья птиц... Но еще Соломон премудрый, слова которого царица Савская приходила послушать от пределов земли, сказал, что в конце света «умолкнут дочери пения». Так он называл птиц небесных.

И еще о небесном Доброскокин глубоко написал в махоньком рассказике «Толучеевка». Когда речка Толучеевка, обычно невзрачная и незаметная, однажды весной так сильно разлилась, что почти все вокруг затопила, «люди стояли на мосту и смотрели, как река пронесет мимо заборы, собачьи будки, уборные... На льдинах, на деревянных обломках всего того, что никогда не собиралось в плаванье, сидели еще уцелевшие животные рядом с птицами... они задирали головы и смотрели на людей...» Господи, это же картина великого потопа, апокалипсиса! Поплыло все, что никогда не собиралось в плаванье! И животные, и птицы плывут вместе на этих

обломках... и взирают с недоумением на людей! Они привыкли, что люди способны им помочь...

Да, ничего особенного в прозе Доброскокина не происходит: ракеты в космос не запускают, корабли в дальнее плавание не провожают, научные открытия не совершают; просто люди сеют хлеб, пчелы собирают мед, мальчик Твердохлеб упорно ищет по всему белому свету свисток для ловли перепелов. Ищет потому, что умер мастер, делавший эти свистки. Сам Юрий однажды при мне спросил в охотничьем магазине в Москве этот свисток. Видимо, он с молоком матери впитал, что ничто, созданное людьми, не должно исчезать, иначе нарушится что-то очень важное во всем мироздании... Ничего особенного в его рассказах не происходит. Просто отец с сыном не дают вороне заклевать зайчонка. Потому что, с малолетства видя, с какой любовью отец ухаживает за пчелами, Юрий понял: пока сильные будут защищать слабых, до тех пор на земле будут шелестеть листья и звезды с неба не спадут, и все живое не поплывет на обломках всего того, что никогда не собиралось в плавание...

Нет, не унесло беспощадное время тихих и ясных слов мудрой доброскокинской прозы: «Здесь даже о смерти думается легко и просто: нет, не может она забрать чего-то самого важного в этом мире! Солнце сияет, цветет земля. Подает голос жаворонок в небе, свистит суслик... И маленькими букашками ползают по далекому шоссе машины; их рокот поглощен этими бескрайними полями».

Да, конечно, машины — всего лишь маленькие букашки, а жизнь прекрасна, когда слышны пенье жаворонка и шелест листьев...

Сергей ЩЕРБАКОВ

РАССКАЗЫ

ПЕРЕПЕЛА

Да, теперь всем известно — большие дела совершаются только в больших городах! Например, в одном городе Покровский собор одевают в леса, а в другом в тот же самый момент разбирают док и спускают на воду новый теплоход... Вот и мы только затем взялись за работу, чтобы подтвердить — у нас в чер-

ноземных полях не происходит ничего выдающегося: только кочуют пчеловоды, эти философы, свихнувшиеся на своих пчелах, в которых они находят все земные откровения, коротают недолгую жизнь карась в Райских прудах — сосет ил и жиреет на свою беду, а вокруг нашего городка, называющегося К а л а ч, перепелки, невидимые в траве, неизменно произносят одно и то же: «Пить-пить! Пить-пирую?..» И вот так-то всегда, все одно и то же.

Твердохлеб-старший вечером сидит перед пчеловодным домиком, палец поднял и пересчитывает последних пчел, задержавшихся на пастбищах; теперь они торопятся до ночи поспеть в улей. Вот они, нагруженные до крайности, медленно идут черными точками вдоль заката, над черной равниной пшеницы... А под ними из пшеницы эти голоса — как будто никак не могут чего-то добиться друг от друга: «Пить-пить! Пить-пирую?»

Когда-то, уже давно, Твердохлебы намеревались было ловить перепелов. Твердохлеб-старший тогда быстро подыскал сетку... Но потом ей суждено было провисеть на гвозде в сарае и год и второй; она ветшала, а куры, жившие здесь же, обклеивали ее края, принимая их за червяков. Мальчик Твердохлеб то и дело говорил отцу нетерпеливой скороговоркой:

— Куры сетку едят, а мы перепелов не ловим!

— Да вот, — отвечал отец, — нет свистка...

Он в разных местах при удобном случае спрашивал такой свисток, но в селах уже мало где про подобные вещи что-нибудь помнили. Итак, не скоро, но подвернулся ему наконец один охотник, посоветовавший обратиться на Райском хуторе к человеку по фамилии Редька: тот как будто прежде занимался птицами, ловил перепелов и дроф, чтобы продавать их живыми в Калаче на рынке.

Что ж, Твердохлеб съездил на хутор и отыскал этого Редьку. Пред ним предстал маленький худой старичок, прямой как гвоздь. Хотя было жаркое лето, он держал на своей голове рыжий плешивый малахай, уши которого висели двумя лепешками, как у дворняжки. Разговаривая с человеком, старичок все время заворачивал к нему как-то боком, как будто намеревался вот-вот пройти мимо, и никак не попадал в него глазами, глядя то в сторону от его плеча, то выше головы.

— А вы, — сказал он, — сами кто будете?.. Я не потому спрашиваю, чтоб что-нибудь... Я потому, что вы, может быть, сами сделаете — я покажу. Вещичку надо б самому настроить, приучиться...

Твердохлеб отвечал ему, что едва ль время найдется, да и не сумеет — он пчеловод. В итоге Редька согласился делать сам.

— Главное только, матерьял чтоб был, — сказал он. — Ну, подумаем, посмотрим... Спасибо за медок!

Эге, долго, долго думал этот Редька!

А время-то шло и шло и на всех оставляло свой след.

Мальчик Твердохлеб вырастал, просто на глазах вытягивались у него руки и ноги, потом стал пробиваться и темнеть пушок над губой... И мимо отца, надо думать, годы тоже не скользили вхолостую, но с ним они совершали внешне не сразу различимые перемены. У старика на хуторе он поначалу бывал часто, но потом все реже и наконец совсем перестал посещать его.

— Видите, что плохо, — обыкновенно говорил Редька, встречая Твердохлеба, — матерьялу все нету!

И как будто пытался обнадежить: «Подумаем, посмотрим...» Но однажды Твердохлебу вдруг почудилась в его голосе такая скука! Он уехал поскорей и больше не беспокоил Редьку.

За летом шло лето; сколько пчел родилось, выросло и умерло за это время!.. По вечерам, когда все пчелы уже сели, отец с сыном разводили огонь, вешали над ним уху и молча слушали, как окружившая их темень переговаривается сама с собой, переходя с места на место: «Пить-пить! Пить-пирю?» И вот Твердохлеб-младший как-то вспомнил, что, когда он был маленький, какой-то человек обещал сделать для них свистульку, которой заманивают перепелов. И где-то этот человек сейчас?

Отец указал ему в сторону Райского, заметив при этом:

— Мне, правда, кажется, он нас тогда обманул. Если желаешь, посмотри сам.

Молодому Твердохлебу к этому времени исполнилось шестнадцать лет. Только недавно он получил в милиции права на вождение зеленого тяжелого мотороллера, принадлежавшего отцу... Тогда еще у нас в Калаче не было распоряжения о предохранительных шлемах, ими пользовались только мотоциклисты, особо ценившие свои головы. А Твердохлеб-младший ездил без шлема, с развевающимися по ветру длинными волосами.

По жаркой и пыльной дороге, какую она всегда бывает в августе, он быстро поднялся на Гору, с которой можно было бы без труда обозреть всю его родину — маленький городок со старой башней посередине. Но Твердохлеб тогда не остановился тут, чтобы посмотреть на город, пока что еще это было для него слишком знакомое и скучное место... Быстро миновал он лес, поникший от засухи, проехал мимо сильно обмелевших Райских прудов, а за ними вскоре показался и хутор.

Найти в нем по примете нужный дом оказалось нетрудно. Приметой служил колодец с высоким журавлем, стоявший прямо перед домом; на нем сразу привлекало внимание почти не обструганное грубое корневище, служившее нехитрым грузом для подъема воды. Над поилкой для скота огромным роем кружились мухи, по-видимому, терпеливо дожидаясь пришедших сюда к вечеру животных. У колодца на низком табурете сидела старуха. К ней-то ни одна тварь даже не приближалась, казалось, будто бы она их хозяйка. В подоле у нее лежала шляпка подсолнуха, из которой она невнимательно ковыряла молодые семечки и жевала их, широко двигая беззубой челюстью. Она спокойно и безразлично смотрела в поле.

Поздоровавшись с нею, Твердохлеб спросил про старика. Как оказалось, эта старушка и была его жена... Но вот сам-то Редька, сказала она, умер прошлой осенью. Тогда Твердохлеб принялся расспрашивать о свистках, — не мастерил ли их старик в последнее время? Старуха даже не проявила интереса к человеку, знавшему ее мужа; она лишь чуть-чуть повернула голову, чтобы разговаривать с Твердохлебом.

— Не делал, — ответила она. — Кой-кому и обещал, а делать не делал, хворал одно.

— А еще кто-нибудь другой может сделать?

— Поищите, — сказала старуха. — Только никто, наверное, и не может, он никого не учил.

Твердохлеб удивился:

— А почему, скажите, не учил?

Казалось, старуха немного рассердилась на него за дотошность, она повысила голос:

— Да вот потому, что и не интересовался никто: надоели ему все, не хотел дружить ни с кем... А детей у нас не было.

— Не может быть, чтоб совсем ни с кем не дружил! — сказал Твердохлеб. — Тогда бы он и сам не знал, как те же самые свистки делаются...

Никак нельзя было разобрать, что старуха думает по этому поводу. Она наклонила голову и разглядывала подсолнух, на котором гнезда от выщипанных ею семечек случайно образовали причудливый зеленовато-желтый узор.

Твердохлебу не с чего было радоваться.

— Эх, дед! — сказал он. — Как не обидно... Разве можно так помирать!

— Можно, не можно, а помер и не спросил! — справедливо ответила старуха и снова уставилась в поле — может быть, уже разглядывая тот предел, за которым скрылся ее гордый супруг.

Но Твердохлеб отвлек ее еще в последний раз:
— Вы бы хоть сказали мне, из чего делались те свистки, — попросил он.

— Нужна с бычьего хвоста шкурка и косточка с индюшачьей ноги. Но сам не сделаешь, это мороки много...

Вот так и младший Твердохлеб возвратился ни с чем.

Рассказав отцу про то, как умер Редька, он мог заметить, что это известие не слишком поразило того; казалось, оно только подтвердило какую-то мысль, давно имевшуюся у отца на счет райского деда.

Твердохлеб-старший вечером сидит перед пчеловодным домиком, поджидает ушедших на гречиху пчел... Тут и перепела, а где ж им быть еще: заняты бесконечными поисками. То с одной стороны, то с другой из травы послышится голос: «Пить-пирю! Пить-пить?» И Твердохлеб машинально повторяет следом: «Пить-пирю! Пить-пить?..» Потом задумается о чем-то, на лице его появляется выражение умиротворенности, он спокойно смотрит вокруг и слушает. Вот медленно-медленно опускается и уходит за горизонт солнце — чтобы и там посветить другим пчеловодам... Вот растут, вытягиваясь по земле, тени холмов и деревьев — как будто наезжает, наваливается черная таинственная рать, — а потом понемногу рассеивается, перемешивается с сумерками. Ветерок прошуршит, пролетая в верхушках рощи, и умчится куда-то далеко, где нам, может быть, и не бывать никогда, но где лежит такая же родная, Русская земля.

*Начну на флейте
Стихи печальны,
Зря на Россию
Чрез страны дальни.
Россия, мати,
Свет мой безмерный!
Позволь то, сыну
прошу твой верный...*

Твердохлеб и не заметит поначалу, как его губы сами потихоньку начнут нашептывать какой-то стих, по спине пробегает морозец... Но тут внезапно он спохватывается и осторожно оглядывается по сторонам: он беспокоится, что сын его может услышать, и тогда они, чего доброго, станут стесняться друг друга.

А Твердохлеб-младший проявлял настойчивость еще долгое время.

Оказавшись в каком-нибудь незнакомом городе или поселке, он никогда не забывал посетить в нем магазин охотни-

чьего инвентаря, в котором спрашивал всегда одно и то же — свисток. Но ответ ему везде был отрицательный. И он наконец проникся самым высоким уважением к этой, так никогда им самим и не виданной штуковине. Предполагая зайти еще в какое-то место, теперь он заранее почти убежден в предстоящей неудаче, но с каким-то удовольствием, даже с гордостью произносить про себя что-то вроде следующего: «Ну, у вас этого, конечно, тоже нет. Нет у нас, нет и у вас! С вами, видать, Редька тоже не дружил! А сами не сделаете — это мороки много. Это ж вам не какая-нибудь милицейская свистулька, это какая тонкая конструкция — бычий хвост и индюшиная нога!»

МОТОР

— Что ж это так шумит? Что ж это так гудит? — спрашивал младший Твердохлеб у отца, проснувшись однажды летним утром.

И правда: что-то гудело и шумело на улице. Стекла дребезжали в веранде, где Твердохлеб-старший стоял перед газовой плитой и варил борщ. Он водил в кастрюле кругами деревянный половник; вытаскивая его, прихлебывал, морщил лоб, угадывая, в чем еще нуждается его варево... Не желая отвлекаться, он сказал сыну кратко: «Мотор!»

Мальчик оделся и вышел за двор, чтобы посмотреть, что это там за мотор такой расшумелся. На обочине дороги, у самого забора Твердохлебов, стоял перед только что вырытой ямой мотор на колесах. Он приводил в движение большой насос, который, гремя и чавкая цилиндрами, выкачивал из ямы воду. Двое рабочих в засаленных куртках и картузах стоят над ямой, заглядывая в нее. А из брезентовой трубы, соединенной с насосом, хлещет в сточную канаву вода...

— Что за яма у нас тут появилась? — сказал Твердохлеб погромче, чтобы перекричать мотор. — Еще вчера все было хорошо, а сегодня уже и яма!..

Но рабочие на него не обратили внимания, ибо он никак не мог быть хозяином побеспокоенного ими дома. Происхождение ямы немного позднее выяснил Твердохлеб-старший: труба в земле рядом с домом Твердохлебов дала течь... Какие же неприятности ожидают теперь улицу Кобзаря?

Прежде всего выяснилось, что теперь ни одна колонка на улице не дает воды. Почти у каждого хозяина в огородах был вырыт колодец; но пить-то воду оттуда нельзя, она пахнет болотом.

А ведь когда-то был хороший, глубокий колодец с прохладной и чистой водой. Вот он: теперь стоит забитый доска-

ми и обросший всяким мусором... Но, когда люди вспомнили о нем и уже принялись было за расчистку, тут приходит дед Сатана. Он когда-то был известный человек, а теперь простой пьяница. Он появился, чтобы сознаться в своем грехе. Оказывается, он уже много лет за маленькие вознаграждения топил в колодце неугодных хозяевам собак и кошек.

Вот так дед Сатана, вот так фокус! Вся улица Кобзаря смотрит на него с негодованием! Он же стоит, потупив взор; но на самом деле ему явно приятно, что на него обращено всеобщее внимание.

Улица Кобзаря стала ходить за чистой водой за порядочную версту, к колодцу, находившемуся по другую сторону Горы. И все ж таки хоть кое-как дело решилось. Но у Твердохлебов и их соседей остается еще одно неудобство — мотор.

День и ночь, день и ночь мотор гудит, хлопает и скрипит насос... Когда в первый раз Твердохлеб-старший подходил к рабочим, они ему сказали:

— Уже давно мы нашли трещину в трубе и заварили... Но вода все течет и течет, никак не можем ее выкачать.

Второй раз подходит Твердохлеб, говорят ему:

— Уже мы часть трубы заменили на новую. А вода все течет. Видите, пол-ямы ее, и не убывает...

А на третий раз сообщили:

— Нашли мы причину, отчего вода не убывает. Оказывается, здесь бьет сильный родник; теперь и вовсе не знаем, что делать!..

Но, странное дело, как-то в начале второй недели Твердохлеб-старший прислушался и спросил у сына:

— А что, мотор-то вроде молчит?

Прислушался и младший Твердохлеб и сказал:

— Да, вроде не слышно...

Но, выглянув со двора, поняли они, что все на прежнем месте: гудит мотор, хлопает и скрипит насос... Вот оно, оказывается, как: ко всему привыкает человек — так и Твердохлебы привыкли к мотору!

Так и стали они жить дальше, будто бы как прежде. Только слух у них заметно притупился — так, словно в уши набили ваты. Выглянут в окно: ветер качает ветки, треплет листья, — а шелеста им не слышать. Сядут на ветку невдалеке воробьи: прыгают, разевают клювики, но молчат, как немые... Кроме того, всю усадьбу Твердохлебов немножко знобило. Трясутся стебли цветов на подоконниках, трясутся, должно быть, и сами Твердохлебы, потому что солнце, проплывая над ними в вышине, трясетя, — чего не может быть.

И ко всему Твердохлебы привыкли... Но куры на их хозяйственном дворе вели себя иначе. Сначала они просто ста-

ли беспокоиться: не лежали, как ранее, в углах двора, зарывшись в пыль, а без конца слонялись по двору из угла в угол, одурело встряхивая головами, как будто хотели сбросить с себя какую-то паутину. Потом стали плохо есть и похудели. А какие яйца теперь находили Твердохлебы в гнезде! Одно походило на песочные часы, другое — на грушу, а третье было бесформенным, как голыш с берега моря...

И, наконец, однажды утром произошло вот что.

Твердохлеб-старший, как обычно, подошел к сараю и открыл дверь, чтобы пустить кур на день во двор. Первым выскочил петух: он возмущенно клекотал и размахивал крыльями... Разбежавшись, он поднялся в воздух; за ним точно так же, выскакивая из сарая и часто хлопая крыльями, последовали куры. Сбившись в стаю, куры с петухом сделали два круга над двором Твердохлебов, потом направились к Горе и скрылись за нею.

Твердохлеб-старший вышел со двора и сказал рабочим:

— Из-за вас у меня куры улетели за Гору!

Но рабочие сами оглохли от мотора; они даже не поняли, о чем им говорит Твердохлеб, только пожимали плечами.

Однако куры у Твердохлебов меченые: пятно синей краски за гребешком. Надо было попытаться их найти!

Занимаясь этим, Твердохлебы несколько дней ходили за Гору, в Рыбоселовку... Но куры бесследно пропали. После поисков у Твердохлебов еще оставалась надежда на газету: каждые вторник, четверг и субботу они просматривали объявления. Результат был все тот же — никаких известий о курах! «Ну конечно, — стали думать Твердохлебы, — понятно, что за народ живет в Рыбоселовке! Перерезали всех наших кур или в лучшем случае ошипали им крашенные перья на голове...»

Тем временем новая беда: от тряски в огороде стали осыпаться поспевающие помидоры.

Младший Твердохлеб, проснувшись утром, сразу стал ощущать какое-то беспокойство. Что же это такое? Может быть, он забыл велосипед на улице, и его теперь украли? Или чем-то неприятным пахнет в воздухе?... Он вышел во двор и увидел там отца, который, стоя на лестнице, смотрел на Гору в свой старый морской бинокль.

— У тебя глаза моложе, — сказал он. — Ну-ка взгляни, что там видно?

Мальчик взял бинокль. На Горе он увидел кур и петуха, и даже синие пятна на их головах были видны очень хорошо. Куры, как обычно, рассеянно бродили по траве и между кустами; но петух вышагивал между ними возбужденно — видно было, что он старается собрать их всех вместе. А время от времени он застывал на месте и, вытянув шею, зорко, как

капитан, всматривался в ту сторону, откуда младший Твердохлеб глядел на него в бинокль.

И вот, наконец, он собрал кур в одну кучу. Пройдясь перед ними, он что-то прокричал, сильно встряхнув головой; и куры запрыгали и загалдели, празднично захлопали крыльями... Но петух уже бежал от них, под горку. Вот он несколько раз широко и тяжело взмахнул крыльями, вот и взлетел... И куры очертя голову кинулись за ним: подпрыгивают, падают вниз, снова недружно взмахивают крыльями — и по одной все же отрываются от земли.

И мальчик все это видел. Он с удивлением следил, как наконец все куры поднялись с Горы, как летели они в его сторону, тяжело пригнув книзу головы и часто-часто махая крыльями... А впереди летит, мужественно зашемяв клюв и выкатив, как бизон, осатанелые глаза, красный петух! Они вот-вот достигнут родного двора.

Но что же все-таки произошло, почему они сами возвращаются? Младший Твердохлеб отнимает бинокль от глаз и взглядывает вокруг себя. Он прислушивается, он не верит своим ушам.

Шелестит листва в тополях, чирикают воробьи...

ЗАЯЦ

В октябрьский теплый день на обочине проселочной дороги стоит зеленый мотороллер; отец и сын Твердохлебы ушли далеко в поле, ходят по короткой и упругой стерне, перебираются через овраги. Твердохлеб-старший покрикивает, запорокидывая голову:

— Кыш! Кыш пошла!

А его десятилетний сын то и дело подпрыгивает кверху, размахивает и хлопает руками:

— Кыш, кыш, кыш!..

В ближайшем овраге из-под куста несется такой истошный визг, будто бы туда забился подколотый поросенок. Младший Твердохлеб присел около куста и заглядывает под него... Крик оборвался. Мальчик возвратился к отцу, и тот спросил у него:

— Ну, что он там?

— Сковрючился и сидит, глаза зажмурил. Думает, наверное, что так его уже и не видно. А она-то где?

— Она села; вон она, иуда! — Отец указал ему в сторону: там на земле сидела невероятно крупная ворона, ее большой клюв был внимательно приподнят.

— Людоедка! — выговаривает мальчик, судорожно пере-
дернув плечами. — Наверное, если она клонет меня, так про-
бьет и мне голову насквозь...

Уже около часу они гоняют эту ворону, которая хочет за-
бить зайца, спрятавшегося сейчас в кустах. Все время заяц
старался нырнуть в лес, но старуха перехватывает его и зас-
тавляет скакать по полю; потом она нападает сверху.. А заяц-
то совсем молоденький, подросток; вон как кричит он от стра-
ха! Но когда ворона валится на него, сразу он опрокидывает-
ся на спину и месит ногами что есть мочи. Молодец, зайчиш-
ка, только слишком уж он ошалел, не бережет сил.

— Ну что ж, пора нам ехать, — сказал Твердохлеб-стар-
ший. — Невозможно разнимать их до самой ночи...

Он направился через поле к дороге, ему не давал покоя
брошенный мотороллер. С самого начала, втянутый сыном в
погоню, он понимал бесполезность этой затеи; но теперь, ухо-
дя, он все же чувствует себя виноватым. Сын неохотно и мед-
ленно побрел за ним, поминутно оглядываясь на ворону.. На
прощанье он швырнул в нее большим земляным комом. Во-
рона тяжело взмахнула крыльями и беззвучно прыгнула в сто-
рону.

А едва только люди отделились, ворона поднялась с земли
и скользнула в овраг.

Перед небольшим кустом, усеянным красными плодами
боярышника, она опустилась и направилась к кусту шагом...
Вот как идет она: гордо выпрямила туловище вертикально к
земле, далеко выставляет большие черные ноги, повернутые
коленками назад! Клюв ее торжественно приподнят, ей при-
шлось только немного расщемить его, потому что не позво-
лено дышать забившиеся, заросшие старостью ноздри.

Заяц сейчас же уловил ее приближение в свои длинные и
нежные локации и страстно заверещал... На секунду ворона
останавливается, пораженная неистощимостью энергии в этом
зверьке. Вот она снова двинулась вперед, заноса свое долото
для рассчитанного, верного удара... Увы, заяц опередил ее
опять: опрокинувшись на спину, он с невероятной скоростью
сучит ногами — кажется, это не две, это несколько десятков
длинных и сильных ног мелькают в воздухе! Ох, этот упрямый
зайчишка так неистово защищает свою неприметную, коро-
тенькую жизнь, как будто бы она потребует ему для великих
свершений! А скольких она, старая ворона, видела на своем
веку их, вот таких, и живых, и мертвых, — живые тем только и
отличаются, что они резвые и теплые.

Заяц неожиданно вскочил: он мигом выпрыгнул из оврага
и понесся по полю к лесу.. Ворона тяжело вскидывает кры-

лями. С досадой она произносит свое старческое «ах!» и, поднявшись с земли, в который уж раз летит за зайцем вдогонку...

Мягкое и прекрасное, над полями светит осеннее солнце. Сейчас так чисто и спокойно кругом, что кажется, как будто первые живые существа еще и не появились на земле. Стоит лес... Он, как и всегда, не ступит вперед ни шагу, но и прочь не отпрянет он — тот осенний лес стоит у края наших полей золотой надежной чертой.

Когда снова раздался крик, Твердохлебы остановились и стали смотреть в поле.

Теперь им не видно самого зайца, но вон она, вон, его черная тень — летит над полем, ясно указывая и его бег..

— Заклюет! — говорит мальчик, и снова его знобит от одного даже этого слова. Но в мыслях-то у него совсем другое: нет, отобьется зайчишка, убежит!

Твердохлеб-старший стоит молча и из-под руки смотрит в поле. И что бы сейчас он ни ответил своему сыну, а уж, верно, надеется он на то же самое, что и его мальчик. Ведь только так и должно быть на этом свете. Да, только так!

КОНОКРАД

Хлебный поезд прокричал где-то еще далеко-далеко в полях, за поворотом на Воробьевку, а Несмачный все сильнее и сильнее погоняет Подружку, размахивая вожжами, и голос его непрестанно раздается над дорогой, лежащей между подсолнухами, повернувшими как один к солнцу свои золотые головы, и еще более сияющей, огнедышащей лавой пшеницы...

— Но! Но, гулящая! — выговаривает Несмачный. — Но, шлюха цыганская! Вот останемся без хлеба — уж я тебе тогда!.. — И он плюет на дорогу, укатанную и блестящую в той же степени, как и собственная его лысина; его плевки мгновенно испаряются, не успевая даже провалиться в широкие, в палец взрослого человека, щели потрескавшейся от засухи земли.

Подружка и вправду бежит с ленцой, хорошо зная, что успевает к поезду. Лошадь не обращает много внимания на Несмачного, которого она относит к той породе людей, какие чересчур любят поначальствовать над бессловесной тварью. Волей и неволей Подружка то и дело уносила мыслью ко вчерашней ночи... Вот и выкрики Несмачного «гулящая, цыганская» лишний раз напомнили ей о том же. «А вот как дерну на обочину и запутаюсь в подсолнухах! — думает Под-

ружка, нарочно притормаживая. — Побежишь тогда сам за своим хлебом!» Но она, конечно, не сделала этого, а побежала снова ровно... И наконец уже перед самой станцией, когда Подружка посторонилась от трактора, смрадного дышавшего солярукой, и немного потеряла шаг, благодарность Несмачного настигла ее в виде нескольких пребольных ударов по ляжкам. Подружка хотела тут же и стать... Но вот поезд вышел из-за посадок, изогнувшись, как гусеница, и стал приближаться к станции. И Подружка, вспоминая всех уток, которые на подворье Несмачного дожидаются хлеба, трех свиней, которых она не видела никогда, а только знала по голосам, раздававшимся из сарая, кур с красным петухом во главе и, наконец, Анну Филипповну Несмачную и внучку Аню, приехавшую в гости, — не стала показывать своей обиды, а по-прежнему бежала вперед, пока не вынесла Несмачного на самую платформу...

Из хлебного вагона носят на подносах буханки и грузят их в фургоны, а из пассажирских вагонов все чаще высовываются нетерпеливые лица... Не успел поезд еще тронуться, как Несмачный закупил у знакомого шофера хлеб и положил доверху набитый мешок в телегу. Сверху он закидал мешок сенцом... После этого Несмачный сразу переменялся: стал медлителен и добродушен. Не спеша курит он папиросу, провожая глазами уходящий поезд; благосклонно смотрит на толстую старуху, которая сошла с поезда и теперь просит, чтобы Несмачный довез ее до села. Вместе они садятся на козлы. Несмачный теперь едва дергает вожжи. И Подружка трогается в обратный путь.

Дорога назад для Подружки не в пример спокойней и приятней, хотя и везет она теперь дополнительно толстую старуху и такой же толстый мешок. Но с тех пор как телегу ее поставили на резиновые пневматические шины, Подружка готова возить хотя бы и весь колхоз вместе с председателем и не переносит только спешки. Однако теперь, поглядывая на солнце, она прикинула, что по времени им давно уж пора быть в поле с бочкой воды для комбайнеров, косивших пшеницу... Но Несмачный совсем не торопится, а ведет со старухой праздный разговор. Он уже расспросил, откуда и к кому она направляется, а старуха уже доверительно наклонилась к Несмачному, как будто бы для того, чтоб их никто не услышал на пустой дороге, и, достав из сумки фотокарточку, показывала ее.

— Вот, видите: девочка! — сказала она Несмачному. — Она работает вместе со мной, доярка на ферме. Когда я наладилась сюда ехать, она дала мне свою фотокарточку и просит:

тетя Надя, пошукайте мне там, на стороне, какого-нибудь хлопца... Что, — спросила старуха у Несмачного, — нет ли у вас какого-нибудь неженатого хлопца?

— Нет, — говорит Несмачный, усмехнувшись.

— Да я так и знала! — успокоила его старуха, пожимая плечами. — Мне и самой не нравится, чтоб кто-то забрал нашу девочку: она у нас одна, а остальные старые, как и я... Но не пропадать же ей одинокой! С утра до ночи тягает коров за сиськи, а самой — ничего! — И старуха стала качать головой и приговаривать: — Что же будет, ох, что же будет?... Все ускакали в город...

Несмачный по-прежнему улыбался и успокоительно махнул рукой.

— Да ладно! — сказал он, не потому, что знал, как все устроится, а потому, что не любил, чтоб говорили, что где-то что-то нехорошо. Он любит, чтоб все было хорошо...

Несмачный ссадил старуху на окраине села. Она спустилась с козел и подала Несмачному деньги, которые он молча принял и положил в карман. Старуха спросила, указав на крайний дом, который не имел никакого двора, и стоял особняком, как будто немного отступив от других:

— А это что у вас такое? Люди толкутся... Может, это клуб? Только все одни старухи...

— Это кузнец умер, — сказал Несмачный. — Одинокий, цыган...

При этих словах Подружка прянула ушами и, обернувшись, поглядела на Несмачного. А тот, строго взглянув на нее, прибавил:

— Хулиган порядочный!

Несмачный въезжает на свой двор и, сойдя с козел, идет закрывать за собой ворота. Двор у него широкий, и во всех углах копошатся куры, бродят утки... Но строения сооружены безо всякого вкуса и любви к уюту, как у настоящего казака. На крыльцо из дома выскочила внучка Аня, горожанка: половина хозяйства Несмачного служит для поддержания ее родителей... Она спрашивает:

— А что ты теперь привез, дедушка?

Несмачный потрепал девочку по голове и умиленно заглянул ей в лицо: по его мнению, внучка похожа только на него.

— Я привез тебе хлебца, чтобы моя девочка росла большая и умная! — сказал он.

Несмачный вошел в дом и сказал Анне Филипповне, что хлеб привезен; пусть она освободит мешок и снова положит его в телегу, под сено. А сам он прошел в прохладные комнаты и прилег, чтобы немножко отдохнуть... Вот он чуть было не задремал, как прибежала внучка и спросила у него:

— А лошадка чья, дедушка?

Несмачный довольно потянулся на диване и, закинув руки под голову, сказал:

— Моя!

Анна Филипповна, возвратившаяся со двора, услышала это и поправила его:

— Колхозная лошадка, внучка, — сказала она, — колхозная...

— Корма колхозные, — сказал Несмачный, подмигнув внучке, — а лошадь моя!

Девочка снова убежала во двор, к лошади... Мухи ползали у нее по морде и облепили глаза. Подружка грустно взглянула на Аню. Увидав, что мухи облепили лошади глаза, добрая Аня принесла стул, взобралась на него и стала отгонять мух... И так все то время, пока Несмачный отдыхал, девочка отгоняла мух с одного глаза лошади. И Подружка стояла смирно, не смея встряхнуть головой, хотя с другой стороны головы мухи липли ко второму глазу еще пуще...

Несмачный с Анной Филипповной погрузили в телегу деревянную бочку, и он, набрав в колодце воды, наконец отвез ее в поле к комбайнерам... Пыльные и усталые, они стали ругать его за позднюю доставку воды. Но он шутил с ними и не ввязывался в скандал. Ведь он любит, чтоб все было хорошо. Но комбайнеры слишком настойчиво ругали его, и Несмачный обиделся.

— Да, — сказал он, — старику уж пора давно на пенсию. Я уже сколько раз просился у председателя: тяжело, говорю, годы не те... Надо еще проситься!

Комбайнеры испугались: где потом возьмешь человека на такую мелкую работу?

— Да ну, ты еще совсем молодцом! — убеждали они Несмачного. — Ну, подумаешь — замешкался раз-другой, завозился: дело обычное...

На обратном пути Несмачный остановился возле кукурузного поля. Кукуруза выросла в этом году на славу: листья ее уже пожелтели и побурели, а от стволов, свесив бороды, оттопыривались почтенные початки. Несмачный, взяв свой любимый мешок, вошел в кукурузу, и она сразу скрыла его с головой, как лес.

— Ах ты ж, какая силища-то! — сказал Несмачный, с удовольствием ощупывая початок, и огляделся по сторонам, как будто желая с кем-нибудь поделиться своим восторгом... Но никого не видно поблизости, только дня через два в колхозе освободятся руки для кукурузы. Тогда Несмачный стал ломать початки и складывать их в мешок: дома Анна Филипповна разглядит и оценит!

Несмачный въехал на свой двор и закрыл за собою ворота. Внучка Аня выбежала на крыльцо и спросила:

— А что ты теперь привез, дедушка?

— Я привез тебе кочанчик кукурузы, чтобы моя девочка росла большая и умная!

И внучка напевает, вбегая в дом:

— Бабушка, бабушка, дедушка привез кочанчик кукурузы, чтобы я росла большая и умная!

В село приехали артисты. Вечером они собираются дать представление в Доме культуры, а сейчас разбрелись по селу в поисках экзотики: артисты были из большого города. Несмачный и Подружка, проезжая через центр села, видели троих незнакомых мужчин, которые ходили вокруг старой церкви и разглядывали ее. Теперь в церкви зернохранилище, поэтому на дверях висит большой замок... Несмачный с Подружкой проехали к окраине, где находилась свиноферма, и невдалеке от нее увидели еще две незнакомые фигуры: теперь это оказались женщины, очень нарядные и раскрашенные. Казалось, они направляются прямо к ферме.

Несмачный вошел в дом, чтобы увидеться с бригадиром, а Подружка осталась стоять около ограды, за которой бродили свиньи. Женщины подошли. Но Подружка не привлекла их внимания; они проникли через калитку к свиньям, и стали заигрывать с ними. Свиньи, как было видно, удивились появлению среди них этих двух фигур: они попятились в глубь своей территории и насупились, глядя на артисток. Но эти женщины ласково звали их к себе и протягивали к ним руки, видимо, желая почесать им за ухом или живот... Свиньи понемногу осмелели и приблизились. А когда артистки достали из сумок несколько яблок и бросили на землю, свиньи со всех сторон кинулись добывать эти яблоки, уже совсем не стесняясь артисток и вытирая об них от грязи кто бок, а кто зад и расталкивая их ноги проворными мокрыми рылами.

— Ай! Ай! Ай! — закричали артистки, пытаясь вернуться к калитке, но уже как будто грязная река кипела и храпела вокруг них, затягивая все дальше к середине водоворота...

Подружка, видя все это, беспокожно заржала. Несмачный вышел из дверей и тоже увидел, что случилось с артистками. Он так смеялся, что совсем обессилел и ничем не мог помочь им. Он смеялся и позднее, всякий раз, когда рассказывал кому-нибудь, как артисток, «таких расфуфыренных, хе-хе!», затерли свиньи... Наконец прибежал скотник и освободил артисток. Они были грязные до ушей, но не потеряли своих

сумочек. Достав из сумочек зеркала, они побрели прочь, утирая слезы и подводя ресницы... Но надо отдать должное этим артисткам: после этого они скоро искупались в пруду и переоделись; и вечером они играли на сцене так хорошо, как будто с ними ничего и не произошло. Несмачный, присутствовавший в зале, заметил даже, что они, сходясь близко друг с другом, перемигивались и улыбались. Ну что ж, артистки и есть артистки; и из трех сестер эти две были не такие скучные, как третья. Жаль, что в зале было мало народу и раздалось только редкие хлопки!

А остаток дня Подружка с Несмачным возили комбикорм для свиней, затерших артисток... Вечером Несмачный въехал на свой двор и закрыл за собою ворота. Внучка стояла на крыльце, снова встречая его.

— Ты опять привез что-нибудь такое, чтобы я росла большая и умная?

— Нет, — сказал Несмачный. — Теперь я привез корм для наших свинок, чтобы они росли большие и умные...

Они с подошедшей Анной Филипповной с трудом вытащили из телеги мешок, теперь особенно раздувшийся и тяжелый, и понесли его в сарай; Аня побежала за ними следом, чтобы посмотреть, отчего становятся большими и умными свинки.

И вот Подружка одна стоит в своем сарае... Прежде их здесь было двое, вторая была кобыла Мечта, мать Подружки. Но как-то раз ее погрузили в кузов машины и увезли куда-то, откуда Мечта уже больше не возвращалась. Наверное, далека была та дорога, если здоровую, крепкую лошадь пришлось поднимать в кузов грузовика, — ведь она вполне способна была ходить своими ногами! Подружка стоит, пожевывая сено, и дремлет... Сверчки за стеной перекликаются своими нехитрыми трелями: трр-р! трр-р! Два голоса пошептались за стеной и ушли: это школьники, больше в селе нет неженатых людей, чтобы гулять по ночам. А фонарь за окном светит ровно, не шелохнется, только мотыли бьются, колотятся об него в непонятной страсти... Вдруг что-то большое и черное врывается в окно. Подружка вздрагивает: слишком знакома эта тень! Но ничего уже нет. Наверное, летучая мышь заглянула в конюшню, подыскивая для себя угол. Но Подружка снова думает о вчерашней ночи. Да, вчера вот в такое же время сюда вошел человек, а теперь его уже нет в живых. Подружка дремлет, роняя голову...

Он вошел тихо, без скрипа открыв дверь... Подружка увидела его только тогда, когда он назвал ее по имени:

— Подружка!

А по голосу она угадала его: ведь это он дал ей имя; он же ухаживал за нею, пока она была маленькой, лишь потом ее отдали Несмачному.. Это кузнец Василий, цыган. Но как его долго не было видно! За это время стерлась подкова на одной ноге, теперь новая, которую набил молодой слесарь, болтается; а та, которую набивал Василий, до сих пор сидит крепко... Говорили, что он заболел и больше не встает!

Кузнец отвязал Подружку и вывел ее на улицу. Здесь, под фонарем, она разглядела, как он оброс и похудел, и услышала, как тяжело он дышит. Он вздыхал и скрипел зубами, пока застегивал подпругу... О, Подружка уже и забыла, когда последний раз ходила под седлом! А теперь Василий надел на нее седло. Долго, долго он взбирался в него... Опершись о лопатки Подружки, немного отдышался и произнес:

— Ну, едем... Хорошо...

Он прижался к бокам Подружки пятками; босые пятки были холоднее льда. Подружка вздрогнула и с места побежала рысью.

— Эй, Несмачный, я украл у тебя лошадь!.. Эй, Несмачный, Несмачный, догоняй; на, на, лови старого цыгана!..

Несмачный сидел в клубе и играл с почтальоном в шашки, когда с улицы донеслись до него эти крики. Несмачный с почтальоном вышли на крыльцо и на освещенной площадке перед клубом увидели кузнеца Василия, сидевшего верхом на Подружке.

— Ты что! — сразу закричал на него Несмачный, взмахивая руками. — Кто позволил?.. Да ты знаешь, что такое!.. — Ему даже в голову не пришло удивиться чудесному появлению кузнеца, который уже столько месяцев не выходил из дому..

Василий с удовольствием слушал его и кивал лохматой головой, а в бороде его оскалились крепкие зубы.

— Эгей! — сказал он Несмачному и показал ему батог, когда тот хотел подойти к Подружке и взять ее под уздцы. Потом он подпер себе бока кулаками и, стараясь сидеть совсем прямо, проговорил: — Ты скажи вот, прохвост: ты что ж, думал, что так оно и надо на свете — чтоб цыган тебе лошадей ковал, а ты на них воровать ездил? Аль ты забыл, что цыган, сколько ни крутит, а под конец сам украдет! Вот и остался ты с носом, ха-ха-ха!

Несмачный стоял насупившись и думал о том, что не на чем ему завтра будет ехать за хлебом, если цыган сейчас ускачет... Он кидал на Подружку суровые взгляды, осуждая ее за то, что далась в руки Василию. Тут почтальон, стоявший все это время молча, обратился к Василию:

— А куда ж ты поедешь, Василий? — сказал он. — Ведь ехать тебе некуда и лошадь у тебя не купит никто... Теперь никто не держит своих лошадей.

— А я вон туда! — сказал кузнец, улыбаясь и указывая батоном на ковш Большой Медведицы, который горел в небе на западе. — Ну, прощай, хороший человек!

Он повернул Подружку и поехал в ночь...

— Эй, эй, эй! — закричал Несмачный, чем доставил цыгану последнее удовольствие: он гикнул и, еще оборотив назад косматое лицо с оскаленными зубами, исчез в темноте.

Несмачный побежал во двор бригадира; через несколько минут Несмачный и бригадир проехали на мотоцикле, освещая дорогу фарой, мимо Дома культуры, на крыльце которого по-прежнему стоял почтальон и размышлял о чем-то...

А дела кузнеца совсем плохи... Едва они с Подружкой скрылись в темноте, как Василий потерял свою гордую осанку и лег на спину лошади. Дышит он глубоко и хрипло, а пальцы, которые держатся за шею Подружки, холодны-холодны... Но он бормочет:

— Выше, Подруженька, выше, выше...

Подружка бежит по дороге, ровно стуча копытами; и желтый диск луны бежит сбоку, над полями: Подружке кажется, будто и луна стучит копытами... Кузнец стал сползать на бок, и Подружка остановилась. Луна то же самое, не стучит больше копытами, а застыла на месте и глядит вниз. Кузнец сполз с лошади и распластался в пыли.

— Ах, милая! — говорит он, прижимаясь к земле щекою, и вздыхает: — Поздно... Не летит, вишь, не летит... Тяжело, эх!

А когда послышался приближающийся гул мотора и желтое пятнышко зашевелилось в ночи, тело кузнеца вытянулось, как будто силясь порвать на себе незримые путы, дрожь прошла по нему двумя волнами... Человек больше ничего не заметил бы в это время. Но лошадь, чуткое животное, услышала, как что-то легкое пронеслось в воздухе, и в это же время над кузнецом в лунном свете мелькнула кверху неясная тень... Но в следующее мгновение звук в воздухе оборвался, и неподалеку что-то тяжело, как камень, ухнув, упало на землю.

ТОЛУЧЕЕВКА

Маленькая река Толучеевка... Она течет в окрестностях Среднерусской возвышенности с севера на юг, в низеньких глиняных берегах. Журчит в колючем кустарнике, проходит под древними могучими вербами, поклонившимися ей, минует свои прежние русла, теперь пересохшие или превратившиеся в болота, минует села и городки, лежащие в этой холмистой степи. На ней много старых и новых плотин. Но ниг-

де Толучеевка особенно не раздастся вширь, нигде не вырвет глубокого омута, а, наоборот, гораздо чаще встречаешь на ней броды, мели, которые иной раз просто горбом выпирают из воды. На них растет бурьян, сидят и отдыхают обыкновенные галки... И вот так, незаметной и невзрачной, подходит она к знаменитому Дону и впадает в него.

И через городок Калач течет Толучеевка. Как обо всем на свете, люди говорят, что когда-то река знала лучшие времена. Да, как обо всем на свете! Будто бы была она и широка и глубока и стояло на ней тогда несколько хороших мельниц... Ну и рыбы, конечно, было не то что нынче.

Возможно, все точно так и было.

Но нынешним жителям река досталась с обвалившимися берегами, мелковата, и рыбы в ней почти что нет. Чтобы искупаться или порыбачить, лучше уж выйти подальше за город и там искать более-менее подходящие места.

Правда, и в не очень давние времена Толучеевка раза два или три показывала себя не такой уж тихоней. Всякий раз это случалось весной. Весна в таком году была снежная; люди радовались, ожидая хорошего урожая. И урожаем позднее приходил своим чередом. Но прежде городку доводилось пережить это... В конце марта или начале апреля снег вдруг за несколько дней стаивал весь, и вода, сбегая с окрестных холмов, устремлялась в долину. Толучеевка разбухала и взламывала лед; радостно кружа льдины, выплескивалась она за берега — начинался потоп. Тогда заливало и дворы, и сараи, и дома; гибло у людей добро... У старых учителей река отняла библиотеки, у хороших хозяев — машины, у пчеловодов — их пасеки. Люди стояли на мосту и смотрели, как река проносит мимо заборы, собачьи будки, уборные. Десятками плыли мертвые куры, попадались и раздувшиеся коровьи туши... На льдинах, на деревянных обломках всего того, что никогда не собиралось в плаванье, сидели еще уцелевшие животные рядом с птицами; они с удивлением озирались кругом, пытаясь найти объяснение тому, что творилось; подплывая к мосту, они задирали головы и смотрели на людей... А те заворожено стояли на мосту: ведь все это совершила Толучеевка, эта маленькая речушка, в которой, казалось, редко где не светится сквозь воду дно!

Летом, в хороший солнечный день на берегу Толучеевки столкнулись три человека.

Раньше пришли двое молодых людей, Денис и Аня. Они постелили на траве одеяло, и Денис, раздевшись, лег на него загорать, а Аня спряталась за куст, чтобы надеть купальник. Пока она была за кустом, ее друг время от времени посвистывал и произносил: «Ай-яй-яй! Ай-яй-яй!», притворяясь,

будто бы он подглядывает, хотя на самом деле он в это время спокойно лежал на одеяле и смотрел в небо.

Аня вышла из своего укрытия и остановилась; на ней был новый купальник, и ей хотелось, чтоб Денис со стороны разглядел, как она в нем хороша. Денис поднял голову, потом встал навстречу Ане. Идя к ней, он немножко красовался своими мышцами: он напрягал грудь, а локти развел немного в стороны от туловища... Таким Денис больше всего нравился Ане. Они взялись за руки и пошли купаться.

Денис первый бросился в воду и поплыл, поплыл, далеко вперед забрасывая руки и сильно взбалтывая ногами. Едва миновав середину речки, он вдруг зацепил локтем по дну, но не подал виду и продолжал плыть так же красиво. Он сделал круг и приплыл к ногам Ани.

— Ну что? Будем учиться плавать? — сказал он ей.

Он подставил руку, Аня легла на нее животом. Денис отошел вместе с нею от берега туда, где глубина достигала его груди... Он держит Аню на руке, и она плавно и красиво гребет, аккуратно приподняв голову; но она не двигается вперед совершенно. Это происходит оттого, что Аня на самом деле научилась плавать еще давно, в детстве, а сейчас только притворяется совершенной тюлей, зная, что мужчине приятно поучать ее.

— Ну, что твой отец говорит насчет денег? — спрашивал тем временем Денис.

— Обещает с матерью дать четыре тысячи, — говорит Аня. — Но это только на свадьбу; никуда больше они не разрешат тратить. Они ведь у меня казаки: считают, что народ должен гулять целую неделю, как в старину..

Денис встряхнул головой, он сердился:

— Ты прости, Анютка, они у тебя не казаки, а хорошие пижоны! Зачем же устраивать такой катаклизм? Им ничего, а нам надо будет все время торчать перед гостями, как шутам гороховым!

Аня спокойно скользит в руках его, как большая рыба; девушка понимает лучше своих родителей и, как может, объясняет все жениху. Надо, чтобы вся округа видела, что произошло важное событие, и запомнила этот праздник. А главное, чтобы они сами, Денис и Аня, помнили, сколько людей гуляло на их свадьбе, и в будущей своей жизни не огорчались ни друг друга, ни этих людей...

— Да, — заметил Денис, поразмыслив, — мы бы с тобой, пожалуй, лучше съездили куда-нибудь на юг за такие деньги. А что они думают насчет жилья? Ты где бы хотела жить — у нас или у вас?

Аня отвечает, что ей везде хорошо, но лучше всего было бы им построить свой дом; вот ведь Коваленко, друг Дениса, вскоре после того, как женился, построил дом...

— А также купить корову и свинью! — шутит Денис. И разъясняет: — Коваленко — крестьянин, шофер; а я все-таки тренер в спортивной школе! Зачем нам связываться со стройкой? А у нас дома, например, всегда чисто, да и продукты всегда есть.

Аня молчит, у нее свои мысли обо всем этом; но она не спорит с Денисом, она верит, что его нетрудно будет побороть позднее.

Выйдя на берег, они сели на свое одеяло и обнялись. Аня убрала мокрую прядь с лица Дениса, а тот поцеловал ее в губы... Но тут поблизости послышались какие-то звуки, шарканье ног в траве. Денис и Аня разъединились и посмотрели в ту сторону.

К берегу, неподалеку от Дениса с Аней, подошел старик с узелком в одной руке и с красным кирпичом в другой. Остановившись у самой воды, он наклонился и посмотрел в речку — так, как будто бы заглядывал в погреб... Потом он отступил немного и положил узелок и кирпич перед собой на землю. Он залез одной рукой в карман, а сам в это время оглядывался вокруг; тут только он и заметил Дениса с Аней. Он замешкался, повременив доставать руку; он смотрел на молодежь, пожевывая губами, искал, нет ли и еще кого поблизости... Жених с невестой повернулись к нему спиной, огорченные, что нарушилось их уединение. Тогда старик достал из кармана бечевку и присел над своею ношей. Он привязал один конец бечевки к узелку, вторым обмотал кирпич и, взяв по одному предмету в каждую руку, подошел к воде. Узелок у него в руке зашевелился, и издал жалобные звуки... Денис с Аней оглянулись и увидели, как старик бросил связанный с кирпичом узелок в речку. Кирпич вывалился из петли, полетел вперед, и речка, гулькнув, проглотила его; за ним шлепнулся на воду и узелок. Он не утонул, а покачивался на воде, скуля и пошевеливаясь, и пускал вокруг себя большие круги.

Денис вскочил и быстро забежал в воду. Подхватив узелок, он возвратился с ним на берег, осторожно опустил его на траву. Старик молча стоял поодаль и наблюдал.

— Эх, отец! — укоризненно выговорил ему Денис, качая головой. — Старый человек, а что делаешь...

Аня приблизилась к Денису, чтобы взглянуть, что окажется в узелке. Денис выкладывал на траву, выпутывая из мокрой материи, двух черных щенков... Они, избавившись от темного плена, осваивались на новом месте, осторожно ты-

чась носами в землю и принюхиваясь. Один щенок поминутно вздергивал головой и чихал, другому, видимо, купанье прошло даром; оба были еще слепые.

Старик, безучастно простояв на своем месте несколько минут, наконец, так и не произнеся ничего, ушел. Денис с Аней были полные хозяева спасенных щенков... Аня забавлялась с ними, трогая их и щекоча тонкой хворостинкой; ее жених сидел в стороне и любовался своей будущей женой. Щенки обсохли и стали симпатичней. У чихавшего поначалу щенка уже совсем, оказывается, готов открыться один глаз; он, поднимая голову и принюхиваясь, напоминал прищурившегося на солнце монгола... Малыши охотно, когда Аня уже не брезговала трогать их руками, брали беззубыми ртами ее пальцы и усиленно сосали, чавкая и ворча. По всему видно было, что они совсем успокоились и уверены, что найдутся снова дома, под родительской опекой...

Денис с Аней снова пошли купаться. И вот Аня, входя в воду, на секунду вдруг почувствовала омерзение... Ей подумалось, что вот сейчас же на дне мог лежать узелок со щенками, и она бы вдруг наступила на него! Но потом она успокоилась и вошла в реку; снова Денис учил ее плавать.

Солнце понемногу склонилось к горизонту, оно больше не припекало как прежде; у реки стало прохладно. Денис с Аней оделись и собрались уходить. Аня спросила:

— Денис, что ж будем делать теперь со щенками?

— Н-да... — произнес в задумчивости жених. — У нас дома есть псина, у вас их даже две... Может, твой отец возьмет и этих, раз уж он так любит собак?

Аня сказала, что у них и без того скоро будет приплод; хорошо еще, что собаки породистые, к отцу на них заранее поступают заказы...

Пока происходил этот разговор, щенки лежали на траве, прижавшись друг к другу и подрагивая от холода. Слыша над собой человеческие голоса, они и сами то и дело попискивали, давая понять, что пора бы их уже пристроить куда-нибудь, где потеплее... Но вот голоса Дениса и Ани как будто бы стали отдаляться, затихать, а затем и пропали совсем. И точно: жених с невестой ушли. Посовещавшись между собой, они решили, что щенята здесь не пропадут; кто-нибудь, проходя мимо, пожалеет их и подберет. Мало ли добрых людей ходит по берегам Толучеевки!..

Солнце село, стало еще холоднее. Трава покрылась влагой. Только от земли, нагретой за день, еще исходило кой-какое тепло... Но и оно иссякало понемногу.

Щенки совсем озябли; они стали отползать в разные стороны друг от друга, бессознательно стремясь переменить свое положение на лучшее. Они ясно чувствовали, что вблизи них лежит какая-то громадная масса, сочащаяся холодом и сыростью... Это Толучеевка. Они старались отдалиться от нее, ползли, елозили лапками по мокрой траве, царапая животы за всякий малый узелок на ее стеблях. И наконец, каждый проделав по берегу маленький полукруг, столкнулись голова к голове... Они сцепились друг с другом изо всех сил, какими наделила их природа при рождении, и заскулили в один голос.

И вот наступила ночь. Луна льет слабый свет на деревья, на кусты и берег, на котором едва заметным бугорком лежат щенки; ее отражение серебрится и поблескивает на воде.

На берегу появился человек. Он шел медленно, то и дело наклонялся и что-то искал в темноте на траве. Это, оказывается, старик, принесший сюда днем щенков...

Наконец он их нашел; они лежали теперь безмолвно, крепко обвив друг друга лапками и чуть подрагивая, едва теплые. Подобрал щенков, старик отнес их домой. Он положил их под теплое брюхо матери, которая за весь день так и не заметила их отсутствия, потому что другие два щенка, братец и сестрица, непрерывно теребили ее соски и работали за пятерых.

ФОМИН

I

Вот, наконец, наступил этот счастливый день, — Антон Фомин окончил школу.

В солнечный июньский полдень, когда в Калаче все замирает от жары и не слышно никаких живых звуков, только гудят грузовики, взбивая до небес пыль на обочинах дороги, ведущей к элеватору, Антон Фомин в последний раз вышел из школьного двора. Он направился на Гору.

Здесь он сел и, ощупав в кармане только что полученный аттестат, поднял голову и посмотрел на город. Разноцветное семейство крыш лежало перед ним, рассыпавшись по всей широкой долине. Невдалеке виднелась белая шиферная крыша, под которой жил и Фомин... Он некоторое время выразительно смотрел на эту крышу: губы его были надуты, взгляд устремлялся исподлобья, — казалось, вот сейчас он произнесет что-нибудь сердитое!

Но Антон так ничего и не произнес. Он расстегнул на себе рубашку до того места, откуда у него брала начало уже густая и

черная тещина дорожка, лег под солнцем и широко раскинул по земле руки — так привольно, как будто теперь всю жизнь собирался так пролежать.

Но не тут-то было!

Пять или семь дней отсыпается Антон на сеновале.

Потом его позвала вниз мать, Татьяна Семеновна Фомина: она дает ему в руки книжки, усаживает Антона за стол. Против правой руки Антона мать поставила молоко в кувшине и тарелку с медом.

— Ну, Антон, — сказала она сыну, — пойдешь в техникум учиться! Твой брат тоже еле-еле в школе держался, а в техникуме не хуже других. Пойдешь в техникум...

И Антон увял: эх, прощай, воля, здравствуй, опять неволя! Подбородок на грудь опустил, сидит грустный. Татьяна Семеновна встала перед ним, постучала пальцем о стол... И Антон послушно раскрывает книгу.

Еще целый месяц изучает он физику и математику — да, таковы-то вот провинциальные нравы! Ведь в больших городах такого не случается. Конечно, никогда!..

На самом первом экзамене Антон Фомин получил двойку. Экзаменатор сказал ему, побеседовав с ним несколько минут:

— Вы совершенно свободны, молодой человек!

Антон ушел к реке и там провел оставшуюся часть дня.

Он то лежал на траве на берегу, наблюдая, как по небу спокойно проходят белые развесистые облака, то плавал в реке. Иногда он нырял и, сидя под водой, весело произносил про себя: «Вы совершенно свободны, молодой человек!» — и после этого изо всех сил выскакивал на поверхность.

Дома Татьяна Семеновна сказала ему:

— Ну-ка, дурак, расскажи, как ты сдавал экзамен!

Антон, приподняв руки к груди, чтобы успеть, когда надо защититься, рассказывает:

— Он... дядька, мне говорит: «Что вы помните о законе инерции?» Я ему и отвечаю: «Любое тело...»

Татьяна Семеновна обрывает его:

— Да мне надо знать, сказал ли ты ему вот что: «Я — Антон Фомин, сын Татьяны Семеновны, которая приходила к вам в пятницу?»

— Забыл...

— Ну и вот тебе!.. Ну и вот тебе еще!.. Двадцать пять рублей — корове под хвост!..

Раздаются звуки, напоминающие шелканье бича в цирке.

Совсем расстроившись, Татьяна Семеновна уходит в спальню. Но полночи она не спит, обдумывает, как же теперь

поступить с оболтусом. Она держится того мнения, что надо пока, до призыва в армию, хоть какую-нибудь подыскать для него работу, чтобы не пропал трудовой стаж...

Ах, эта Татьяна Семеновна Фомина! Ну разве она не видит, что сын ее вырос двухметрового роста и что на щеках у него черная щетина! И только в голове у него по-прежнему не мозги, а простая брынза.

И это б вовсе не беда! Ведь зато руки у него так велики, как будто сами так и просят подымать что-нибудь тяжелое, передвигать что-то громадное... Что ж в том плохого, что в мире одни работают руками, а другие головой? Еще бог его знает, кто из них счастливей!

Но совсем не в этом направлении движутся мысли у Татьяны Семеновны в эту ночь.

Она перебрала всех своих старых друзей и знакомых, вспомнила всех хороших людей... Но ни на сырзаводе, ни на мясокомбинате для Антона места не нашлось. Нет, на мясокомбинате можно было бы работать Антону грузчиком. На этой работе тоже есть возможность извлекать пользу для себя. Но все же подобные профессии Татьяна Семеновна не уважает, ведь сама она всю жизнь работает уборщицей. А с десятилетним-то образованием мог бы человек исполнять работу почище, пусть даже пользы от нее пока не будет никакой...

И вскоре в городе заметили высоко парня, который ходил по всем улицам с детским портфелем в руке. Это был Антон Фомин, разносивший телеграммы.

II

Когда в отделении появился новый разносчик телеграмм, все девушки сейчас же его про себя отметили — и телеграфистки, и телефонистки, и почтальоны. В отделении мало мужчин. Так и почтальон Люба Ярцева обратила на него внимание. Тем более что по нынешним временам очень симпатичный парень — два метра росту!..

Никто не знает почему, но все чаще случается им идти вместе в одну сторону; ей с почтой, ему с телеграммами. А потом он ее и назад провожает, а бывает так, что проводит и домой... Он ей понравился. Ходит рядом, большой и смирный, никогда и руки к ней не протянет. А если начинает с нею разговаривать, так бормочет что-то такое нескладное, — и сразу, как мальчик, краснеет. Смехота!

Люба Ярцева живет одна в небольшом двухкомнатном домике на окраине города; это место называется Рыбоселовка. Уже несколько лет, как отец с матерью развелись.

Отец уехал в другой город. А мать Любы, еще молодая женщина, сразу вышла заново замуж; она переселилась к мужу. Вот так Люба осталась одна в старом доме. Но мать, как видно, чувствует себя виноватой перед дочкой, она ее часто навещает — это верно. Она живет неподалеку, на соседней улице.

Обнаружив, что к Любе стал навеваться Антон Фомин, мать сочла нужным помочь дочери правильно вести дело с мужчиной. Ведь у нее самой есть опыт, которого недостает дочке! Смысл ее уроков заключается в следующем: мужчин до свадьбы надо держать, как собак перед охотой, — не кормить, но дразнить, чтобы они рвались и бились как очумелые... И такими-то их легче всего подманить к загсу, да-да!

Но Любе вечером скучно одной сидеть в доме.

А Антон, когда он рядом, возьмет ее под мышки, привлечет к себе и стоит так целый час, ничего не произносит. Грудь у него поднимается и опускается, как мехи, и в ней слышно, как бьется сердце: бум! бум! бум! бум!.. Ну, зачем Антона дразнить — все равно ничего не понимает! И Люба не хочет помнить материнских уроков, она показывает Антону свои родинки: «И вот здесь одна... И тут, посмотри...» Так все показала, ничего не утаила — только-то и было у нее богатства, простая девушка!

И пропал Антон Фомин, испортился. Домой приходит только ночевать, стал пропускать рабочие дни. «Ну что это за работа, дурацкая работа!» А ведь и то правда: ему бы плуг в руки, а к плугу, наверное, покрепче лошадь — и пошел бы молодцом по пашне, любое поле легко бы перепахал! Но не то теперь время. Нет теперь прямо под рукой того, к чему бы приложить силу молодому богатырю. А идти искать — где его?

Идет осень. Последние листья уже почти все осыпались с деревьев: Рыбоселовка утопает в грязи. А Антон вдыхает жизнь полной грудью.

Утром приходит он к Любе во двор, умывается из колодца. А у Любы уже давно для него завтрак готов... Потом Антон пилит и колет дрова, складывает большие поленицы в сарае — холода уже скоро! Уборная еще во время первого замужества Любиной матери провалилась углом. Антон ее поднял и укрепил. Все, все у Любоньки во дворе должно быть в порядке!

А что ж это сам двор перед всем миром нараспашку? Ни ограды, ни ворот — где улица, там и огород! Антон принес несколько столбов, оставшихся от бывлой плотины на реке, и

врыл их в землю перед домом. Теперь он задумывается над тем, где бы ему раздобыть доски...

Но нельзя упускать из виду, что в это время, как и прежде, живет и здравствует его мать, Татьяна Семеновна Фомина. А она не привыкла, чтоб с ее сыном случилось что-нибудь непредусмотренное.

Когда Антон стал иногда и на ночь оставаться у Любы, Татьяна Семеновна быстро отыскала дорогу к ее матери. С детьми она не хотела говорить, они, по ее мнению, просто котятка безмозглые.

Эти две матери не смогли договориться между собой. Еще бы, ведь они обе были чрезвычайно опытны! Они говорили о жизни, о том, что в ней следует считать правильным и достойным для порядочных людей, а что недостойным, — и ни в чем их мнения не соединились, и они не согласились друг с другом. В результате они очень не понравились друг другу. Потому-то Татьяна Семеновна как не видела, так и видеть не захотела Любу; потому-то и Любина мать сейчас же постаралась забыть, как она похвалила Антона, когда он поднял провалившийся угол уборной.

Бедная Люба! Почему бы ей не попасться на глаза Татьяне Семеновне чуть-чуть позднее, когда она сама примется искать невесту для Антона? Тогда б она наверняка показалась ей самой лучшей девушкой в городе!

Ну а Антон, мужчина с большими руками? Почему ж он не подаст хотя бы слабенького голоса в защиту своего выбора?

Впрочем, не наше дело причитать, наше дело вести рассказ.

Мать Любы Ярцевой запретила дочери приводить в дом Антона.

— Очень плохая семья! — сказала она. — Очень плохая.

— Но ведь я уже... — признается Люба.

Мать рассмеялась и утешила ее:

— Ах, дочка, все это чепуха! А вот у нас недавно появился молоденький прораб... Приведу его как-нибудь к тебе в гости.

Антон Фомина вскоре призвали в армию.

Это Татьяна Семеновна сходила к военкому и похлопотала, чтобы парня скорее взяли на воспитание, приучали к порядку..

Перед домом Любы так и остались стоять в линейку большие черные столбы. Народ помнит, что закапывал их тут высокий крепкий парень. Но никто не знает, почему Антон Фомин так и не сделал из них надежного забора.

III

Полтора года Антон благополучно служил на Дальневосточном флоте... И вот однажды домой к Фоминым пришло от него письмо, в котором Антон рассказывал, какое с ним случилось несчастье. Он сорвался с трапа — так называется лестница на кораблях — и сильно изувечил себе ногу.

Это известие Татьяна Семеновна встретила с ужасом. Бывает, конечно, что и дома человек упадет с лестницы, но обычно немного похромает — глядишь, все прошло!

Но вот издалека, от самого Тихого океана, присылает письмо Антон, который обычно не умеет поставить правильно рядом двух слов. А теперь им исписано два листа! С нескрываемой радостью, самыми страшными словами он рассказывает, как плохо заживает у него нога — уж теперь-то он наверняка останется на всю жизнь калекой! Скоро его, наверное, комиссуют...

Татьяна Семеновна извелась... То шлет она одну за другой телеграммы во Владивосток, то порывается идти в сберкасса за тысячей, чтобы ехать с нею к врачам и просить, чтобы лучше лечили Антона. Мужу с трудом удалось ее уговорить отказать от этого вояжа. «В военных госпиталях и без того хорошо лечат, — уверяет он. — Ты позаботься лучше о том, чем займется парень дома, когда возвратится».

Татьяна Семеновна стала расспрашивать знакомых и быстро нашла несколько мест, подходящих для парня-инвалида. Можно будет обучить его киномехаником или бухгалтером, можно устроить его в сапожную... но лучше всего в часовую мастерскую.

Потом мать задумалась об устройстве личной жизни Антона. Какой барышне теперь-то он будет нужен, одноногий... Вот, может быть, решила Татьяна Семеновна, той, своей первой подруге?

Она остановила Любу на одной из тех улиц, по которым Люба обычно разносит почту. Татьяна Семеновна нашла ее без труда, спросив обо всем у женщины-почтальона, которая три раза в неделю приносила Фоминым газету «Сельский труженик».

Татьяна Семеновна умеет обращаться с людьми: она улыбнулась Любе, как старой знакомой, она даже назвала ее дочкой. Но Люба прежде видела мать Антона только издали. Она стесняется идти с нею, ссылаясь на работу.. И тогда Татьяна Семеновна просто берет ее за руку и увлекает за собой, приводит к дому, приговаривая ласково:

— Ну, идем, милая, идем!

Они пришли к Фоминым и сели на скамеечке во дворе. Татьяна Семеновна еще не решила, как лучше будет вести

дело дальше. Ясно, что не нужно бы сразу рассказывать все об Антоне, а лучше будет подойти к этому как-нибудь невзначай... Сидят рядом, молчат.

На улице май, теплынь; куры свободно бродят по двору Фоминых, копаются и выискивают для себя что-то в земле. Между ними прохаживается маленький красный петушок, в половину величины курицы, и надменно поглядывает на людей.

Татьяна Семеновна, увидев, что и Люба обратила внимание на петушка, поясняет:

— У нас старого петуха машина придавила. И я вот купила этого, декоративной породы. Он хоть и маленький, а такой шустряк: и поет как хорошо! Я как выйду с утра во двор — так только на него и люблюсь!

И Люба согласилась:

— Красивый!

Она осторожно повела взглядом по сторонам, подыскивая во дворе еще что-нибудь интересное и достойное разговора, но больше ничего интересного во дворе у Фоминых не оказалось...

Посидели еще немного, помолчали... Люба собралась уходить.

— Да ты посиди, посиди еще! — уговаривает ее ласковая Татьяна Семеновна.

— Вы простите, но мне на линию надо, — объясняет Люба, все же уходя.

Наконец уже за калиткой Татьяна Семеновна делает решительный шаг:

— Антон как письмо пришлет — все спрашивает про тебя! — Говоря это, Татьяна Семеновна по-матерински поправляет у Любы на плече сумку, она легонько журит девушку: — Ты что ж это к нам никогда не заходишь? А Антон, может быть, вот возьмет и возвратится скоро...

Люба торопливо кивнула и заспешила по улице к своему участку. Татьяна Семеновна вышла вслед за нею из ворот. «Неплоха! Неплоха!» — думает она, провожая девушку взглядом и покачивая головой от удовольствия.

Только-то и видела Любу Татьяна Семеновна...

IV

Два месяца спустя после прихода письма от Антона сам Антон приехал домой...

Он действительно сильно хромает на правую ногу; он даже привез с собой резную коричневую трость и только с нею ходит теперь повсюду.

Но зато напрасными оказались опасения Татьяны Семеновны относительно невест. Вот уж чепуха! С того дня как Антон впервые прошелся по улицам и появился вечером на городской площади, у девушек только и было разговоров, что о нем. Да он и вправду стал совсем красавцем, этот Антон: в своей черной матросской форме, высокий и бледный, — а эта трость, по чести говоря, только добавляет ему привлекательности!

Сама Татьяна Семеновна стала неуверенно себя чувствовать перед Антоном! Иногда ей кажется, что он тот же, что и прежде. А потом вдруг ясно увидит, что не тот...

Все такой же молчун. Только еще стал как будто бы и глуховат. Татьяна Семеновна скажет ему что-то, а он совсем ее не слышит. Берет у отца деньги и уходит гулять.

Но недолго Антон Фомин гулял, он не такой удалой человек! Одна-две барышни поплакали, третья руки покусала — тем дело и закончилось. Нога у Антона быстро заживала... И вот наступает день, когда он, не без сожаления отложив трость, уже и без нее ходит совсем свободно, только немного прихрамывает.

Вдруг он стал пропадать по ночам.

Вскоре он берет свой чемодан и относит в нем куда-то свои вещи. Раз отнес, возвратился, снова укладывает чемодан... Татьяна Семеновна, как прежде бывало, подступила к нему:

— Антон, ты куда?

Но Антон молчит, продолжает заниматься своим.

— Ты скажи, — настаивает Татьяна Семеновна. — Ты с родителями про все объяснись! Мать тебе, кроме добра, ничего плохого не сделает!

Антон отодвинул ее и направился к двери; только и услышала от него Татьяна Семеновна:

— Вы, маманя, лучше занимайтесь курами!..

Так оскорбил, обидел Антон родную мать.

Дело в том, что с курами у нее в самом деле вышла беда. Сидела-сидела квочка и высидела цыплят... Когда они стали подрастать, Фомины принялись рубить старых кур. Этих несушек осталось, в конце концов, только три.

А новые выросли в половину нормальных размеров и перестали расти. Они несутся маленькими смешными яичками. При виде этих яиц Татьяне Семеновне просто хочется плевать! Надо же, какой злополучный петух — перевел породу! Его скорее отправляют на плаху. Но и в супе он так мал, что на зуб положить нечего...

На этом рассказ пока заканчивается.

Во второй половине дня, едва только солнце передвинется на западную сторону небосклона, дед Корольков уже беспokoйно слоняется по двору, то и дело, достав кисет, проверяет, достаточно ли в нем табаку... Потом он берет табурет и идет со двора.

Он приходит на крутой, высокий берег Дона.

Но не всякий раз он приходит первый. Бывает, здесь уже сидят одним рядом Батюков, Протасов, Белокрылов, Ващенко Иван. А напротив, в другом ряду, сидят Веревкин, Новоковский, другой Ващенко, Борисов, Козлов... Корольков здороваeтся со всеми, а садится в левый ряд, бок о бок с Батюковым. Он достает кисет и скручивает огромную козью ногу. Закуривает.

Оба ряда, и правый и левый, курят такие же самокрутки и молча глядят в одну сторону — на противоположный, пологий берег Дона, по которому раскинулась бесконечная степь. В правом ряду кое на ком из стариков старые галифе с лампасами, фуражка. А в левом на груди у Протасова красный бант.

Вот понемногу заводятся разговоры: в каждом ряду отдельно, но все об одном. И идет речь не о том, хорош ли будет в этом году урожай, хватит ли корма скотине. И даже не о том, что мелеет Дон, что и рыбы в нем сильно поубавилось.

— Помнишь, Алексей, — говорит Корольков Белокрылову, — как мы с тобой завалили лося? Подожди, в каком, значит, это было году?.. В шестьдесят втором, кажется, году..

И идет разговор о лосе. Его ранили, а он ушел от них, и только потом, через два дня, они его нашли в десяти километрах от места: он был уже мертвый.

— Ну, как там твой зуб? — спрашивает в это время в другом ряду Веревкин у Козлова. — Я все удивляюсь, как это мы быстро его подлечили!

И он рассказывает в своем ряду, уже в сороковой раз, эту историю. У Козлова обломился зуб, и он пришел к нему, Веревкину. «А! — говорит Веревкин. — Это чепуха, быстро выправим!» Берет трехгранный напильник — жик! жик! — и спиливает у Козлова осколок...

Но вот на берегу вспоминается, наконец, главная тема.

Из левого ряда Ващенко говорит другому Ващенко, который в правом ряду:

— А помнишь, Митрич, как в восемнадцатом мы вас поймали около Дерезовки? Ох, и прытко вы тогда сиганули в Дон! Вот беда, что пулеметов у нас с собой тогда не было, а то б мы вас достали, сукиных сынов!

В правом ряду Вашенко сидит, закинув ногу на ногу и выставив бороду, он независимо смотрит в левый ряд.

— Не дал бог жабе хвоста! — произносит он. — А ты спроси-ка у Протасова, как мы их словили в Мамоне? Чуть-чуть я лично тогда его шашкой не достал, чуть-чуть...

И оба ряда вдруг оживляются и начинают кричать друг на друга: «А мы вас!.. А в Богучаре! А в Галиевке! Ах вы, растаковую вашу мать!..»

И через несколько минут дед Корольков, вскочив, подбегает к Вережкину и хватает его за бороду... Вережкин скатывается с табурета, и они, сцепившись, валятся на землю. Оба ряда торопятся к ним: каждый старается оказать своим помощь. И на берегу скоро образуется куча мала, которая кричит, ворочается. Из нее то и дело высовывается рука, нога или лысина, или целое лицо с крепко зажатой в зубах потухшей самокруткой...

Но с горки, крича: «Дедушка, не надо! Дедушка, перестань! Де-душка!..» — уже бегут разнимать стариков дети: Васи, Кати, Маши, Николай — все братья и сестры.

Редакция журнала «Молодая гвардия» сердечно поздравляет замечательного русского писателя, молодогвардейца Ивана Сергеевича Уханова с 75-летием.

Мы искренне желаем юбиляру отменного здоровья и нового творчества.

ПОБЕГ

РАССКАЗ

В вагоне электрички было холодно и грязно. Напротив полужела, откинувшись на спинку сиденья, ветхая старуха с узелком в руках, в изношенной мальчишечьей куртке и тёмном пуховом платке. Её ноги сухими кривыми палками торчали из-под вылинявшего бордового халата, не доставая до грязного пола. Обута она была в войлочные тапочки и вязаные носки, перехваченные резинками. Веки её глаз были плотно зажмурены, словно бы стиснуты от едва переносимой боли.

За окном проносились слегка заснеженные поля начала декабря, нагие рощицы берёз, серые стога соломы. Низкое рыхлое небо угрюмо обещало осадки.

Старуха уже с полчаса не двигалась, не открывала глаз, и во мне стала собираться тревога: жива ли она? Я неотрывно вглядывался в её недвижимое, с глубоко запавшими глазницами серое лицо, и когда электричка в очередной раз заскрежетала тормозами, тихонько толкнул старуху в плечо:

— Бабушка, вы не проспите свою станцию?

Старуха открыла блекло-голубые глаза и зашепелявила:

ПРОЗА

— Не сплю я, сынок. А станция моя последняя, далее поезд не идёт.

— В Сергиевом Посаде, значит, сходите?

— Да... Пять остановочек ещё — и конец моим путям. Всё! Отъездилась Дарья Матвеевна.

Старуха облежённо перекрестилась и опять стала зажмуриться, норовя возобновить прерванную дремоту.

— Пирожки! Горячие пирожки! — разнёсся по вагону бойкий девичий голос. По проходу шла, выставив впереди себя ведро, высокая молодуха в белом поварском халате. Старуха приоткрыла веки, раздумчиво пожевала сухими бледными губами.

— Есть хотите, бабушка? Купить вам пирожок? — встретив её немигающий взгляд, спросил я.

— Ни-и... насчёт еды я терплючая.

— Давайте по пирожку съедим, а потом терпеть будем, — сказал я и, приобретя два мягких пирожка с картошкой, один положил в сизую ладонь старухи.

— Дай, Господи, здоровья тебе, мил человек... Спаси ты и помилуй, — зашепелявила она и принялась терзать пирожок беззубым ртом. — Пообедаю вот и отужинаю...

— Я же сразу догадался, что вы голодны, небось, ничего не ели.

— Эх-ма... Ела, не ела. — Старуха отмахнулась. — Вволю наешься да вволю не наживёшься.

— Живите... А сколько вам лет?

— Восемьдесят третий годок пошёл, последний.

— Почему «последний»?

— Этак на судьбе моей написано. — Старуха сжевала остатки пирожка, собрала на подоле крошки и бережно сунула себе в рот. — Хватит, пожила. Пора помирать.

Глаза старухи опять начали заволакиваться дремотой.

— Но это же грех, бабушка, себе смерти желать, — без укора сказал я.

— Что так, то так: живой смерти не ищет, — согласно покивала старуха и, зябко поёжившись, рассудила тихо. — Но какой прок от моей жизни, ежели она всем обуза и разорение?..

— Да-а, крепко вас обидел кто-то, бабушка, — с уверенностью предположил я. — Дети у вас есть?

— Есть. Есть и дети, и внуки. И никто меня не обижал. И грех это — на родных людей обижаться.

— А вас ждут, встретят?

— Бог даст, встретит Васяня, — робко, как-то мечтающе сказала старуха. — Давний шабер наш, сосед по дому. Я ить

деулинская. Там и до войны всей семьёй жили. Степан, муж мой, с фронту вернулся весь в медалях, орденах, да с гармонью. А я его с двумя детьми нашими встретила. Андрюшей и Егором. Начали жить, дом-сруб поставили. Степан на комбайне и тракторах работал, а я в колхозной пекарне. Но сенокосы шла ему подсоблять. С зари до зари ворочали, а устали не знали. Впотьмах, при луне, к вагончику сойдётся народ, Степан с гармонью, я с частушками. И-их!..

Старуха кротко, вспоминая улыбулась.

— Это ж сколь годков прошло?! — помолчав, со вздохом спросила она себя. — А всё слышу и вот, как тебя, сынок, вижу всё наяву. И веселиться тогда умели, и работать. Я и пекарь, и повар, и доярка, и сторожиха... И только наладили мы со Степаном нашу жизнь, а он взял и помер. Шесть ранений с фронту в себе носил, они и аукнулись. Осталась я в 52-м с двумя ребятишками. В каждый след — сама. Сватался один мужичок, да ещё один с Селкова. Но я отказала. Вон сколь вдов, говорю. Есть, кого сватать, жалеть. А меня и так Господь умилостивил: мужа с войны возвратил и семь годков семейного счастья нам послал. А многие и того не поимели. Мужиков тогда где было взять? Все дела на бабах держались. Работали! Нынче работу бросили и, как тараканы по горячей сковороде, бегают с этими, как их... вачерами да акциями.

Старуха смолкла и зябко, разорённо начала оглядывать холодный с грязными окнами полупустой вагон.

— Сейчас, бабушка, жизнь такая: не подсуетишься — пропал.

— Вот от державы одна суета и осталась... Этакого ералаша и бесхозья я не видывала. Разорители окаянные! Хоть на вершок бы жизнь нашу подняли. Шиш! Кишка тонка.

— Ну а Васяня кто ж вам будет?

— Я ж сказала — сосед. Вместе со Степаном с фронту пришёл. Летом Андрюша, сын мой старший, проездом бывал в Деулино и виделся с Васяней. Плох он, астма затерзала его, с палочкой, как и я, ходит. Дети от него разъехались. Васяня один живёт в большом доме, но коровку не бросает. Летом к нему дети и внуки на отпуск съезжаются. От лета до лета бы протянуть — вот его забота. Так и я жила последние годы, как в город уехать. Хозяйство держала: корову, бычка, боровка, гусей. Поначалу сыновья навещали. Потом младший мой, Егор, на офицера выучился и на Дальний Восток уехал, а старший Андрей — в Москву. А вскорости жизнь так подорожала, что ни кормов, ни дров не достать. За всё — плати да плати... Мне Андрюша и говорит: «Хватит, мам, в навозе возиться, перебирайся к нам в Москву-красавицу, вместе будем жить».

Старуха устало закрыла глаза, казалось, разговор ей был в тягость. Окинув полупустой вагон, я достал из своей сумки газету и уткнулся в неё. Но уже через несколько минут пошлышался шелестящий голос старухи:

— Отчего так? И заводы, и земля, и люди — прежние, а прибýtка нет. Разор повсюду.

— Так перестройка же, — с усмешкой ответил я, пожав плечами. Моё лёгкое толкование сложностей жизни вызвало у старухи досаду.

— Ишь, как всё просто — реформы у них... тебе бы Андрюшу моего послушать разок.

— А кто Андрюша — академик, политолог?

— Токарь он орденоносный, — горделиво ответила старуха, оживляясь. — Он те с самой мировой колокольни все покажет-обскажет... В струнку, мам, наши правители, говорит, перед Америкой тянутся. Чего она пожелает, то они и бегут исполнять. Андрюша сказывал: завод наш, мам, без бомб разбомбили. Сорок стран изделиями он снабжал славно, теперь никому не нужный. И рабочие, и инженеры из него кто куда рассыпались. Уж какой Андрюша первостатейный умелец, да и тот пошёл гаражи да склады ладить. И всюду, мам, говорит, склады, склады. Вся Москва в склады превратилась. А чего складывать-то? Заграничное тряпье, водку и табак? Своего-то в магазинах ничего нет, зато денно и ночью кричат из телевизора, окаянные: почнём-де жить, как все умные страны! Как Америка да Япония...

— Ну да, как все цивилизованные...

— Э-эх... Эт чего ж будет, сынок, ежели ты устремись жить по-моему, а я по-твоему? Бог каждому путь нарёк, у каждого свой крест, свой резон. Вот у нас одна семья, да и то все в ней разные. Андрюша и я — по одну сторону горюдьбы, а младший сын Егор, офицер, и сноха Лиза — как бы по другую. Порой, этак схлестнутся, ажник люстра на потолке хрусталиками звякает.

— А из-за чего?

— Как жить, решают. Лиза-то инженер, технологом на ткацкой фабрике служила, а как закрыли производство, пошла от безделья лекарством торговать. Бегаёт по Москве да всем названивает, кому этот американский гарбалай сплавить. Стала даже Андрюшу по заработку обгонять. А такой перевес у бабы гонор родит. И давай выкобениваться: сама я могу и то и сё, сама без мужа проживу!.. Э-эх... Первосортный инженер была, портрет её на Почётной доске у фабрики сама я видела. А кто она, Лиза, теперь? Коробейница на побегушках.

Старуха вдруг замолчала и строго взглянула на меня, словно спохватясь, а кстати ли сокровенное чужому человеку выкладывать? Помолчав, с тихим вздохом добавила:

— Дети мои променя себя всегда дружно жили, а ныне кувырком, наперекосяк всё пошло.

— И поэтому вы решили уехать из семьи?

— Моя нужда, сынок, особая, — угрюмо сказала старуха и задумалась, глядя в грязное стекло окна. — Старость — не радость, а ежели она и при бедности, то совсем плохо... Может, и грех жаловаться, но скажу, сынок, как есть: ныне и жить невмоготу, и помереть по-христиански недоступно... Меня, православную, по обычаю должны сырой земле предать. Но мне намекают: ежели хорошие деньжата найдутся, то целёхонькой в гробу положим, а ежели нет, в огонь кинем.

— А кто намекает?

— Вроде бы никто, но вижу и чую... Вот в прошлом месяце соседка в нашем подъезде померла. Подружка моя, Анастасья. Бывало, спустимся с этажа во двор и калякаем на скамеечке. А где она, Анастасья, теперь? Ни в земле нет её, ни на небе... А ить семейные сулили исполнить её завет — схоронить по-христиански, в родимой её Ильинке. Сказано да кабы сделано. Говорили при живой матери одно, а померла — по-иному рассудили. Ильинка? Это ж сто двадцать верст от Москвы! Автобус нанять — триста тыщ отдай, сто тыщ за гроб, столь же за рьтьё могилки. А сколь тыщ на поминки надо, чтоб деревню в застолье собрать, покормить?! Ну и... подкатил грузовичок к нашему подъезду и повёз Анастасью самым ближним путём в крематорию. Быстро и дешёво — никакой канители. И где она сейчас, Анастасья? Куда поминальные цветочки на Пасху иль в Родительский день дети её положат?

Старуха отвела глаза к окну и, глядя в никуда, тихо шепелявила: — Вот и на мне норовят съэкономить... Одна сердце сдавило, чуть совсем не померла, и не вижу ничего, и дышать нечем. А слышать всё слышу. И вот слышу, как снова Лиза своими хлопотами-горестями по телефону с кем-то тихонько делится. Обо мне печётся. Мол, в церкви отпевать — полдня в очереди загубить, а в Деулино везти — это с ума сойти какая канитель и расходы. И так напугалась я, сынок, что разом очнулась и давай силу копить, чтоб смерть не взяла меня врасплох, а детям поутру говорю: вы уж меня схороните, пожалуйста, по-христиански, на нашем сельском погосте, рядом с родителями. Денег больших у меня нету, а полученные за дом вам отдала. Но на сберкнижке семнадцать тыщ имею. Вот и возьмите их... «Эх, мама, — это сноха мне, — на семнадцать тыщ это прежде десять человек схоронить было

можно, а ныне эти деньги — две доски от гроба». И всё-таки, говорю им, не берите, дети, грех на душу: нельзя за Бога его дела решать. Тут сноха мне кичливо: «Какая разница, мам, в каком огне гореть — на том или на этом свете? Все мы грешники. «А по мне, — говорю ей, — большая разница. Вы сперва честь по чести схороните меня. А как предстану я перед Богом, то он и решит, куда меня — в рай или ад. Бог!»

— И поэтому вы уехали от них?

— Сказать легко — уехала. А куда без денег-то? Стала я мыслить, как богатство со сберкнижки снять. Заметют мой умысел — конец, не видать мне тогда своего Деулина... И вот, греховодница, прошу я любимого внучка Рому сводить меня в сберкассу, хочу, говорю, к Новому году подарок тебе купить. Еле-еле дотащишься туда.

Идём, а по нашу и эту сторону улицы сплошняком железные будки-ларьки с решётками в каждом окне. И в каждом — бутылки, бутылки, бутылки. Столь людей нет на улице, сколь бутылок. Вся улица табаком да водкой запружена.

— Да бог с ней, с водкой. Вы, бабушка, лучше доскажите, как здесь, в этом вагоне, оказались.

— Выждала я, кода из дому все ушли, и по телефону дала на почту телеграмму для Васяни. Встречай-де ныне вечерней электричкой. Потом собрала в узелок свою смертную одежду, а старую свою цигейковую шубу да валенки из чулана не смогла взять, ключа к замку не нашла. А время бежит, надо поспешать. Кинула я на плечи давнюю Ромкину куртку — и в лифт. А на столе записочку нацарапала: заехали, мол, за мной деревенские земляки да увезли погостить.

— А если в той деревне вы взаправду помрёте, что тогда?

— Там родная земляца... Да и Васяня не откажет схоронить меня по-людски. Я ить не жить-тяготить к нему еду, а помирать. Обузой ни дня не повисну. Вечером схожу в баньку, а утром лягу под образа и помру.

— Баньку принять можно, а вот взять и помереть... На то, как говорится, Божья воля.

— Воистину так, — кивнула старуха. — Можя, я грех на душу беру, коль самозванно себе кончину нарекаю. Но Бог, авось, простит прогрешенье моё, как увидит, что не обременять его я мыслю, не продлить свой век прошу. О чём все смертные молятся: дай, Бог, здоровья на многие лета. Всем — дай, дай, дай. У меня молитва: Слава те, Боже, что долгую жизнь мне дал, кою жила я по воле твоей. А ныне покой мя, Господи, прими, сыра-земля, мои косточки.

В окна напыливали лиловые сумерки, в вагоне зажёгся желтоватый свет.

— Сергиев Посад, — лениво пробасил радиокондуктор.

Я положил газету в свой лёгкий портфель и, видя, как пассажиры гуськом потянулись к выходу, машинально встал с сиденья и шагнул следом.

— До свиданья, бабушка! — оглянувшись, негромко сказал я неподвижно сидящей старухе.

Не открывая глаз, она прощально покачала головой. Уже в тамбуре я ещё раз оглянулся: в пустом холодном, едва освещённом вагоне никого, кроме старухи, не было. «А где же встречающие? — выходя из вагона, спохватился я. — Где шабер Васяня?»

По заснеженному перрону минуту-другую шли пассажиры, таща свои поклажи, затем перрон опустел. «Странная старуха», — с тревожным любопытством подумал я и вернулся в вагон.

— Бабушка, а вы почему не сходите? Иль назад, в Москву, решили ехать? — подойдя к ней, сказал я.

Старуха ворохнулась было, хотела что-то сказать, но лишь поёжилась зябко. Глаз она так и не открыла, словно не желая видеть, что с ней происходит.

Вдруг дверь шумно отодвинулась, и в вагон вошёл рослый, красноскулый простоволосый мужик в ватнике и кирзовых сапогах. В его курчавой рыжеватой шевелюре кое-где искрились снежинки.

— Ты, бабка, не из Москвы? Не Дарья Чуланова будешь? — громко спрашивал он, приближаясь к нам.

— Я, сынок, я и есть самая Дарья Матвеевна Чуланова, — отозвалась старуха, встрепенулась, задвигалась, пытаюсь встать.

— Ну, ты, бабка, даёшь! — обрадованно-осуждающе воскликнул мужик и, шмыгая сапогами, подошёл к старухе. — Я тут третий поезд встречаю, вагоны обшариваю... В телеграмме надо точный срок указывать. А то — «приеду вечерним поездом». Да этих вечерних тут — как нерезанных собак!

— Прости, сынок, сплеховала, припозднилась. Но днём-то, рассудила, людей тоже грешно от дела отрывать. Васяня-то ить, слыхала, в коровнике на водокачке дежурит.

— Какой Васяня? Дядя Вася Головачёв?

Старуха радостно кивнула.

— Так он помер.

— Чего? — Старуха вздрогнула, перекрестилась.

— Помер, говорю. Недели две назад схоронили его. А в доме младший сын его, Анатолий, сейчас хозяйствует. С женой на похороны из Москвы приехал, да всё не уедут никак.

Хозяйство определяют — корову, овец продали, а три улья с пчѣлами я купил. Теперь дом у них один дядя торгует в обмен на старый «Жигуль»... Еду я обедать, а он рукой машет. Подруливаю, Анатолий телеграмму мне кажет. Встрень, говорит, какая-то баба сюда едет.

— Узнает, вспомнит ли Анатолий меня, соседку свою старинную? — помолчав, бедственно вздохнула старуха, с опаской поглядывая на красноскулого. — Я и сама мало уж кого знаю из молодых деулинских. Анатолия-то я мальцом помню, он ить после школы сразу в город махнул. Но, авось, помнит бабку Дарью, что насупротив жила.

— Ну, это вы потом будете вспоминать, — прервал старуху мужик. — Моё дело доставить тебя. Ну, вставай, бабка, живее, а то поезд отойдѣт.

Старуха дрожащими руками оперлась о кромку сиденья, встала на свои сухие ножки-палочки, но, пошатнувшись, опрокинулась на прежнее своё место.

— Э-эх! Тебе на печи сидеть, бабка, а ты по гостям ездить!

С такими словами он вдруг сгрѣб старуху в охапку и понёс к выходу. Едва мы шагнули на перрон, как двери вагона со скрежетом закрылись. Бормоча что-то себе под нос, краснощёкий потащил старуху до переходного мостика через рельсы, опустил на снег и, поудобнее взяв её на руки, пошёл на привокзальную площадь. Я шагал следом, хотя времени свободного у меня совсем не оставалось: до шести вечера надо было успеть в одной конторе бумаги подписать и ближайшей электричкой вернуться в Москву. Но судьба старухи своим печальным поворотом вдруг вклинилась в непролазные коммерческие хлопоты мои и даже оттеснила их.

Возле какой-то будки стоял обшарпанный, воняющий бензином и навозом жѣлтый самосвал. Мужик поднёс к нему старуху и прислонил к переднему колесу.

— Потерпи, бабка, не падай. Сейчас кабину открою, — сказал он, запуская обе руки в карманы ватника.

— И куда ж я, к кому теперь? — глядя перед собой в грязный снег, горестно размышляла вслух старуха. — Коль Васяня помер, то кто меня там встренет? Анатолию-то я совсем не ко двору. Да и двор, послушь, уж ничейный.

— Не пойму тебя, бабка, — открыв дверцу кабины, опять с досадой забасил мужик. — Мы едем иль не едем?!

— Может, вам сперва свой дом навестить, бабушка? — подсказал я засомневавшейся старухе.

— Ох бы! Хоть на порожке его разок посидеть, — взмолилась она. — Можя, и вправду людям, кои мой дом купили, поклониться... Но цел ли он?

— Это который напротив Головачёвых? С кирпичной банькой? — заинтересовался шофёр и, получив в ответ кивки старухи, сказал угрюмо: — В нём только летом живут. Дачники. А сейчас он с заколоченными окнами, в снегу стоит.

— Господи, спаси и помилуй, — тихо выдохнула старуха и сникла, съёжилась вся, прижав к груди свой узелок.

— Ладно, поехали, там разберёмся, — скомандовал шофёр. — Не понравится тебе Анатолий, завтра уедешь от него. Зачем занятых людей обременять?

— Не обременю я их, растраты от меня им не будет. У меня всё в узелке тут сготовлено — и одежда смертная, и четырнадцать тыщ на похороны. Я ить на одну ночку. А утром лягу под образа и преставлюсь.

— Чего, чего? — насторожился мужик-шофёр.

— Ныне приедем, а завтра помру. Вот те крест, за одни сутки управлюсь, — заверила старуха, крестясь.

— Чего, чего? — с оторопью повторил красноскулый и повернул ко мне обескураженное лицо. — Что за бред? Я думал, что бабка хвора, а тут вообще кошмар какой-то. Вы что — из сумасшедшего дома сбежали?

— Понимаете, бабушка вполне нормальная, но близкие невнимательны к ней. Она очень соскучилась по родной деревне. По дому своему проданному. Здесь она жила, здесь мечтает и умереть...

— Она не мечтает! — обличительно перебил меня мужик. — Она не когда-нибудь, а прямо завтра целит помереть. Это что такое?! Анатолий-то что мне скажет? За мою же бутылку, скажет, милый Федя, всяких старух ко мне везёшь хоронить. Я тебе что, скажет, похоронное бюро?! Не поеду я, сдам сейчас эту беглую бабку в милицию, пусть разбираются.

— Послушайте, Фёдор, я вас очень прошу довести её. Взглянет бабушка на дом родной и, может, поправит душу, оклемаётся. — Я выхватил из кармана портмоне все имеющиеся в нём купюры и протянул водителю: — Вот, сколько есть, возьмите. Помогите женщине...

— Ты за кого меня принимаешь? За московского таксиста-мародёра?! — возмутился шофёр.

Моя рука отвергнуто повисла в воздухе.

— Ну, хорошо, тогда я вот бабушку немножко выручу. — Избавляясь от неловкости, я вложил деньги в нагрудный карман спортивной куртки, в которую по оказии была одета старуха.

— За что мне это? — вяло засопровтивлялась она.

— Пригодятся. Вот сейчас поймаем попутку, — сказал я, оглядывая сумрачную привокзальную площадь.

— А ты бабку подачками не унижай! — грозно оборвал меня красноскулый. — Ей и так, поглядь, несладко. Стоит человеку обездометь — и поволокло его по свету горе мыкать. Ну, да ничего, живы будем — не помрём! — вдруг бодро закончил он, подцепил старуху и легко, словно мешок с опилками, сунул в нутро кабины.

— Устраивайся, мамаша, а я сейчас... минутку, — сказал он строго и отошёл к задним колёсам автомобиля.

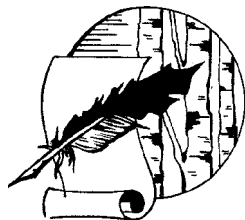
— Ну, счастливо, бабушка! — заглянув в кабину, махнул я старухе.

— Спасибо, сынок, за добро. Случится послезавтра в здешних местах быть, подъезжай в обед к Головачёвым, аккуратно выносить меня станут. Четвёртый дом их, по левому порядку, у овражка... — сокровенно, торопливым полушёпотом шепелявила старуха, приглашая меня на свои похороны.

Не смог я побывать в деревне в урочный день и не знаю точно, жива Дарья Матвеевна Чуланова или похоронена. В тот день я дозвонился до Деулина, но телефонистка поселкового узла связи едва слышным голосом сказала, что кого-то в деревне хоронили, но кого именно, она не знает; теперь почти каждый месяц кого-нибудь у них хоронят.

Я не стал допытываться, уточнять, ибо любой ответ не утешил бы: печально — если старуха померла, но не менее печальным было бы продолжение её жизни, когда «и жить невмоготу, и помереть по-христиански недоступно».

А может, Дарье Чулановой повезло: может, добыла-таки она себе в родном селе желанную кончину?

Борис ОРЛОВ

ПОД БОЖЬЕЙ ЛАДОНЬЮ

* * *

Все больше в крестьянской душе пустоты
И горше сиротская доля.
Чужая трава и чужие кусты
Растут на заброшенном поле.

Чужие дороги ведут в никуда,
Теряя в трясине покров.
Россию, как клещи, сосут города,
Крестьяне — последняя кровь.

* * *

У крыльца листвы опавшей ворох,
В огороде сухо, но тепло.
На тумане, словно на рессорах,
Вдоль реки качается село.

В синей дымке исчезают стены,
В мокрых окнах гаснет сонный свет.
В зиму уплываем постепенно,
Вьется листопад, как желтый след.

Звезды хороводят над рекою,
Словно первый поднебесный снег.
Время размышлений и покоя.
Тихий вечер. Мудрый человек.

* * *

То трагедии в мире, то драмы —
За безверие платим сполна.
Но возносятся белые храмы
Над страной, что от горя черна.

Жизнь зовет приниматься за дело.
Сеют хлеб. Ржет на пастбище конь.
Над селом, что душой протрезвело,
Поднят крест, словно Божья ладонь.

* * *

Достали зонт. И плащ висит.
У входа чутко спит собака.
Пришла моросень. Моросит
И днем, и ночью — тлен и слякоть.

Сад в листопад сгорел живьем.
Река готовится к набегу.
И кажется, что мы плывем —
Дом уподобился ковчегу.

* * *

Озноб дождя. Пустые ветви вишен.
На юг ползут свинцовых туч стада.
Сарай просел — холодный пот на крыше,
А в мутных лужах — мертвая вода.

Жизнь умерла и на холмах, и в ямах.
Туман укрыл слепую гладь воды.
Стою перед окном. Тропинка прямо
Бежит. И расплываются следы.

Закат лилов, но солнышко не бросит
Прощальный луч на образа в углу.
Приходит ночь, похожая на осень:
Нет места в ней ни свету, ни теплу.

* * *

В.С.

За прямоту меня прости,
Плотней закрой окно.
Змея, что грею на груди,
Укусит все равно.

В словах лукавых — тишь да гладь,
Но мысли выдаст взгляд.

Змея не может не кусать,
Когда созреет яд.

* * *

Дождинка бьется от удара
О камень, брызгами пыли.
Вода имеет форму шара,
Как звезды, солнце и Земля.

Рыб косяки, овец отары...
На шар похож пчелиный рой.
Мы тоже оболочкой шара
Ложимся в почву — слой на слой.

* * *

Голову кружит ладан.
Молча зажгу свечу,
Чтоб прикоснуться взглядом
К Господу, как к врачу.

Ломаный, тертый, битый,
Чтобы душою креп,
Я прошепчу молитву
Точную, как рецепт.

* * *

Пью кофе. Разгадывать ребус
Устал. Просыпается дождь.
Над крышей — небритое небо.
Осины русалочья дрожь.

Дремлю. А дождю вот не спится.
Он бродит, как пёс, под окном.
И чтоб в темноте раствориться,
Пью кофе в ночи перед сном.

* * *

Раскаленный закат птичье небо поджёт.
И дорога до звезд далека.
Черный вечер трубит в серебряный рожок,
Собирая в стада облака.

Мир тревожен и глух. На душе непокой.
Но куда-нибудь нужно идти.
Церковь с белым крестом впереди за рекой,
Отчий дом за ручьем позади.

В стороне на болоте шумят камыши.
Поднимается пыль из-под ног.
Я один словно перст. И вокруг ни души.
Надо мною лишь вечер и Бог.

* * *

Белеет за рощею храм,
В селе хрипло хлопают двери.
Март — солнце и снег. По утрам
Поют,
Как синицы, капли.

Топор за конюшной стучит —
Там чинят телеги и сбрую.
Кричат, возвратившись, грачи —
Вьют гнезда... и жизнь торжествует!

Струится над лужами пар.
Забыты и вьюги, и стужи.
Открыты и храм, и амбар,
И настезь распахнуты души.

* * *

Постарел. И поседели волосы.
Подружились красота и труд.
Лилии, ромашки, гладиолусы
У крыльца задумчиво цветут.

Примирился с жизнью и погодою.
С тем, что будет, и что было встарь.
Потому, беседуя с природою,
Помню, что я тоже Божья тварь.

* * *

Деревня в ночь всплывает, как фелюга.
Вокруг — сугробов белые стада.

Февраль. Долгоиграющая вьюга.
Мелодия печальна и проста.

В бревенчатой избе тепло, как летом.
В подполье пахнет дождиком земля.
Не сплю... Над головой скрипят под ветром
Стропила, словно мачты корабля.

Тоскуя об утраченной Отчизне,
Попью чайку и вьюге подпою.
Я русский пилигрим, устав от жизни,
Ищу покой в заснеженном краю.

Я здесь один... Нет ни жены, ни друга.
Но я готов прожить годов до ста.
Февраль. Долгоиграющая вьюга.
Мелодия печальна и проста.

Ольга КОЗЛОВЦЕВА

ЗА ОКНОМ У МЕНЯ

* * *

На улице серо и сыро.
Тропинки листвой занесло.
Черемуха странницей сирой
Скребется ветвями в стекло.
На рваной промокшей одежде
Заплаты углами пестрят.
Родимая, где же твой вешний
В цветах белоснежных наряд?
Стучишь, как незваная гостья,
Устав на исходе пути,
И резко срывают лохмотья
С тебя проливные дожди.
Ни удали прежней, ни силы...
Неужто и юность моя
Похожею странницей сирой
Стоит за окном у меня?

* * *

Иду босая,
Простоволосая.
Трава густая
Помята росами.
Куда ни гляну —
Калины всполохи,
А за бурьяном —
Кусты черемухи.
Моя родная
Деревня русская,
Ты что ж такая
Сегодня грустная?
Совсем пустая,
Людьми забытая,
На окнах ставни
Крестом забитые.
Нависли крыши
На избы серые.
На ветках вишни
Чернеют спелые.
А на деревьях —
Вороны стаями.
Свою деревню
Мы им оставили.

ОБИДА

Обида, что камень,
Обида, что лед.
И взгляд неприкаян,
И голос не тот.
Просвета не видно,
На сердце темно.
Задавит обида,
Затянет на дно.
Задушит, загложет,
Загубит, спалит.
Храни меня, Боже,
От горьких обид!
Покуда не поздно —
Помилуйте всех.
Прощение — воздух,
Прощение — свет.

Оно очищает
И душу, и плоть.
Недаром прощает
Грехи нам Господь.

* * *

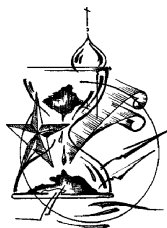
А годы что?
С них взятки гладки.
Бегут, торопятся вперед.
Но привкус детства горько-сладкий
Покоя сердцу не дает.
Все чаще стала возвращаться
Я в глубину минувших лет.
Как будто в детстве скрылось счастье,
Как будто рядом счастья нет.
А там соседка тетя Валя
Опять выходит на крыльцо.
Глаза прикрыла, подставляя
Лучу весеннему лицо.
Ласкает солнце ей веснушки
От подбородка и до лба,
И с молоком большая кружка
Прижалась накрепко к губам.
Не раз подобную картину
Я наблюдала из окна.
Лишь занавеску отодвину —
Изба соседская видна.
Ах, если б знала тетка Валя,
Что я не сплю в такую рань,
Простую воду наливаю
В большую кружку прямо всклянь.
И пью на пару с ней, вприглядку,
И молока вкусней вода.
Тот привкус детства горько-сладкий
Со мной остался навсегда.

НА СЛУЖБЕ ВРАГОВ РОССИИ

Процесс, разворачивающийся в последние годы в лагере русских националистов (с началом болотных митингов он перешёл в открытую, активную фазу), язык не поворачивается назвать кризисным. Происходящее сегодня на правом, национальном фланге оппозиционного поля является ничем иным, как откровенным перепрограммированием, выражающемся в демонстративном отказе подвергаемого данному воздействию субъекта от идеала, в полной замене его изначальных целей, задач, ценностей, символов, смыслов. Доказательств того, что речь идёт именно о тотальном перепрограммировании, а не просто о поиске нового пути к прежней цели, за последние год-полтора появилось более чем достаточно. Вот лишь некоторые из них.

С недавних пор люди, называющие себя русскими националистами, вдруг перестали видеть нечто предосудительное в сотрудничестве (становящемся всё более и более тесным) с принципиальными и последовательными либералами наподобие Немцова, Навального, Рыжкова и т.д.

Люди, называющие себя русскими националистами, выступают с оными господами

РУССКИЙ ВОПРОС

на одних митингах, вещают с одних трибун, выдвигают практически идентичные, выдержанные в совершенно либеральном духе требования к власти.

Люди, называющие себя русскими националистами, входят с ними в политические коалиции, совместно заседают в так называемом Координационном Совете оппозиции, в котором буквально плюнуть невозможно, не попав в убеждённого либерала.

Люди, называющие себя русскими националистами, задыхаясь от ненависти подобно заправской демшизе, предаются поношению буквально всё, что так или иначе связано с Россией подлинной, настоящей: её историю, культуру, религию, форму государственного устройства, даже сам русский национальный характер. «Рашка — квадратный ватник» — омерзительная серия интернет-издевательств над русским человеком — пользуется в их среде популярностью не меньше, чем среди отпетых либеральных русофобов.

Люди, называющие себя националистами, с напором профессиональных агитаторов вдруг взялись везде и всюду, словно какие-нибудь рьяные адепты перестройки конца 80-х, превозносить европейские ценности и саму Западную Европу, породившую единственно верный, по их мнению, тип цивилизации, идеологию, способ государственного устройства.

Ещё лет шесть назад такое было абсолютно невозможно себе представить, и скажи кто-нибудь году эдак в 2006-м, в канун второго Русского марша, по сути, и выведшего тогда национальное движение из состояния политического небытия в сферу реальной политической борьбы, что клянущие его тогда по «Эху Москвы» либералы всего через несколько лет станут ближайшими союзниками и партнёрами господ русских националистов, то его, наверное, сочли бы умалишённым.

Увы, соблазн оранжизма, желание наконец-то стать полноправным политическим игроком, иллюзия возможности сделать головокружительную карьеру, примазавшись к влиятельным либеральным силам, оказался сильнее идеологических принципов и верности идеалу. И немалое количество рядовых националистов, одураченных и отравленных оранжистской трескотнёй, разработчиками концепции которой являются хваткие, умные, предельно циничные политтехнологи, устремились под звук дудочных трелей лукавых крысоловов (и с немалым энтузиазмом!) той же дорогой, которой незадолго до них отправились удальцовские леваки. Дорогой бесславной и постыдной, закономерно ведущей к полно-

му отрицанию себя, своих идей, своей политической идентичности, неизбежно приводящей к служению самым тёмным, самым враждебным Родине силам.

Но только ли на эффективные пропагандистские приёмы, мастерство манипуляторов общественным сознанием, а также на собственную политическую незрелость можно списать эпидемию оранжизма, массово поразившую националистический лагерь? Только ли внешние силы виновны в его начавшемся перерождении?

Разумеется, на происки врагов списывать собственные ошибки легко и просто, и этим очень любят заниматься слабые духом, безответственные люди. Если бы всё дело было только лишь в либеральных искусителях, совращающих националистическую публику посредством своих радиостанций, интернет-сайтов и газет, то положение не выглядело бы столь тревожным. Под психической атакой внешнего, легко узнаваемого врага устоять гораздо легче, нежели перед умелой, чрезвычайно массивированной атакой врага внутреннего, вещающего не извне, а изнутри националистического лагеря, прикидываясь при этом высокоидейным, правоверным русским националистом. Поэтому именно о них-то, о вылупившихся из националистической скорлупы либеральствующих перерожденцах, пойдет речь в данной статье. Тем более, что завелись они в русском стане отнюдь не вчера.

Первые (поначалу ещё весьма смутные) предпосылки к такой мутации части националистического сообщества явно обозначились лет шесть-семь назад, когда в русском движении, находящемся в то время, как уже было сказано, в состоянии дезорганизации и упадка, начали всё слышнее раздаваться голоса всякого рода реформаторов наподобие небезызвестного Алексея Широпаева, настырно пытавшихся сформулировать концепцию национального спасения. Эти «националисты нового типа», яростно критикуя уродливые черты путинской общественно-политической модели (особенно в тех её аспектах, где русские интересы действительно подвергались и продолжают подвергаться ущемлению), тут же, не моргнув глазом, объявили их закономерным следствием не только ненавистного «совка» (что, к сожалению, и по сей день свойственно многим честным националистам), но и результатом всей многовековой истории становления и развития русского государства — «имперского», «ордынского», «азиатского» и потому глубоко порочного в самой своей основе. Собственно, к вбрасыванию в умы соратников данного утверждения весь их «национализм», по сути, и сводился.

Человеку, наблюдавшему за данной метаморфозой со стороны, она могла бы показаться удивительной. Действительно, не парадокс ли: давний тезис воинствующих либералов, ещё со времён перестройки стремящихся опорочить и очернить всю историю России на корню, разрушить до конца её историческую личность, был со временем подхвачен в среде тех, кто, по идее, должен на страже этой личности стоять на смерть?

Здесь с сожалением надо признать, что определённая часть русских националистов многолетнего либерального прессинга не выдержала и в момент его значительного усиления (то есть к концу второго путинского срока), по сути, дезертировала с фронта идеологической войны, предпочтя присоединиться к многоголосому либерально-русophobic хору. Давние призывы к ревизии русского исторического, культурного и цивилизационного наследия, со времён перестройки составившие концептуальное ядро практически любой пропагандистской кампании либералов, отныне стали всё отчётливее раздаваться из русского лагеря.

Плеяда националистов «нового типа», идейным прародителем которых является всё тот же Алексей Широпаев, ещё в 2001 году выпустивший буквально дышащую ненавистью к своей стране книгу «Тюрьма народов: Русский взгляд на Россию», начала свою общественно-политическую деятельность с того, что развязала настоящую информационную войну против националистов традиционных («старопатриотов» в их терминологии), сделав для начала их дискредитацию и диффамацию своей главной задачей. Именно эта немногочисленная (пока!), но шумливая поросль, ставшая со временем навсегда таями не только болотных митингов, но и всевозможных болотных тусовок, и ратует сегодня за как можно более тесный альянс с либералами сахаровского болота.

Интерес либералов к подобным деятелям националистического толка (особенно таким, как Широпаев и его последователи) понятен. Их стремление обрести такого рода попутчиков носит сугубо прагматический характер, поскольку создание предельно разношёрстной коалиции, охваченной страстью всеобщего и тотального ниспровержения (разумеется, под полным либеральным контролем!) — залог успеха любой «цветной» революции. Не будем сейчас углубляться в рассуждения о том, какие именно силы с некоторых пор взялись разыгрывать в нашей стране карту антиимперского либеральствующего национализма. На мой взгляд, эти силы совершенно очевидны и представляют собой союз нашей либеральной верхушки и элит Запада, желающих сооб-

ща разгромить мононациональную Россию руками русских же людей (для развала многонационального СССР было вполне достаточно дать волю антирусскому шовинизму в национальных окраинах при одновременной деморализации русского ядра).

Но что же собой представляют сами эти младонационалисты, поволокшие позапрошлой зимой на волне охватившей Москву митинговой истерии многих не слишком-то упорно сопротивляющихся им соратников к тем, кто ещё буквально вчера громогласно требовал от властей запрещать русские марши и ужесточать наказание по 282-й статье? Какова их социальная база? Разберём данный вопрос подробно. И прежде всего скажем о том, в чём именно заключается главная опасность националистического обновленчества в либеральном духе.

Являясь отнюдь не массовым движением, они, подобно советским диссидентам 60—80-х, заражают выращенными во вражеских лабораториях идеологическими вирусами немалое количество социально активных людей и, в первую очередь, тех, кто исповедует национальные взгляды. А поскольку граждан, которые, согласно данным многочисленных социологических опросов, так или иначе их разделяют, в нашей стране более чем достаточно, то подобная атака отнюдь не выглядит скоморошничеством нескольких свихнувшихся маргиналов. Чем скорее русская общественность в полной мере осознает, что против России как исторической личности и русского народа как её стержня продолжает вестись планомерная война на уничтожение, чем скорее поймёт, что враг в этой войне будет всеми силами стараться монополизировать именно русский ресурс (дабы превратить его в таран для разрушения страны), тем выше наши шансы отстоять себя.

Либеральствующие националисты в своей пропаганде делают сегодня ставку практически на то же, на что делали ставку архитекторы и прорабы перестройки. То есть проповедают в разных формах потребительство и оголтелый индивидуализм (он у них называется европейским выбором), разжигают желание урвать свой личный жирный кусок на пепелище России, выстроить личное благополучие за счёт предательства ближнего (это называется у них отказом от «имперского» бремени), призывают ради вхождения в вожделенную Европу окончательно оплевать и растоптать наследие Великой Победы 1945 года. Вслед за этим, как правило, следует пожелание поскорее отказаться от суверенности России. Да-да, именно такую психологическую подоплёку имеют все эти бесконечные призывы к уменьшительству, отделению Кав-

каза, сепарации «нерентабельных и убыточных» национальных окраин, преобразованию единой России в конфедерацию «маленьких европейских швейцарий») и т.д. В общем, как и двадцать с лишним лет назад, всё делается в расчёте на человеческую глупость, близорукость, меркантильность и даже откровенную низость. А люди образованные, на первый взгляд, и весьма неглупые, на подобные уловки поддаются. Мало им было освобождения от «имперского бремени» в момент развала СССР (то есть, большой исторической России), оставившего за границей двадцать миллионов наших соотечественников?! Теперь почти тем же самым призывам внимают, только по отношению к России малой, допетровских границ, уже и так прилично обкромсанной!

Публика, среди которой пропаганда национал-либералов принимается наиболее благосклонно — это, в первую очередь, так называемый средний класс крупных городов (почитающийся ныне в качестве класса-гегемона и самой властью, и оппозиционерами с либеральным душком), а также отчасти офисные «хомячки», тупо гогочущие перед компьютерными мониторами над очередным, состряпанным либералами к 9 мая издевательским демотиватором. Они, надо сказать, вполне готовы к усвоению либеральных идей, поданных в националистической оболочке. Сей контингент, с чего-то вдруг возомнивший себя «креативным классом», на деле представляет собой заносчивых потребителей, обладающих всем букетом травм общественного сознания, присущего постсоветской эпохе. Никакого настоящего протеста против фундаментальных основ нашего бытия эти люди не выказывают и близко. Они недовольны лишь своим бытом, собственным местом в рамках этого бытия. Их раздражают не слишком высокие, по их мнению, зарплаты, хамство окружающих (особенно носящих полицейскую форму), обилие вокруг кавказцев и среднеазиатов, утешительная турпутёвка в Турцию или Египет, когда хочется на Гоа. Они в массе своей вполне приняли и метафизические, и политические итоги 1991 года и ни под каким видом не желают ни новой мобилизации, ни нового государственного строительства (посредством которых только и можно выбраться из нынешнего катастрофического состояния), решив про себя, что если стране и правда придёт конец, то они быстренько свалят «из Рашки» за границу. Они вообще хотят просто жить и «не париться», мечтая о том, чтобы здесь, персонально для них, наконец, тоже всё сделалось, «как в Европе». В их головах с молодых ногтей глубоко укоренился комплекс национальной неполноценности, вследствие чего

любая Европа, даже современная постмодернистская, разложенческая, балансирующая на грани экономического краха, всё равно является для них высшим эталоном. Они никоим образом не желают по-настоящему бороться за будущую великую Россию (даже сами слова о величии вызывают среди них лишь брезгливые гримасы да глумливый ржач) — они хотят лишь как можно комфортнее устроиться в этой, настоящей. Враг, стоящей за нацдемовской пропагандистской кампанией, знает, на какую целевую аудиторию воздействует, по каким точкам наносит удар. И, надо сказать, бьёт он весьма метко.

Как уже говорилось выше, один из основных ударов наносится по русской истории, по идее самой России — великого государства, собранного исторической волей русского народа, по её историко-культурной идентичности. Поэтому и романовская империя, и уж тем более Советский Союз объявляются поборниками такого подхода не историческим продолжением Древней Руси в новых условиях, а её полным антиподом, проклятой восточной деспотией, поработившей и подавившей якобы изначально тяготеющую к Европе вольную Русь. Нацдемовской аудитории накрепко вбивают в мозг один и тот же постулат: наша страна — сплошная патология, исторический выкидыш, у которого едва ли не с самого рождения всё пошло не так, как надо, а вкривь да вкось. Но при этом ей одновременно всячески внушается и другое: они (приобщившиеся к «настоящему русскому национализму») — не такие как все, имеют качественные отличия от остальных тёмных, непросвещённых и несознательных сограждан («быдляка», «россиянцев», «совков»).

Вот, например, известный национал-демократ Сергей Сергеев (являющийся, правда, среди своих соратников ещё чуть ли не самым умеренным и толерантным по отношению к «старопатриотам») пишет в своём блоге:

«Я много раз повторял один вроде простой, но почему-то трудно воспринимаемый тезис: русские разные. <...> Классический русско-имперский человек считает подлинной Россией только Россию до 1917 г., его идентичность замешана на правой эмигрантской публицистике типа Ильина или Солоневича. Классический русско-советский человек создан сталинским «национал-большевистским» поворотом вт. пол. 30-х, чьи идеологемы были в недавнее время наиболее талантливо развиты Кожинным и Кара-Мурзой. Русско-советские в общем почитают и РИ (Российскую империю — И.Б.), но для них большевики, и особенно Сталин, — истинные наследники РИ, поднявшие её на новую высоту.

Русско-национальный человек, как относительно массовый тип, это явление недавнего времени. Русско-национальные критически относятся к этатизму, которым проникнуты первые две идентичности, и не считают русских имперского и советского периода вполне полноценной нацией, ибо у них отсутствовали базовые условия последней — собственность и политическая субъектность (в РИ — и то, и другое было привилегией слишком немногих русских, в СССР — практически никаких). Их идеал — классическая европейская нация эпохи Модерна».

Итак, согласно Сергееву сегодня существуют три разные русские идентичности: две ущербные (русско-имперская и русско-советская) и одна правильная (русско-национальная). Заметьте, идентичность — это нечто большее, чем просто идеологические предпочтения. Это — принадлежность к культурной и цивилизационной общности, то есть автор говорит о разных общностях внутри пока что признаваемого единого русского народа (две из которых всё равно ущербные!), противостоящих друг другу: «*Русско-национальные и русско-советские — разные русские*».

Неправильная идентичность предсказуемо выводится из неправильной «русско-имперской» и «русско-советской» истории, от наследия которой следует так или иначе отрешиться (далее Сергеев в своём тексте, правда, немного смягчает формулировку и пишет о «переформатировании под себя», но такая оговорка мало что меняет). Я не стану здесь критиковать Сергеева за такие «мелочи», как идеализацию «классической европейской нации эпохи Модерна» (в данном вопросе он вместе с остальными всерьёз уверовавшими в национал-демократию проявляет поистине поразительную слепоту, в упор не видя того, что «классическим европейским нациям эпохи Модерна», как и самому Модерну, в Европе наступает конец). Я заострю внимание читателя на другом: речь идёт именно о смене идентичности. То есть ровно о том, о чём без конца говорят либеральные политики и публицисты. Россия и русские люди должны перестать быть теми, кем стали в результате самого хода своей истории. Вот о чём идёт речь!

Как видите, выводы из таких извращённых исторических построений, коими просто пестрят соответствующие интернет-ресурсы, делаются словно на заказ болотных вожаков: в противовес идее национальной мобилизации, только и способной в нынешних условиях спасти от неминуемой гибели Россию и сам русский народ, выдвигается и всячески обосновывается идея освобождения от имперского бремени, «ве-

ликого национального дембеля» (у самых крайних она доходила до призыва разделить РФ на несколько квазигосударственных образований) — то есть, по сути своей, речь идёт о проекте полного и окончательного разрушения нашей страны. Заметьте, что почти то же самое сейчас не только нацдемы говорят. Об этом же глаголют, к примеру, и ратующий за децентрализацию либеральный писатель Дмитрий Быков, и назвавший РФ «недораспавшейся империей» либеральный журналист Олег Кашин и масса других, совсем уж агрессивных либералов.

Сегодня изначально антирусские тезисы взялись повторять на свой манер представители самых разных организаций в русском движении. Здесь можно вспомнить и национал-анархистское «Северное братство» профессора Петра Хомякова с его перепевами «Россия против Руси» а-ля Широпаев, и национал-либеральный «Русский гражданский союз» Александра Храмова с его идеей тотальной децентрализации страны, и ряд других, более мелких групп и кружков. В общем, под либеральные антирусские знамёна стремились затянуть всех, начиная от буржуазных национал-демократов и заканчивая маргинальными гитлеристами.

Варьируя в диапазоне от воинствующего анархизма до оголтелого либерализма, цинично прикрываясь националистической риторикой, все эти деятели методично и настойчиво вдальблывали в головы своих почитателей одно: Россия — чёрная дыра, тюрьма и могила несчастного русского народа, который будто бы на протяжении нескольких последних веков подвергался в своей стране одной лишь безжалостной эксплуатации. Новоявленный идеолог национал-либерализма Александр Храмов в одной из своих статей с очень характерным названием «Русские негры: три столетия внутреннего колониализма» так прямо и пишет:

«Русский центр, низведенный до уровня колонии, ничем принципиально не отличался от колонизируемой инородческой периферии, а если и отличался, то в худшую сторону. Если, скажем, в Британской империи именно Англия всегда выступала в качестве культурного гегемона, который был призван нести начала цивилизации менее развитым колониям, то в России зачастую дело обстояло противоположным образом. Русский Центр воспринимался как отсталый и одичалый на фоне более развитых инородцев».

Улавливаете, в какую сторону подбивает клинья этот псевдорусский радатель? Да всё в ту же, в сторону тотальной войны против государственности русского типа. Храмов, занимающийся в своих публикациях передёргиваниями и даже

откровенными подтасовками, технично подводит читателя к мысли о том, что историческая Россия как «антирусское» государство само по себе не имеет абсолютно никакой ценности и потому заслуживает лишь скорейшего уничтожения. Впрочем, Храмов говорит об этом ещё довольно тактично, соблюдая рамки приличий. Зато целая свора рядящихся в одежды националистов блоггеров и писак, более откровенных и прямолинейных, нежели он, именно этого прямо и требуют: разрушения и уничтожения!

Ещё раз повторяю, отличительной чертой псевдонационалистов-разрушителей был и остаётся именно этот исторический нигилизм: все современные язвы и пороки нашего общества они «закономерно» выводят из насковзь неправильного и порочного принципа русского государственного строительства, по вине которого ещё задолго до большевиков русский народ двинулся «не в ту сторону», к «ордынской империи» вместо цивилизного и уютного «национального государства» европейского типа. Стоит ли говорить, что от восприятия подобного постулата до одобрения идеи сделаться союзниками (а на деле сателлитами) либералов, грезящими о быстрейшем разрушении «недоразвалившейся империи», остаётся буквально один шаг? Ведь, в сущности, вся разница между подобными псевдонационалистами-разрушителями и махровыми либералами ещё яковлевского разлива, с самого начала не скрывающими намерения «переформатировать» русский культурно-исторический тип, заключается лишь в том, что первые бесстыдно эксплуатируют слово «русский», а вторые жонглируют терминами наподобие «свобода», «европейские ценности» и «права человека».

Безусловно, помимо мощной агиткампании, успеху национал-либералов способствовали и некоторые внешние обстоятельства, в частности массивные репрессии, обрушившиеся на русское национальное движение в годы путинско-медведевского правления, вследствие чего многие его представители отвратились от государственнической идеи как таковой. Непрекращающиеся уголовные преследования по 282-й статье, в ходе которых люди попадали на скамью подсудимых даже за эмоциональные записи в блогах и социальных сетях, довели значительное число рядовых националистов буквально до белого каления. И если в начале «нулевых» желающие бороться с Путиным в союзе с кем угодно и какой угодно ценой были в русском движении в явном меньшинстве, то к моменту начала болотных митингов неприятие и даже острая ненависть к существующему режиму сделали в националистической среде всеобщими. Эмоциональ-

но разогретым людям, имеющим многочисленные личные счёты к власти, зачастую оказывалось очень сложно объяснить, что демагоги и горлопаны с белоленточных сборищ, не говоря уже об идеологах национал-либерализма, готовят России судьбу многократно худшую, нежели ту, против которой они выходят протестовать.

Однако неверно думать, что смычка псевдонационалистов, стремящихся поставить русское национальное чувство на службу врагам Родины, с либералами ограничивается лишь взглядами на историю нашего государства и народа. Нет, она на деле ещё теснее, нежели это может показаться на первый взгляд. Одним лишь огульным отрицанием исторического пути России дело не ограничивается.

Вот, например, что говорится в программных документах национал-либеральной партии «Новая сила», возглавляемой профессором МГИМО, бывшим штатным сотрудником «Горбачёв-Фонда» Валерием Соловьём:

«Основной подлинной стабильности, здорового роста и развития экономики может быть только безусловность и неизбывность права частной собственности...»

Мы считаем важным положить конец порочному кругу перелома собственности, сопровождавшего каждый переход власти последние 20 лет. Сделать это возможно только одним путем — окончательно решив вопрос с итогами, упорядочив их и гарантировав от произвольного пересмотра в будущем. Мы не намерены проводить широкую национализацию промышленности, так как считаем, что она способна повлечь за собой новый виток падения производства и роста безработицы, а также поставить под угрозу интересы множества мелких собственников, чьи права (в частности, на жильё) были приобретены в процессе той же самой приватизации.»

Незыблемость права частной собственности... гарантия от пересмотра итогов приватизации... Такое впечатление, что всё это едва ли не дословно переписано из программы какого-нибудь гайдаровского «Демвыбора» середины 90-х, бесконечно враждебного идее какой-либо исторически преемственной России вообще. Однако ж нет, Соловей позиционирует себя как последовательный русский националист, глотку рвёт на митингах и в теледебатах за «русские интересы!» Или он рассчитывает, что общественность, одураченная патетической демагогией, не догадается заглянуть в экономический раздел программы его партии, предав забвению давнишнее, но ничуть не утратившее справедливости утверждение марксистов о том, что основа общественного устройства суть экономические отношения, а политический режим — лишь над-

стройка? По всему выходит, что господина Соловья тот уродливый базис, на котором и возрос наш колониальный, криминальный капитализм, вполне устраивает. Более того, требуя окончательно закрыть вопрос о пересмотре итогов «большого хапка», он желает его ещё более упрочить!

Помимо заклинаний о святости и неприкосновенности частной собственности, тяготеющие к либералам националисты усвоили и другие их идеи: воинствующий антисоветизм, исключительно либеральную трактовку прав и свобод, западную концепцию гражданского общества как общества индивидуалистов. Вчитайтесь в то, что пишут в своих статьях и партийных программах все эти Широпаевы, Храмовы, Соловьи... Нет у них никаких серьёзных разногласий с либералами, одного они с ними духовного поля ягоды. Просто одни ведут либеральную агитацию с космополитических позиций, а другие — с псевдонациональных.

От духа подлинного русского национализма в писаниях данных господ давно ничего не осталось. Присутствует лишь настойчивое стремление растравить давние исторические обиды, внушить русским людям необходимость поскорее предать анафеме свою историческую судьбу, взяв в качестве образца национального строительства то на глазах приходящие в упадок страны Запада, то со всё большим трудом отбивающийся от арабского натиска Израиль. И подобные взгляды всё настойчивее пробивает себе дорогу в среде националистической публицистики!

Есть среди этой публики и сторонники так называемого регионализма, то есть, по сути, конфедерализации страны. Так, Вадим Штепа, один из идеологов дробления страны на множество мелких, максимально автономных от центра регионов в статье «Вопросы национализма и ответы регионализма» идёт даже дальше известного сторонника федерализма Храмова:

«Нынешние федеральные округа всё-таки слишком масштабны для возникновения в них общей республиканской (res publica) идентичности. Возможно, в Сибири это удастся (хотя там также существуют немалые различия между Красноярском, Новосибирском, Омском и Томском), но вогнать, например, Северо-Запад в одну республику представляется делом безнадежным. У жителей древнего Пскова, беломоро-карельской Кемии и полярно-уральской Воркуты всё-таки весьма различный исторический и культурный «бэкграунд». Не разумнее ли просто поднять статус всех нынешних областей и краёв до уровня республик? Так и возникнет нормальная, симметричная федерация с равноправными субъектами».

То есть, даже нынешняя Российская Федерация, властная вертикаль в которой во многом фикция, а целый ряд национальных субъектов вроде Татарстана или Чечни и вовсе обладают совершенно особым статусом, Штепу не устраивает. Он хочет не де-юре «суверенное государство Татарстан» вернуть в российское правовое поле, а совсем наоборот — все остальные регионы превратить в эдакие Татарстаны, являющиеся ассоциативными членами донельзя рыхлого, расплывающегося на лоскуты псевдогосударственного образования. Да ещё и раздробить их как можно мельче, противопоставив «беломоро-карелов» псковичам, а жителей Омска красноярцам. И опять-таки, вопрос: чем всё это принципиально — подчёркиваю, принципиально (!) — отличается от печально известного «парада суверенитетов»? Только тем, что Штепа в каждой второй публикации льёт слёзы о средневековой Новгородской республике, разгромленной «Глобальным Центром» — олигархическим сообществом национально-государственных «элит»?

Сегодня русские националисты находятся в очень сложном, даже двусмысленном положении. Представители элитных либеральных кругов прилагают значительные усилия для того, чтобы окончательно разорвать их связь с русским народом, превратить их из выразителей (пусть и довольно смутных) чаяний немалой его части в откровенных лакеев олигархической клики. Ради этой цели в болотных националистов, предавших и своё движение, и свой народ, вкачиваются финансовые средства (на самом деле, для вороочающих миллионами и миллиардами долларов статусных либералов они — сущие копейки), ради этого им предоставляют трибуну на либеральных митингах, ради этого допускают в так называемый Координационный совет оппозиции.

Партии ультралиберального реванша независимо от того, какой сценарий взятия власти она готовится задействовать (мягкий ли «цветной» или же кровавый сирийско-ливийский) необходима массовка — русская массовка. Её вожди отлично понимают, что, не задействовав «русский ресурс», не направив протест русского народа в нужное им русло, победы над Кремлём не достичь. Никакие тусовочные хипстеры с «Оккупайабая», никакие витии с «Эха Москвы» не смогут повернуть общественный процесс в по-настоящему опасную для Путина и его окружения сторону. Это может сделать только массовая активность русского народа, и потому за его душу сейчас развернулась яростная борьба.

Разделительная линия между нашими и не нашими в националистическом лагере сегодня пролегает как никогда чётко.

Все те, кто требует немедленного свержения правящего режима любой ценой, кто готов добиваться этого плечом к плечу со злейшими врагами России, кто не считает высшей, не подлежащей обсуждению ценностью целостность нашей страны, кто в унисон с либералами кликушествует о порочности самого типа исторически сложившейся русской цивилизации и русского государства, противопоставляя ему некую «цивилизованную европейскость» — тот наш откровенный и непримиримый недруг.

Все те, кто, категорически не приемля происходящего в стране, видит в рвущейся к власти ультралиберальной группе опасность, как минимум, не меньшую, чем в группе путинских «силовики», кто готов не на словах, а на деле биться за нашу истинную идентичность, кто готов в переносном и в прямом смысле дать в зубы любому, заикающемуся «о поработившей исконную Русь московской Орде» или мечтающему о «великом национальном дембеле» — тот нам союзник и товарищ, независимо от того, как бы он лично ни отнесился к тем или иным событиям русской истории, как бы ни трактовал, к примеру, итоги правления Сталина или историческое значение восстания декабристов.

Если национал-патриотическое движение позволит сегодня окончательно прихватизировать русскую идею откровенным прислужникам либералов, чудовищно извратившим при этом само её содержание, то это станет для него поистине непростительной, трагической ошибкой.

Александр ШУМСКИЙ,
иерей, публицист, член Союза писателей России

ВЕЛИЧИЕ ИЛИ СМЕРТЬ?

Есть народы и страны, которые Божиим промыслом избираются для великой судьбы. К таковым, без сомнения, относятся русский народ и Россия. Если великий народ изменяет

своему призванию быть великим, то он обречен на смерть, сначала духовную, а затем и физическую. Великан по определению не может сделаться карликом. Великана, отказавшегося от своего великанства, природные карлики сажают в клетку и, вдоволь поиздевавшись, ритуально закалывают. Россия дважды в новейшей истории уходила «на сторону далече», то есть изменяла своему великому предназначению. Первый раз в 1917 году, когда был свергнут, а затем убит Божий Помазанник Император Николай II. Второй раз в 1991 году, когда была уничтожена советская империя под названием СССР.

По милости Божией, либеральная революция, начавшаяся в 1917 году, была остановлена человеком по имени Иосиф Виссарионович Сталин. Остановлена она была жестоко и кроваво, но если бы эта революция не была остановлена, то крови было бы несоизмеримо больше, потому что либеральная революция в России неизбежно привела бы к оккупации нашего Отечества внешним врагом с последующей зачисткой большинства коренного населения. Ликвидация НЭПа Сталиным и большой скачок, последовавший за этой ликвидацией, позволили нам не просто выжить, но вновь обрести спасительное величие. Без большого сталинского скачка мы не смогли бы одержать Великую Победу в 1945 году.

Дореволюционная Россия была не в состоянии подготовиться к нападению Германии в 1941 году и неизбежно проиграла бы новую войну. Почему я так в этом уверен? Потому что вся правящая элита предала своего вождя Императора Николая II, готового, не раздумывая, отдать свою жизнь за Отечество.

Надо очень хорошо осознавать, что сегодняшнее противостояние между сторонниками Сталина и его противниками — это не противостояние двух проектов развития нашего Отечества, а противостояние между сторонниками великой державы, то есть патриотами, и теми, кто жадно ждет полного и окончательного уничтожения России и русского народа, то есть либералами. Есть еще так называемые «белые патриоты», которые полностью отрицают советский период и Сталина. Белые патриоты подчеркивают свой антилиберализм, но при этом, оставаясь в сладком плену своих утопий, совершенно не способны оказать либерализму хоть какое-то сопротивление. Если белые патриоты получают власть, то их тут же сомнут современные «болотные», «оранжевые» февраллисты. О «националистах», ненавидящих Сталина, говорить вообще не приходится, поскольку они уже почти не отличимы от либералов.

Конечно, в интеллигентской среде споры о советском периоде и Сталине еще долго не утихнут, если вообще когда-нибудь утихнут, и никакие самые убедительные и сенсационные факты не заставят ярых противников Сталина и советской эпохи изменить свою позицию. И все же хотя бы некоторым из них надо попытаться открыть глаза на реальное положение вещей. Ведь есть же отрадные прецеденты, например, Анатолий Вассерман, многие годы стоявший на диссидентских, либеральных позициях, но теперь, как он сам выразился, «перешедший на другую сторону баррикад».

Одним из самых убедительных аргументов в пользу товарища Сталина является свидетельство его смертельных врагов, прежде всего Лейбы Давидовича Бронштейна, более известного под псевдонимом Лев Троцкий. В своей статье 1936 года «Преданная революция» Троцкий обвиняет Сталина в том, что тот уничтожил поколение революционеров, установил реакционный режим и относится к Коминтерну как к неизбежному злу.

Особенно Лейба Давидович настаивает на том, что у Сталина «мелкобуржуазный кругозор». Что такое «мелкобуржуазный кругозор» в понимании Троцкого? Это кругозор русского крестьянина. Таким образом, Лейба Давидович с презрением и ненавистью отмечает, что Иосиф Виссарионович — русский человек. И главное, что этот русский человек ни во что не ставит кагальный Коминтерн, а еще осмеливается воссоздать империю! Можно представить себе, как Лейба Давидович восклицал примерно следующее: «О, горе мне! Я столько сделал для осуществления мировой кагальной революции! Я почти уже бросил эту отвратительную замарашку Россию в адское революционное пламя, где она должна была сгореть дотла, но вдруг этот маленький человек с низким лбом и рябым лицом все расстроил! О, что я теперь скажу американскому дяде Шифу и его братьям?!»

Конечно, можно и нужно объективно оценивать все плюсы и минусы советской, сталинской эпохи, все ее взлеты и падения, но только при условии признания основополагающего, краеугольного факта, который состоит в том, что Сталин спас страну от троцкистской перманентной революции и построил великую советскую империю, благодаря которой мы все еще продолжаем существовать. Если отрицать этот краеугольный факт, то все обсуждение советской эпохи становится бессмысленным. Данный краеугольный факт является маяком для любого исследователя советской эпохи, маяком, который не позволит исследователю уклоняться ни влево, ни вправо, и позволит правильно оценивать все остальные факты.

Почему невозможна серьезная полемика по Сталину с либералом? Потому что либерал ненавидит Россию, как прошлую, так настоящую и будущую. Либерал ненавидит Россию всех времен, для него хорошая Россия — это мертвая Россия. Поэтому я и рад был бы вступить в полемику с либералом по советскому вопросу, но такая полемика оказывается объективно невозможной, поскольку либерал абсолютно отрицает сам предмет спора. Задайте любому российскому либералу только один вопрос, любит ли он Россию? И вы получите ответ: «Россия — а что это такое?» Здесь российский либерал полностью совпадает с Карлом Марксом, который утверждал, что в каждую историческую эпоху Россия должна доказывать, что она вообще существует.

Недавно один известный российский либерал, страстный англофил, получивший высокие награды от английской королевы, сказал, что ему не нужно государство, которому должен служить человек, что ему нужно государство, которое будет служить человеку, то есть либералу. Но это ведь относится только к российскому государству, поскольку английскому государству наш англофил готов служить до выпрыгивания из штанов. А еще этот либеральный российский англофил сказал, что ему не нужны никакие Днепрогэсы, поскольку они построены с помощью ГУЛАГа. Но ведь очевидно, что если бы у нас, образно говоря, не было Днепрогэсов, то Россия превратилась бы в британскую колонию с английским ГУЛАГом на нашей земле. Думаю, что английский ГУЛАГ оказался бы пострашнее сталинского. А, может быть, наш англофил об этом и мечтает?

Странным образом совпадают с либералами последователи солженицынской идеи о «сбережении народа». Они говорят, что не индустриализацию надо было Сталину проводить, а народ сберегать. Но как можно было сберечь страну, а значит и народ без индустриализации?

Некий белый патриот, который, в отличие от российского англофила, любит Россию, предложил прекратить общественные дискуссии по Сталину и отдать Иосифа Виссарионовича науке.

Хочется спросить хитромудрого белого патриота, какой науке он собирается отдавать товарища Сталина? Эмигрантской белогвардейской или голубой либеральной? Незадачливый белый патриот не понимает, что историческая наука — не алгебра и не геометрия, историческая наука очень зависит от мировоззрения. Еще белый патриот сказал, что дискуссии по Сталину могут привести к церковному расколу и к расколу общества. Белый патриот не видит, что подавляющее боль-

шинство русского народа, в том числе церковного, определилось в отношении к советскому периоду и к Сталину, и отношение это позитивное. И верховная российская власть, по многим очевидным признакам, согласна с русским большинством.

Я с симпатией отношусь к белым патриотам, у меня с ними много общего. Нас роднит любовь к дореволюционной России и почитание Царской Семьи. Но дорогие мои белые патриоты, очнитесь от своего белого сна, всмотритесь в реальность! После распада великой страны под названием СССР началась вторая либеральная революция, которая, слава Богу, уже почти выработала свой разрушительный ресурс. И вот вновь, как и при Сталине, перед нами встала задача начать антилиберальный, антиреволюционный процесс, чтобы Россия обрела свое былое спасительное величие.

Кто-то из православных, возможно, скажет, что стремление к величию — это проявление гордыни. Нет, дорогие мои! Стремление к личному самовозвеличиванию — это грех, а стремление к величию Родины — благо. Запад полностью утратил былое величие, стал мелким и пошлым. Даже папа римский Бенедикт под давлением голубых богоборцев малодушно покинул свой пост. Былое величие Запада заменилось лютой злобой и маниакальной мстительностью. Западные антихристовы силы стремятся уничтожить в мире все подлинно великое и духовное. Этой сатанинской злобе в состоянии противостоять только великая православная Россия. И сегодня наше Отечество вновь стоит перед выбором: величие или смерть?

Валентина СОЛОГУБ

НА КОСТЯХ РАЗГРОМЛЕННОЙ МОСКВЫ...

Давно я не была в родной Москве, поэтому с большим желанием решила посмотреть телепередачу по каналу «Культу-

ра» «Пешком... по Москве». Посмотрела и ужаснулась: они, нынешние временщики, за последние пять-семь лет совершенно уничтожили историческую Москву! В советские годы, воюя с Православием, богоборцы старались расправиться с нашей духовной историей, остервенело разрушая храмы и монастыри, не оставляя без своего внимания и уникальные исторические градостроительные шедевры, как, например, Арбат, Сухареву башню или Воробьевы горы. Но в двадцатилетие демократического режима захватившие власть кровные и духовные потомки красных комиссаров развернулись вовсю, выкорчевывая столицу уже подчистую...

В центре Москвы все старинные здания — целыми улицами, целыми кварталами! — сметены алчной, с ее вседозволенностью, чужеродной властью. Навсегда исчезли они с лица московской земли, а старинные улицы застроены современными небоскребами, бездарной, подавляющей личностью человека архитектурой: Лубянка, Манежная площадь, площадь и набережная у Киевского вокзала, Остоженка, площадь у Белорусского вокзала, р-н Красной Пресни (Москва-Сити — это что для русского слуха?), Пречистенка, Молочный и Филиппов переулки... — ведь это исторический центр Москвы! Все старинные дома исчезли. Русской, исторической Москвы как единого градостроительного образа больше нет!

И делается это не случайно, а целенаправленно и преднамеренно. Причина не только в отсутствии вкуса и эстетических понятий современных архитекторов. Порождение этих зданий — в безрелигиозности и безнациональности сознания застройщиков и их влиятельных заказчиков и покровителей. Раньше, в Царской России, доминантой Москвы и ее районов были православные храмы, колокольни с крестами, глядя на которые, русский человек осенял себя крестным знаменем, уповая на Христа Спасителя. Теперь, в путинской эрэфии, высшая точка в Москве, столице государства, — торговый центр с его хищным торгашеским духом. Раньше православные храмы вокруг себя собирали город, напоминали, среди будничных забот, живущим в нем горожанам о Царствии небесном. Теперь православные храмы задавлены, втиснуты в какие-то узкие щели между нависающими над ними архитектурными монстрами. Это зримо, без всяких слов, говорит о том, в каком положении находится Церковь, на каких правах существует исконная православная вера русского народа, что сегодня стало главным в нашем бытии, какой народ, точнее, население, формирует и хочет получить правящая власть, какую национальную идею она вдалбли-

вает в сознание «рассеян». Да что гадать, самую элементарную, как для покоренных аборигенов: выживет тот, кто конкурентоспособен на рынке недвижимости!

Архитектура, особенно гражданская, — это историческая и культурная память народа, пока она сохраняется, сохраняемся и мы как народ, потому что, живя в этих домах, за много веков построенных нашими предками и строя их сами, создавая здесь семьи и растя детей, созидавая город как Божие устройство, мы знаем, кто мы и откуда. Потому что пластический образ архитектурных произведений создавался религиозным, т.е. православным, мироощущением русского народа. Архитектура — это история в камне, она еще дает и ощущение надежности, защиты, незыблемости народа и крепости государства. Уничтожив многовековую городскую архитектуру — уничтожили историю, уничтожили страну, уничтожили государство, которое заселял и строил русский народ. Как ты теперь докажешь, что это твоя земля? Как ты докажешь, что здесь жили твои предки? Как объяснишь своим потомкам, что такое *русское* государство, что такое *русский* народ? Как без *русской* среды человек поймет и осознает себя *русским*? Осознает себя и свой народ *православным*?

Уже с XV—XVI веков Москва прочно вошла в сознание русского народа как Третий Рим и навсегда закрепила за собой это предназначение, неся в себе образ Евангельского Иерусалима. Она располагалась вокруг Кремля, представляя с ним, архитектурно и духовно, неразрывное целое. Здесь был воздвигнут Успенский собор, главный храм Руси, где находились мощи святых и останки наших государей. В Кремле находилась самая высокая колокольня, не случайно получившая имя Иван Великий в честь святого подвижника Иоанна Лествичника — образ восхождения человека от земного мира к Небесному, восхождения души к своему Творцу. Именно поэтому запрещалось в Москве строить здания выше Ивановской колокольни. Иерусалим стал для русского человека прообразом Кремля: 6 крепостных ворот, как 6 ворот Иерусалима, располагались по сторонам света точно так же, как иерусалимские, и напоминали о них. Например, кремлевские Константино-Елененские (Тимофеевские) ворота напоминали Иерусалимские Рыбные, и перед ними располагались торговые рыбные ряды, т.е. даже в своей повседневной жизни русский человек сохранял в своем сердце православные святыни. А из Спасских ворот, в напоминание о Иерусалимских Овечьих воротах, в Вербное Воскресение выезжал Русский Патриарх на осляти... Теперь в Кремле находится кошерная синагога и в ближайшее время толерант-

но планируется постройка мечети. На Красной площади, задуманной как образ храма под открытым небом, стоит зиккурат с кровавым вождём богоборцев и сатанистов. На Манежной площади, где располагался древний монастырь и при строительстве безобразного церетелиевского сооружения были найдены нетленные мощи монахов, теперь хозяева жизни зажигают минору, а на Поклонной Горе, названной в честь поклонения Кресту, охраняющему город от нашествия иноверцев, построены синагога и мечеть — моленные здания религий, не признающих Христа и воюющих с Христом...

При нынешней застройке Москвы этими бетонно-стеклянными монстрами, осуществляющейся бешеными темпами, уничтожается наша память, уничтожается русская душа, уничтожены национальная самоидентификация и восприятие! Изменение национального облика столицы до неузнаваемости — а ведь то же самое, вслед за Москвой, происходит и в других русских городах — это непростительное преступление нынешних кремлёвских менеджеров перед нашим народом! Исторической Москвы нет, а Лужков и его преступная, хищная стая, уничтожившая нашу Москву, продолжают процветать и здравствовать, никто их на скамью подсудимых не посадил...

Ведущий передачи констатировал, что сегодня в Москве нет единой градостроительной политики, а идет точечная застройка, т.е. кто урвал себе кусок земли, тот и делает, что пожелает его убогая фантазия — деньги-то есть! Никто не указ! Но главное, что эта точечная застройка выражает полностью мировоззрение нынешних властей — мировоззрение оккупантов: они не видят завоеванную территорию как единую живую страну, ведь им всё равно, как выглядит *эта страна*, которую они покорили. Это совершенно откровенная архитектурная диверсия, а точнее сказать — духовная диверсия, и она совершенно четко укладывается в современную политику уничтожения русского народа: нет истории — нет народа, который без своей истории превращается в население. Возможно ли себе представить, что в этих небоскребах-монстрах может родиться Пушкин и Достоевский, Суриков и Боровиковский, Мусоргский и Глинка, Гоголь и Воронихин, Шмелев и Ильин, Блок и Шехтель, Тютчев и Столыпин?.. «Каждого гения затушим во младенчестве!» — сладострастно мечтал Петруша Верховенский. И современные петруши это охотно и безнаказанно осуществляют. Среди уродливых предметов может сформироваться только мелкая, уродливая душа, типа богохульника и извращенца Гельмана и холокостницы Аллы Гербер с ее русофобской ненавистью. В таком

городе живёт уже не коренной народ, а скапливается население, численность которого легко регулируется: когда его много — можно сократить, уменьшить — экономически, нравственно, психологически, физически, отправив на тюремные нары тех, кто не хочет сокращаться, или разбавить чужеродным демосом, затем всё перемешать, прочипировать и обезличить... Разрушение многовекового архитектурного облика столицы — это поругание православной веры нашего народа. Это еще один способ уничтожения народа, его души, его памяти, его потребности быть русским!

Иван ГЛАДИЛИН

ВМЕСТО ТЕРПИМОСТИ — «ТОЛЕРАНТНОСТЬ»

Власть решила подкрепить свою политику насаждения «толерантности» бесперебойным финансированием из федерального бюджета. В 2014 году в главном финансовом документе страны появится отдельная строка расходов на «укрепление общегражданской идентичности и межэтнической толерантности», сообщают «Известия». Поправка в Закон «О федеральном бюджете» будет внесена в Госдуму в весеннюю сессию, рассказал изданию автор инициативы, глава Комитета Госдумы по делам национальностей Гаджимет Сафаралиев.

Средства федерального бюджета на эти цели, правда, выделялись и раньше. Но, во-первых, они были «размазаны» по разным ведомствам, а те осуществляли финансирование по остаточному принципу. А во-вторых, их выделялось явно недостаточно, убежден г-н Сафаралиев.

Теперь в госбюджете появится отдельная строка, в которой будет прописано пошаговое финансирование государственной политики в этой сфере и которая обяжет выделять на эти цели средства в достаточном объеме. Более того, статья автоматически будет закладываться в бюджеты всех сле-

дующих годов, а ее конкретное наполнение будет определяться при принятии бюджета. **Судя по тому приоритетному вниманию, которое уделяют наши власти «укреплению общегражданской идентичности и межэтнической толерантности», расходы бюджета на эти цели будут только возрастать.**

Пока на 2014 год намечено выделить миллиард рублей. Для всего бюджета это, конечно, капля в море. Но, как говорится, лиха беда начало... К тому же «распилить» данный миллиард, думается, желающих тоже найдется немало.

Но главное все-таки даже не в объеме средств, выделяемых по данной статье, а в самой их целесообразности. Да, межнациональные отношения у нас в последние годы явно обострились, и от былого межнационального мира кое-где остались одни лишь воспоминания. Но почему власти считают, что все это стало результатом дефицита в обществе именно «толерантности»?

Сам этот термин упорно навязывается нам властями в последние годы вместо привычного нам понятия «терпимость». А ведь именно терпимость русского народа к инородным обычаям, традициям, культуре позволила ему создать великую Русскую цивилизацию, великую Россию. Разве русские уничтожали своих инородных оппонентов в процессе, можно сказать, естественного расширения пределов государства, как это делали те же «толерантные» американцы, поголовно истребившие тамошних индейцев? Нет: финно-угорские, тюркские, кавказские и прочие народы России вошли в ее состав фактически как полноправные подданные русского государя. Именно русская толерантность, доброжелательная открытость внешнему миру создала ту Россию, в которой даже наши недоброжелатели отмечали наличие межнационального мира и согласия.

Правда, русская терпимость имела свои пределы. Да поиному и быть не могло: на одной терпимости цивилизацию не создашь. Ведь в своем пределе, в виде, так сказать, абстрактного (а не наполненного конкретным опытом народа) понятия терпимость представляет собой и абсолютно беспристрастное отношение к греху другого человека.

Не такова выработанная веками русская терпимость. Да, русские как истинные христиане никогда не объявляли «поход на неверных» и не уничтожали инородцев лишь за то, что они другой веры. Исповедуешь другую веру, но живешь в мире, считаясь с русской верой, — мир тебе и покой. Но русская терпимость кончалась там, где начиналось оправдание, например, расцветшего ныне гомосексуализма и многих прочих неприемлемых для человека русской культуры грехов. У терпимости ведь тоже должен быть свой диапазон действия. У русских он был крайне широк, но не безбрежен. В нацио-

нальном плане, например, терпение русских кончалось лишь тогда, когда на них шли с мечом. В остальном же, повторим, русских (если говорить о народе в целом) можно было считать образцом терпимости и терпеливости.

И вот вдруг терпимые русские стали у наших властей «нетолерантными»: не приемлют, видите ли, нашествия мигрантов (инициированного самими же властями), требуют от гастарбайтеров уважать законы и обычаи России... Как же это «нетолерантно» с их стороны! Надо бы радоваться прибытию миллионов гастарбайтеров, а не протестовать! И, что примечательно, все эти «пороки» граждан России власти объясняют дефицитом именно «толерантности», а не терпимости.

И вполне, кстати, в этом правы: терпимость русских никогда не потерпит нынешнюю миграционную политику властей и ее последствия. А вот привнесенная с Запада «толерантность» вполне может такую политику оправдать. Власти словно дают нам понять: «Русские, переставайте быть терпимыми и становитесь толерантными». Тогда, глядишь, будете спокойно взирать, как толпы мигрантов создают в ваших мегаполисах национальные анклав, куда ни вы, ни даже полиция лучше не суйтесь. Когда «понаехавшие» в Москву со всех концов страны будут резать баранов прямо на улице. Когда... Да много чего «когда». А потом вы, русские, смиритесь даже с тем, что мигранты, став к тому времени большинством населения и обзаведясь вашим гражданством, потребуют от вас отказаться, например, от такого символа Нового года, как елочка. Это уже чуть было не произошло в толерантном Брюсселе...

Словом, надо лишь одно — стать толерантным, и все, от чего вы сейчас негодуете, перестанет вас волновать. Вот что такое истинная толерантность!

Ну а вслед за «этнической толерантностью» (а быть может, и параллельно с ней) вы, русские, воспримете и прочую «толерантность». По вашим городам и весям начнут наконец дефилировать гей-парады, а в загсах — регистрироваться браки между двумя (а быть может, и тремя, четырьмя...) мужчинами. И «рожать» эти «мужики» начнут, и воспитывать граждан будущей «России»... Ух какие широчайшие перспективы открывает эта самая «толерантность»! Не чета вашей отжившей терпимости.

А на такое светлое будущее наши власти, конечно, не поскопятся. Видите, строку в госбюжете уже создали для утверждения «межэтнической толерантности».

ДВЕРИ ОТКРЫВАЮТСЯ АВТОМАТИЧЕСКИ

РАССКАЗ

Дождь колотил по запыленным окнам, словно пытаюсь ворваться внутрь и отмыть все дочиста. Ветер метался по извилистым улочкам и раскачивал ветви дрожащих каштанов. Редкие прохожие, поеживаясь от холода, торопливо сновали по тротуарам, стараясь не ступить в пузырящиеся лужи.

А внутри церкви было тепло и сухо. Изредка потрескивали горящие свечи, время от времени поскрипывала крыша под особо мощными порывами ветра, но чувство безопасности и спокойствия, казалось, пропитало все вокруг.

Леонид любил такие минуты. Минуты, когда заканчивались дневные заботы, прекращался шум, всегда сопровождающий стройку, рабочие разбежались, кто куда, и Леонид оставался один. Он неторопливо обходил помещения, проверяя, все ли в порядке после суматошного дня, и, ощущая приятную усталость, садился ужинать.

Ужин плавно перетекал в воспоминания и мечты. Мечты и воспоминания переплетались друг с другом и создавали ткань реальности, которой Леонид, сам этого не осознавая, старался отгородиться от реальности истинной, окружавшей его уже более года.

ПРОЗА

С тех пор как он уехал из России, его не оставляло странное чувство, что он смотрит фильм о чьей-то чужой жизни, но смотрит изнутри, словно играя в этом фильме главную роль. Дни проходили за днями, что-то менялось согласно утвержденному где-то сценарию, удачи сменялись неудачами и наоборот, но ощущение, что он барахтается в холодной и равнодушной к нему действительности, подступало, как только выдавались свободные часы.

Первое время свободных часов было мало. Заботы о жилье и пропитании, бюрократические бумажные хлопоты отнимали много времени и сил. Однако постепенно все более-менее наладилось. Правда, не так, как виделось издали и совсем не так, как мечталось. Но Леонид понимал, что всё сразу и именно так, как хочется, бывает только в сказках. И потому особо на судьбу не жаловался, говоря себе, что всё могло быть гораздо хуже. После окончания астраханской консерватории, после замкнутого мира, в котором и которым он жил все студенческие годы, Леонид с головой окунулся в послеперестроечную Россию.

И пришел к выводу, что его музыка, вообще-то, никому не нужна. Или почти никому.

Пару лет он проработал учителем в школе. Затем некоторое время играл в ресторанном ансамбле. Убедившись, что просвета нет, отправился по совету друзей покорять Москву. Москва не покорила, давно уже захваченная толпой поспевших гораздо раньше захватчиков.

Помаившись и растеряв все иллюзии, Леонид продал квартиру, дачу и машину, оставшиеся от родителей, и уехал во Францию. Почему именно во Францию, он и сам не мог объяснить. Возможно, если бы Леонид покопался в глубине души, то пришел бы к выводу, что, не покорив Москвы, решил покорить Париж и тем реабилитироваться в собственных глазах. Но Леонид не занимался самоанализом. Как и все творческие натуры, он просто следовал зову своего сердца, особо не представляя, куда это может привести.

Деньги закончились быстро и неожиданно. Впрочем, Леониду повезло. Бродя по кварталу Сен-Жермен, он наткнулся на маленькую церковь и услышал русскую речь. Оказалось, бригада студентов из России подрабатывает здесь на ремонте, и можно устроиться к ним подсобником. Что Леонид и сделал.

А поскольку он знал французский, то настоятель церкви — преподобный Клод Бернье — вскоре стал выделять его из группы иностранных рабочих и частенько беседовал с ним о России, о Франции, о назначении человека на земле и о неисповедимости путей господних.

Узнав, что Леонид — музыкант и что ему сейчас негде заниматься музыкой, настоятель предложил ему на время ремонта должность ночного сторожа. Тогда после работы он мог бы музицировать, чтобы не утратить навыка. Конечно же, Леонид с радостью согласился.

И теперь по вечерам в пустой полутемной церкви звучала скрипка, помогая своему хозяину жить и надеяться на лучшее.

Этот вечер начался как обычно. Леонид поужинал холодной телятиной с багетом, достал из футляра инструмент и привычно ощутил щекой теплоту старого дерева. Но только он поднял смычок, как хлопнула входная дверь и послышался голос преподобного Бернье:

— Прошу вас, маэстро. Осторожнее, здесь доски не закреплены. Сами понимаете, ремонт...

Леонид вышел на звук голоса и увидел настоятеля церкви и маленького незнакомого человека в сером плаще и черной фетровой шляпе. Принимая у незнакомца мокрую верхнюю одежду, преподобный Бернье представил Леонида:

— А это наш сторож. Лео, просушите все хорошенько. Льет как из ведра. И заварите-ка нам чаю. Маэстро Вебер любезно согласился протестировать наш новый орган. Но сначала не мешало бы согреться.

— Простите, святой отец, — тихим голосом произнес посетитель, — но я предпочел бы сразу же приступить к делу. Мое время стоит дорого. Я здесь только по просьбе епископа, и затягивать визит в мои планы не входит.

— Как вам будет угодно, маэстро. — В голосе настоятеля послышалась нотка обиды, но он быстро взял себя в руки и вновь стал само воплощение любезности. — Конечно, ваше время бесценно. Я вам крайне признателен...

— Хорошо, хорошо, — прервал эти излияния маэстро, — показывайте ваше приобретение.

Они прошли к органу.

Леонид развесил вещи для просушки, все-таки заварил чаю, а заодно и кофе и, заслышав голос разбуженного органа, поспешил на его зов.

Торжественно и неторопливо полились звуки, заполнившие все вокруг своей глубиной и многослойностью. Леонид узнал сонату до минор Мендельсона.

Слушая музыку, Леонид с любопытством следил за движениями маэстро Вебера. А зрелище было не менее захватывающим, чем звучание. Кроме пяти расположенных друг над другом ручных клавиатур Вебер довольно успешно управ-

лялся и с огромными деревянными пластинами клавиатуры для ног. Игра в четыре конечности напоминала ритуальный танец вошедшего в экстаз шамана.

«Как ему удается не упасть с органной лавки», — невольно мелькнула мысль.

Когда зазвучало адажио второй части, когда светлая всепоглощающая печаль полностью завладела всеми его чувствами, Леонид уже не мог оторвать глаз от священнодействующего музыканта.

А затем вихрем сверкающих звуков ворвался полонез и закружился по церкви перед тем, как уступить место ликующей фуге финала.

Потрясенный и очарованный, Леонид весь растворился в музыке. Вся его душа повторяла и предвосхищала каждый звук. Музыка была самой жизнью, и музыка была ее смыслом.

И вдруг вместо предвкушаемых звуков заключительного хора — тишина.

Маэстро Вебер резко оборвал игру и вышел из-за кафедры.

— Поздравляю, святой отец, — сказал он своим тихим спокойным голосом. — Великолепный инструмент. Желаю вам найти для него подходящего исполнителя. Всего доброго. Позвольте мою одежду, — повернулся музыкант к Леониду, все еще стоящему в оцепенении.

— Да, конечно, — встрепенулся тот и бросился за вещами.

Помогая Веберу одеться, Леонид прерывающимся от волнения голосом выдал:

— Позвольте выразить вам свое глубочайшее восхищение, мсье Вебер. Это было божественно.

— А вы что, разбираетесь в музыке?

— Немного. Я окончил консерваторию по классу скрипки.

— Вот как? — равнодушно бросил маэстро, направляясь к выходу.

— Лео приехал из России, — вмешался отец Бернье. — Он не слышал раньше музыкантов вашего уровня.

— Из России? — Маэстро остановился, и на его лице впервые за все это время появился некоторый интерес. — Так вы русский?

— Да. Леонид Борисов.

— Вот как?

Маэстро на мгновение задумался.

— Святой отец, вы, кажется, упоминали о чае? — повернулся он к настоятелю.

Через полчаса Леонид раскрыв зонт провожал маэстро Вебера до его машины. Холодные капли дождя катились ему за ворот, но Леонид этого не замечал. Он двигался как во сне, охваченный ощущением значительности происходящего, хотя это ощущение и властвовало где-то на уровне подсознания.

Маэстро Вебер кивнул на прощание и юркнул в серый «Ситроен». Мягко заурчал мотор, и машина скрылась за фонтаном, струи которого мешались с косыми струями дождя.

Леонид вернулся в церковь.

Преподобный Бернье сидел на скамье с опущенной головой, погруженный в молитвы или размышления.

— Ну что, Лео, — сказал он, поднимаясь навстречу вошедшему, — похоже, мне предстоит искать нового сторожа?

Борисов пожал плечами:

— Я и не думал об этом, святой отец.

— А что тут думать. Такое везение не бывает случайным. Здесь явно видна рука Провидения. Один из величайших музыкантов нашего времени удостоил вас своим вниманием. Думать тут нечего. Тут нужно благодарить Господа нашего за предоставленную возможность. Думаю, вас ждет большое будущее.

— Не стоит загадывать. Поживем — увидим.

— Вас что-то смущает? Вы не уверены в своих силах?

— Да нет, в своих силах я уверен. Вернее, был уверен до сегодняшнего вечера. Но после того, как услышал игру маэстро... Знаете, я вдруг почувствовал, как ничтожно все, что я умею. Ничтожно перед настоящим мастерством. Я, конечно, понимаю, что путь к совершенству требует времени и старания, но раньше как-то не задумывался, насколько далек этот путь.

— Дорогу осилит идущий, — улыбнулся священник, — нужно не терять веру в правильность выбранного пути. Спокойной ночи, Лео.

— Спокойной ночи, святой отец.

Леонид закрыл дверь за ушедшим священником и долго бродил перед алтарем, не зная, чем заняться. Спать не хотелось. Хотя было ясно, что отдохнуть необходимо. Ведь завтра — очень ответственный день.

«В одиннадцать утра приходите в «Палас Гарнье». Директор будет вас ждать», — зазвучали в памяти слова маэстро Вебера.

Леонид мечтательно улыбнулся. Он представил себя во фраке со скрипкой в руке. Он увидел огромные афиши со своим именем, переполненные зрительные залы, восхищен-

ные лица оркестрантов. Он явственно услышал чарующие звуки Сорок Первой симфонии.

И все-таки что-то мешало полностью отдаться счастью в предвкушению успеха. Леонид вновь и вновь перебирал в памяти минуты прошедшего вечера, пытаюсь поймать это дискомфортное ощущение, понять, что же было не так. И ничего не находил. Все было просто, открыто и замечательно.

За чаем маэстро Вебер рассказал, что с детства испытывал теплые чувства к России. Его отец во время войны был в отряде, где кроме французов, сражались и русские. Однажды боши чуть было не схватили отца. Он был ранен и спасся только благодаря русскому товарищу — Кириллу Медведеву. Так что в семье Веберов советских солдат всегда вспоминали с уважением и благодарностью.

Маленький Вебер даже побывал однажды с отцом в гостях у русского друга — в Сталинграде. В памяти до сих пор остались заросшие полынью окопы и дзоты на Мамаевом кургане, длинные просмоленные лодки на Волге, тарелки с черной икрой и опера Чайковского в музыкальном театре.

И еще — блестящий перламутром аккордеон дяди Кирилла, на котором тот играл каждый вечер. А по утрам учил играть на нем маленького французского гостя. И умилялся, предрекая мальчику большое будущее.

«По сути, это был мой первый учитель, — задумчиво произнес маэстро. — Кто знает, как сложилась бы моя судьба, не будь той поездки в Сталинград...»

Леонид вспомнил, что именно после этих слов маэстро Вебер попросил его сыграть что-нибудь. Леонид растерялся, но, тем не менее, сумел взять себя в руки и решил показать все, на что способен.

И он выбрал самое трудное, что пришло в голову — «Последнюю розу лета» Эрнста.

Несколько минут маэстро слушал с отрешенным лицом и закрытыми глазами, затем знаком остановил Борисова и сказал, что во Франции стало одним настоящим музыкантом больше.

И он предложил Леониду работу по специальности, заявив, что природный дар нуждается в постоянном совершенствовании, а в бездействии даже самый большой талант увядает.

Нет, все было просто замечательно. И нет никакого повода для беспокойства. Наверное, он просто немного устал от обилия сегодняшних впечатлений. Борисов несколько раз

глубоко вздохнул, отгоняя неясные сомнения, и переключился на размышления о завтрашнем дне.

Прошел месяц. Месяц стремительных перемен. Работа в «Гранд-Опера» помогла Леониду быстро получить известность в музыкальных кругах. И не только парижских.

Всего через три недели игры в оркестре он получил несколько предложений подписать договор на сольные выступления. Буквально за неделю он стал самым модным скрипачом французской богемы. Париж был завоеван. На Леонида обрушились репортеры, антрепренеры и безумные гонорары.

Первым делом Борисов купил небольшую квартиру на бульваре Капуцинов и пригласил на новоселье маэстро Вебера и преподобного Бернье. Маэстро вежливо поблагодарил, но сослался на ужасную занятость, а священник с радостью принял приглашение.

Леонид накрыл по-русски обильный и по-французски изысканный стол. Святой отец воздал должное и напиткам и закуским. Леонид старался всячески поддерживать у гостя хорошее настроение, но Клод Бернье как профессиональный психолог все же заметил, что глаза у Борисова оставались грустными.

— Что с вами, Лео? — наконец, не выдержав, спросил он.

Леонид пожал плечами:

— Да нет, все нормально. Устал немного. Ездил сегодня в Сен-Женевьев-дю-Буа.

— Тогда понятно. И теперь вас, конечно, одолевают мысли о вечном.

— О вечном? Скорее, о быстротечном. Какая-то пустота внутри.

Леонид бросил в шампанское кусочек ананаса и, наблюдая за движением пузырьков газа, продолжал:

— Знаете, святой отец, ведь, вроде, всё идет лучше некуда. Достиг того, чего желал. Кажется, должен радоваться. А радости нет. Есть сомнения: а того ли я желал? Для чего всё? Раньше у меня была цель. Я верил в свое предназначение — нести музыку людям. Но, возможно, я принимал желаемое за действительное. И нет никакого предназначения. А есть просто кое-какие музыкальные способности. И всё. А дальше — просто слепая удача. Или, наоборот, неудача. И нечего придумывать себе высокие цели. А нужно просто жить как все. Но вот ведь какая штука: я уже не хочу жить как все. Мне скучно жить как все. Сегодня у могил русских эмигрантов я понял, что такие же мысли одолевали людей и до меня. И наверняка будут одолевать после. И нет просвета.

Борисов замолчал.

Священник задумчиво гонял по тарелке бусинку красной икры и, казалось, полностью ушел в это занятие. Однако через минуту ему все-таки удалось подцепить вилкой упругую бусинку. Удовлетворенно вздохнув, он сказал:

— Если бы вы знали, сколько раз мне приходилось слышать такие речи. Человек, наделенный способностью мыслить, рано или поздно задумывается о смысле жизни и рано или поздно испытывает подобные чувства. И это естественно, Лео. Люди, которым это не знакомо, несчастные люди. Хотя по большей части сами они этого не осознают. И могут быть вполне довольны жизнью. Но вот доволен ли ими Господь, это вопрос. А что касается вас, Лео, то вам грех жаловаться. Господь наделил вас талантом. Для какой цели — мы можем только гадать... Пути Господни неисповедимы. Но уже то, что Бог привел вас именно в нашу церковь, устроил вашу встречу с маэстро Вебером, помог вам получить известность — всё это трудно объяснить просто случайностью. Мне ясно видится здесь Божий промысел. У Господа на вас большие виды, Лео. Вы должны гордиться и испытывать благодарность. А сомнения ваши вполне понятны. Вы прошли тот отрезок жизненного пути, который ясно представляли себе. В раздумьях, в мечтах. Вы шли к ясной и понятной цели. И вот дошли. А теперь перед вами дверь в новое, еще неведомое. И вся жизнь человека — это, по сути, переход от одной двери к другой. Иные двери открывают резко, даже не задумываясь, что за ними. Перед другими долго стоят в раздумье, или же робко стучат, ожидая ответа. Вы сейчас именно в такой ситуации. Все образуется. Это хорошо, что вы задумываетесь. Может быть, не осознавая этого, вы думаете, стоит ли открывать дверь, перед которой вы стоите. И Бог оставляет вам сделать свой выбор. А ведь для многих двери открываются автоматически. Как в метро. И тогда от человека уже ничего не зависит. А вам предстоит сделать выбор. У вас есть талант, есть здоровье, есть молодость. С таким набором можно смело отправляться в путь.

Борисов улыбнулся:

— Благодарю вас, святой отец. Я обдумаю ваши слова. Я понимаю, что мне грех жаловаться на судьбу. И многие хотели бы поменяться со мной местами. Но в глубине души я понимаю и то, что многое получено мной незаслуженно. Еще в первую встречу с маэстро Вебером, когда он потряс меня своей игрой и своим участием в судьбе незнакомого ему человека, какое-то смутное беспокойство долго не по-

кидало меня. Я не мог понять, в чем дело. Но не мог и отделаться от этого неприятного чувства. И только много дней спустя понял, что именно меня смущало. То, что мне просто повезло. А если бы у отца Вебера не было русского друга, а если бы в детстве маэстро не побывал в Советском Союзе, а если бы я не приехал из России, отнесся бы с той же благосклонностью знаменитый маэстро Вебер к церковному сторожу с музыкальным образованием? Весьма и весьма сомнительно. А на следующий день? Как я волновался, как выбирал, что сыграть на прослушивании в «Гранд-Опера»? Как будто я шел на экзамен. И что же? Никакого прослушивания не было. Меня тут же зачислили в штат. Рекомендация маэстро Вебера и не оставляла другого выхода. Думаю, и дальнейшие предложения посыпались не без участия маэстро. Я, конечно, благодарен ему, но только в мечтах я совсем не так представлял себе признание. Я надеялся, что не лишен таланта, и что именно этот талант будет оценен.

— По-моему, в вас говорит гордыня, друг мой. Вам обидно, что вам помогли добиться успеха. Но ведь талант ваш все-таки разглядели. Не будь его, никакие рекомендации не позволили бы вам взойти на музыкальный Олимп.

— Я тоже тешил себя такой мыслью. Но вчера прочел в «Фигаро» занятную историю. В Вашингтоне журналисты провели эксперимент с участием Джошуа Белла. Он считается лучшим скрипачом Америки. Известнейший музыкант, билеты на концерты которого расходятся моментально и стоят не ниже ста долларов, около часа играл в подземном переходе метро, изображая уличного музыканта. Он исполнил лучшие произведения Крейсlera, Шуберта, Массне и Баха на скрипке Страдивари. Тысячи людей проходили мимо, но большинство не обращало на знаменитого скрипача никакого внимания. И лишь некоторые бросали деньги в скрипичный футляр. Маэстро сумел заработать аж 32 доллара. Вот она, цена таланта. Журналисты ожидали огромной толпы, ажиотажа, запланировали даже вызов полиции. А на деле — полнейшее равнодушие. И это в Вашингтоне, который считается одним из самых музыкальных городов Америки. Как вы думаете, святой отец, если бы подобный эксперимент был проведен в Париже, результат сильно отличался бы от американского?

— Не сомневаюсь, — с достоинством ответил священник.

— А я не уверен. Я слишком долго жил музыкой. Только музыкой. А ведь у людей есть много других интересов. И впло-

не логично, если то, что ценно для одних, для других — всего лишь дань моде или вообще пустое занятие. И возникает вопрос — а есть ли они, общечеловеческие ценности? Я решил, что музыка — это мое призвание. И я уже вряд ли пересмотрю это решение. Но все чаще приходит мысль: а стоило ли уезжать из России? И долго ли будет жить музыка в душе человека, потерявшего связь с Родиной?

— О чем вы говорите, Лео? У музыки нет национальности.

— Возможно. Но у меня есть, — задумчиво сказал Леонид.

После ухода священника Борисов долго стоял у окна и смотрел на город. Мигающие витрины, летящие огоньки автомобильных фар, людская чехарда у входа в метро, театр Гарнье с огромными освещенными окнами — всё гармонично сливалось в единую симфонию, пока еще неясно звучащую в голове. Симфонию прекрасную, волнующую и в то же время чужую.

«Париж — это праздник, который всегда с тобой», — всплыли в голове слова Хемингуэя.

Леонид усмехнулся и отошел от окна.

Этой ночью ему снились двери. Длинная череда дверей. И открывались они автоматически.

МИНИАТЮРЫ

ЗЛЫХ ЛЮДЕЙ МНОГО

— Мама! А это правда, что я у вас с папой неродной?

— Да что ты, сыночек! С чего это ты взял?!

— Тётя Маша с третьего этажа сказала.

Коленька смотрит своими голубыми глазками и ждёт — что ответит мать.

— Что ты, что ты, мой милый! Родной ты мой! Да ты только в зеркало на себя погляди — глазки у тебя синие, мои, а нос — папин! А рот — бабушкин! А лоб — тоже папин! Что ты, мой мальчик! Не верь никому, что там злая тётка болтает!

Она прижала его к себе, к своей груди и начала гладить сморщенными пальцами редкие седые волосы на полысевшем черепе сына. Так же, как и тогда — раньше, когда Коленька был ещё маленьким. Эта Машка — стерва, дрянь баба. Самой Бог детей не дал, вот она и лопнуть от злобы готова. Потолок нам ещё осенью залила, а платить за ремонт всё не хочет. Из ЖЭКа уже и прораб приходил с бригадиром, и акт составили, а Машка эта — ни в

ПРОЗА

какую! За копейку удавится. Упёрлась — и не хочет платить. А теперь ещё вон чего наговорила. Совести совсем нет — большого человека тревожить. Ишь, придумала — будто Коленка не наш! А то чей же ещё?!

Сынок успокоился, затих, заулыбался. Слава Богу, забыл. Так всегда бывает — прижмёшь его к себе крепко-крепко, к материнской груди — он и позабудет всё нехорошее.

Ей припомнился тот далёкий день, когда они впервые с Васей принесли домой спелёнутый свёрток с маленьким Коленкой. Тогда, полвека назад, дом их был совсем новым, а в палисаднике у подъезда стояли скамейки. Все соседи поздравляли их с новорождённым, а покойный Иван Кузьмич тогда ещё прошептал — мол, лучше бы вы, ребята, переехали отсюда куда подальше, в другой какой район. А то мало ли что — злых людей на свете много!

ДЕРЕВО

Мальчик посадил дерево. Оно было таким же маленьким, как он сам. Но случилось так, что потом он очень долго там не был. Навалились разные дела, и всё некогда было съездить и посмотреть, принялось дерево или нет. Когда его везли в больницу, карета «скорой помощи» проезжала как раз в том самом месте. «Погоди! — попросил он внука, — пусть они остановят здесь на минуту, дай поглядеть!»

Вокруг огромного пня рядом с дорогой лежали совсем свежие опилки.

ПОДАРОК

— Из второго подъезда все уже съехали, а здесь вы один последний остались! Давайте быстрее, завтра кран уже пригоним!

Чиновник из управы с бумагами в руках нетерпеливо топчется на месте. Пустые проёмы окон смотрят во двор, по холодным комнатам гуляет ветер, водитель грузовика спешит. Всё, все вещи собраны. Что ещё выносить? А вон тот старый шкаф слева от печки — оставить? Шкаф стоит там, сколько он себя помнит — кажется, его никогда даже не сдвигали с места. Ну-ка, взяли вместе! И — раз! И — два! Дубовые ножки тяжело заскрипели по вздутым половицам. А что там за свёрток упал — это ваш? Какая-то пыльная коробка. Сейчас, сейчас! На отсыревшей открытке — улыбающийся медвежонок и выцветшие чернильные буквы с потёками. Что

ещё за письмо? Где очки? Ах да, в кармане. «Моему милому маленькому птенчику в день рождения! Мама».

Да кому же это? Когда? В коробке под ключьями пыли — что-то посеревшее, изъеденное молью. Крошечные детские рукавички и шапочка. Теперь уже не скажешь, какого они были цвета. Память закружилась и понеслась назад — всё дальше и дальше, к началу. Да сейчас я, сейчас! Уже иду!

Там, на самом дне прошлого — полузабытое лицо молодой улыбающейся женщины. Жаль, не осталось ни одной фотографии. С годами далёкий образ перестал быть чётким, потускнел и расплылся. Когда случился тот страшный день, ему было только пять лет. Даже меньше, почти пять. Значит, мама тогда успела приготовить ему подарок. Несостоявшийся сюрприз. Хотя нет, состоявшийся.

— Эй, отец! Долго тебя ещё ждать?

— Да иду я, иду!

— Что там за рухлядь нашёл? Бросай всё в угол!

— Нет, это я возьму с собой.

— Ну, как знаешь. Давай скорее, отъезжаем!

ДЕДУШКА

В эту ночь ему приснился дедушка. Дедушка ласково улыбался своей беззубой улыбкой, укоризненно качая белой, как снег, головой и показывая сморщенным пальцем на часы. Вокруг старых глаз лучились знакомые морщинки. Он сразу вспомнил, когда это было — в далёком раннем детстве. Дедушка собирался повести его в зоопарк смотреть на зверей, но он тогда почему-то задержался и опаздывал. Утром позвонил сестре:

— Привет! Давай съездим к деду, давно у него не были.

— Как, прямо сейчас? Может быть, до весны подождём?

— Нет, не надо ждать! Давай в это воскресенье.

Конечная остановка трамвая на далёкой окраине. А где же ворота и ограда? Всё разворочено, и экскаваторы роют огромный котлован. На фанерном щите вежливая надпись: «Извините за неудобство! Строительство ведёт такое-то СУ».

Прораб в ватнике прокричал им в ответ: «Да где же вы были раньше! Ещё на той неделе перезахоронения закончились! И то, сколько раз сроки переносили. Газеты надо читать!»

СПАСИТЕ МИР!

Что-то тревожное творилось вокруг. Мир, такой привычный и казавшийся вечным, вдруг обветшал и начал рассы-

паться на глазах. Жить в нём становилось уже опасно — об этом писали все, во всех газетах. И надо было срочно его спасать — спасти всем миром, всем вместе! В газете был напечатан счёт, на который надо послать деньги — кто сколько может. И она аккуратно вырезала это место ножницами и спрятала бумажный прямоугольник в кармане пальто. Конечно, жить теперь трудно, но надо же что-то делать! Каждый должен в меру своих сил — иначе мир безвозвратно пропадёт и рухнет в бездну. С тяжёлым чувством по утрам она слушала на кухне новости, звучащие из старой чёрной тарелки над буфетом. Мир держался из последних сил, а помощь всё не шла. Надо отложить хоть что-то. Я отложу, другой отложит — так, глядишь, и наберём все вместе, поможем делу. Через день — уже пенсия, а осталось ещё целых сто рублей. За свет и газ уплачено, а в магазин можно не ходить — холодильник полный.

— А вы зачем сегодня пришли? — строго спросили её в окошке сбербанка. — Вам послезавтра!

— Да нет, я хочу спасти мир — вот деньги!

Она протянула сложенную вдвое сотенную бумажку и вырезанный счёт из газеты.

— Да ты что, тётка! С ума, что ли, сошла? Вот же люди, прямо с ума все посходили! Да не чуди ты, ради Бога, забирай свои деньги обратно! Лучше конфет себе купи! — Пухлая рука высунулась из окошка и бросила её бумажку обратно на тарелочку.

В эту ночь в далёком чёрном космосе нарастал тревожный гул. Огромная старая станция, не дождавшись обещанной помощи, сходила с орбиты. Вперёд — и вниз, и — всё ниже, ниже, сквозь плотные слои, нагреваясь и падая, всё дальше и дальше, разлетаясь на тысячи светящихся осколков и сгорая, вперёд и вниз — в бездонную глубину Великого Тихого океана.

ХОРОШАЯ КОМНАТА

Счастье, счастье-то какое! Танечка ждёт малыша! Никогда ещё не было так хорошо и светло на душе. Счастье разрастается на глазах, словно большая сказочная птица, и заполняет собою весь мир. Или — нет, не птица, а цветной воздушный шарик, который ликует и прыгает во все стороны. Надо купить картошки. Всё последнее время она летает, словно на крыльях, и улыбка не сходит с лица. Забыла вчера заплатить за квартиру, закрутилась. На сегодня ещё остался

борщ, завтра будет рассольник. Она всегда мечтала о большой семье. Жалко — Петя не видит, не дожил. Внук Коля женился только в прошлом году, и вот — уже прибавление! Правда, обе комнатки у них небольшие по нынешним временам, ну да это ничего. В тесноте да не в обиде. Они будут с дочкой в проходной, а молодые с маленьким — в крайней. Да, надо ещё вещи забрать из химчистки, детям всё некогда.

В последнее время они как-то пристально на неё глядят, и всё шепчутся за её спиной. А она-то уж знает, уж знает, в чём дело! Через две недели — восемьдесят, юбилей. И они, дорогие мои птенчики, уже что-то надумали! Думают, как порадовать бабушку. Что-то готовят, переговариваются, секретничают друг с другом. Ешьте, ешьте, милые мои! Да не надо мне ничего, ничего не надо! Лишь бы только вы все у меня были бы здоровы! А бабушка-то уж постарается, уж как постарается! Надо будет коляску купить. Складную, чтобы в коридоре помешалась.

— Коленька! Тебе положить ещё?

— Бабуль! Мы давно хотели с тобой поговорить. Ты знаешь, у метро очень хороший пансионат построили! Ну да, то самое белое здание. Ну, не совсем пансионат — это что-то вроде санатория. Ты знаешь, там очень хорошие комнаты есть! Только на двоих, и с телевизором. Мы уже ходили туда с Таней, смотрели. Там все под наблюдением, и врачи осматривают! И мы к тебе приходим будем, навещать. Ты-то сама как думаешь? Да нет, это не срочно, не срочно! Места там ещё есть. Но ты подумай, ладно?

Шарик проткнули, и он сдулся. Трудно стало дышать.

— Да что ты, мама! Да мы просто так предложили! На-ка, выпей скорей капли! Коля! Говорила я тебе — не надо! Да это он просто пошутил, не бери в голову! Ну, как? Тебе уже лучше?

ВЕДЬМА

Вот ведь противная старуха — заняла с самого утра переход и не уходит! «Подайте, Христа ради!» Сидит и ноет со своей консервной банкой. И все подают ей, а не мне, хотя я маленький. А ей не надо — она старая и всё равно умрёт. Седые клочья у неё из-под платка висят, и бородавка на носу, и зуб торчит такой страшный. Прямо как ведьма на картинке из той книжки в интернате. А мелкий колючий снег всё сыплет и сыплет. Надо подойти незаметно с той стороны. Тихо-тихо, медленно-медленно, а потом сразу рвануться и побежать вон туда — в сквер. Она всё равно не догонит. По-

тихонечку, гляжу как будто на остановку, — шаг, ещё шаг. Ах, чёрт! Ведьма снова переставила банку на другую сторону, теперь надо всё сначала начинать.

«Помогите, люди добрые! Сыночек у меня помер, внуки малые остались!» Врёт она всё, нет у неё никаких внуков. А потом вечером придёт за ней мужик в пушистой шапке и банку заберёт. И она уйдёт вместе с ним — опять как вчера. Теперь вон по тем ступенькам надо сзади подойти, подобраться. Старуха всё равно не увидит, глаз на спине у неё нет. Ведьма чёртова! Злая, подлая бабка! Если бы не она, сейчас уже пятьдесят рублей было бы! А может быть, и все семьдесят. Сердце сильно стучит и колотится, старухина спина в чёрном зала-танном пальто — совсем рядом. Теперь только руку протянуть. Нет, ведьма вдруг резко поворачивается и привстаёт на месте. Звенящая мелочью банка снова перемещается влево. Чёрт, как же холодно — изо рта пар идёт. Живот сводит, и ноги совсем закоченели. Да когда же, наконец, весна начнётся? Сколько ещё ждать? Старуха снова ноет и торопливо крестится, а монеты всё звякают и падают в её банку. Сколько их там уже? Да зачем ей так много?

— Эй, малой!

Он поднимает глаза: это сама ведьма его зовёт. Смотрит на него в упор, ощерилась своим беззубым ввалившимся ртом. Смеётся, что ли?

— Слышь, милок! Ну-ка, давай сюда ко мне! Чего дам-то — хлеба дам! Оголодал, поди, касатик? На вот, поешь!

Страшная старуха зовёт и улыбается. Тянет к нему трясу-щуюся руку, а в руке — серая краюшка.

В горле закололи иголки, и щёки обожгло странное не-знакомое чувство. Он повернулся и стремглав бросился бе-жать. Прочь, скорее прочь от этого места!

ПЕРВОЕ СВИДАНИЕ

Однажды солнечным утром он впервые зашёл в этот мага-зин, и молоденькая продавщица в белой шапочке ласково спросила, чего он хочет. Он засмотрелся в её васильковые глаза и позабыл, зачем пришёл. С тех пор он часто туда за-глядывал, хотя ближе к дому был другой. Эта девушка улыба-лась ему, словно сказочная фея, и в улыбке её расцветал це-лый мир. Он вдруг подумал, что не так уж и стар, и что всё ещё можно изменить и начать сначала. Улыбаясь в ответ, он каждый раз спрашивал одно и то же — сосиски и сыр. Фея смотрела с любовью и нежностью. Она словно радовалась,

когда он появлялся, и сияла своей лучезарной улыбкой маленького ангела. Он уже знал, что зовут её Маша. И надо было заговорить с ней о чём-нибудь другом, кроме сосисок и сыра, пригласить куда-нибудь в кино или на концерт, но в горле всякий раз пересыхало, и слова не шли. «Здравствуйте, Маша! Мне полкило сыра, пожалуйста!»

Прошло лето, потом зима, потом снова лето. Маша всё так же доставала сыр из холодильника за прилавком, а глаза её смотрели ему в самую душу. По коже пробежал холодок, и голова слегка кружилась. Наконец, как-то раз он решился и, запинаясь и краснея, предложил ей встретиться. Маша ласково улыбнулась, словно знала заранее, что он скажет. Договорились: в ближайшее воскресенье в двенадцать часов у фонтана на площади напротив магазина.

В то утро он летал как на крыльях. Впервые за много лет достал из комода свой красивый костюм, который даже ничуть не полинял. А ещё — надушился одеколоном и посмотрел на себя в зеркало. А он и вправду был ещё вполне ничего, даже очень.

И вот она — площадь, какая-то весёлая ватага. Все открывают шампанское и хором кричат ура, а в центре стоит его прекрасная фея в белоснежном платье до пят и с фатой.

Кто-то взял его за плечо:

— Вы тоже с нами? Это вы — свидетель жениха? Давайте скорее, опаздываем! Садитесь в машину, вас одного ждали!

Розовая сказка вдруг рассыпалась в осколки, и стало ясно, что ничего уже не будет, и ждать больше нечего. Он повернулся и пошёл не оглядываясь. За спиной ещё долго звучал молодой смех — залиvistый и звонкий, словно колокольчик.

ГРЯЗНАЯ ИСТОРИЯ

Что ты хотел тогда сказать? Теперь уже не вспомнить точно. Теплоход с долгим гудком медленно отходил от причала. Убрали трап. Она стояла у перил и улыбалась. Алый её платочек развевался, словно маленький флажок. Ты весело махал ей рукой и вдруг подумал, что этого уже не будет никогда. Такого ясного утра и залитой солнцем пристани. Надо было срочно что-то сделать. Рвануться в кассу и купить ещё один билет, чтобы поплыть вместе. Или просто без билета вскочить на палубу. Или хотя бы крикнуть что-то важное вдогонку, но в горле тогда застрял шарик. Теплоход отплыл и растворился в тумане последующих лет и всяких событий. И алый флажок, как маячок вдалеке, навсегда погас и почти забылся.

Полжизни. Полжизни прошло без неё — доброго ангела твоей юности. Все мы делаем ошибки, успокойся. Найдёшь кого-нибудь ещё. Вот он — общий знакомый из прошлого. Встретился, наконец, спустя столько лет. Они, кажется, были с ней соседями.

— А где сейчас она? Ну, ты помнишь — та, которую мы провожали тогда на пристани?

— Ах, эта? Сидит ещё, должно быть. Или вышла уже по амнистии. Сам знаешь — женщин там долго не держат.

— Как сидит? За что?

— Ребята что-то говорили. Убила она кого-то, или заказала — точно не помню. Мужа своего, кажется. Восемь лет ей дали. Грязная какая-то была история.

ЧЕРЕПАХА И МАЛЬЧИК

Мальчику подарили черепаху. Он кормил её с рук вкусными травинками и накрывал шерстяным одеяльцем в холодные ночи. Потом мальчик вырос, состарился и умер. Теперь черепаху кормят его правнуки. Но ей всё равно — ведь для черепах все люди на одно лицо. Надо было подарить тогда собаку.

ДОБРАЯ КОШКА

Завелись мыши, и пришлось купить кошку. Но мышей она не ловит. Почему? Ленилась? Нет, она говорит, что ей их жалко. Так прогоните эту кошку! Какой в ней толк? Толку никакого нет. Только выгнать уже не можем. Жалко.

ПИСЬМО В ПРОШЛОЕ

Что это за пожелтевшее письмо столько лет пылится на почте? А его нельзя никуда доставить — оно отправлено по несуществующему адресу. Уже полвека как нет ни дома, ни даже улицы, написанной на конверте. Тогда зачем его хранить? Подожди — возможно, за ним придут из прошлого. Пусть ещё полежит.

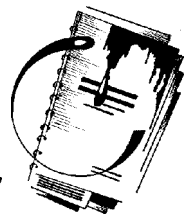
РЕВОЛЮЦИЯ ИОСИФА СТАЛИНА

7 ноября 1927 года стал первым днем сталинской революции, приведшей к изменениям и потрясениям, сопоставимым с событиями 1917 года. Именно в 1927 году, в день, на который по новому стилю пришлось круглая дата — десятая годовщина событий осени 1917 года был впервые официально введен термин «Великая Октябрьская социалистическая революция». До этого события 25 октября (7 ноября по новому стилю) 1917 года официально именовались «Октябрьским переворотом». Этот день стал днем разгрома «старой гвардии» Ленина—Троцкого и началом замены ее на вершинах власти людьми Сталина. Произошло это после того, как 7 ноября 1927 года провалилась попытка переворота, подготовленного оппозицией.

Бывший британский резидент в Советской России, известный курсантам разведшколы MI-6 как мистер Джонс, сделал небольшую паузу. Убедившись, что окончательно завладел вниманием присутствующих в аудитории одного из учреждений на Барэ-стрит в Лондоне, он продолжил:

— Как и события 1917 года этот день стал революционной кульминацией войны.

ДОСЬЕ "МГ"

Правда, войны специфической, внутривластной, ведущейся между Сталиным и оппозиционерами. Самое острое противостояние имело место на уровне идеологическом — между «построением социализма в одной стране», за который ратовали сталинисты, и «мировой революцией», в которой Советской России отводилась роль «вязанки хвороста» для разжигания глобального пожара, за что ратовали Троцкий и прочие оппозиционеры. В открытую фазу схватка стала переходить в начале 1927 года, грозя ввергнуть только-только пережившую страшные потрясения страну в пучину новых катаклизмов. Как и полагается предшественнице революции, война эта велась на взаимоуничтожение, практически на всех фронтах — видимых и невидимых — политико-идеологических, финансово-экономических и так далее. А начиналось все так...

— ...Коба, мы тут все свои, старые партийные товарищи, запомни: если что, я тебе уши отрежу!

Бросая в спину Сталину эти слова, уже ставший благодаря многотиражной «Правде» «легендарным червонным казачком», Дмитрий Аркадьевич Шмидт изобразил, как выхватывает саблю из ножен.

Многие заулыбались. Со стороны группки военных, подобно Шмидту активно симпатизировавших Троцкому, донесся издевательский смех.

Уже направившийся к выходу Сталин, услышав сказанное, задержался у порога лишь на секунду. После чего вышел. Так и не произнеся в ответ ни звука.

Близкие друзья Шмидта — командующий вооруженными силами Украинской ССР и Крыма Иона Эммануилович Якир и недавно вернувшийся из Китая военный советник Виталий Маркович Примаков — понимающе переглянулись. Кто-то из обступивших Шмидта (кажется, кандидат в члены ЦК ВКП(б) Мартемьян Никитич Рютин) одобрительно загалдел:

— Ну, ты, Демьян, и дал огня! По-нашему, по-большевистски!..

— И правильно, товарищи! А то, глядишь, этот кавказец совсем на голову сядет. Извращает учение товарища Ленина до абсурда. Так и до узурпации власти недалеко.

— Не бойсь! Не успеет! Недолго ему осталось...

И вот другой эпизод, чуть позже:

— Весна этого 1927 года отмечена сенсационным для западного обывателя разоблачением советской разведывательной агентуры в восьми (слово «восемь» докладчик — заместитель председателя ОГПУ Генрих Генрихович Ягода — особо выделил интонацией) странах одновременно!

— Тогда же Сталин позволил себе впервые резко отозваться о Коминтерне, функционеров которого на заседании Политбюро обозвал «нахлебниками, живущими за наш счет», — шепотом поделился информацией сосед Ворошилова Молотов.

Ягода продолжал:

— К началу лета 1927 года резко обострились дипломатические отношения с Англией. После их разрыва, особенно после панических речей Бухарина и высказываний Троцкого в духе, что иностранная интервенция будет способствовать передаче власти в руки «истинных революционеров», а также поползших упорных слухов о скорой войне, городское население резко увеличило закупки продовольствия. Резко возросло количество актов саботажа на железных дорогах, электростанциях, телефонных сетях и телеграфе. К началу осени лишенное дешевых товаров крестьянство, столкнувшееся с неблагоприятной политикой цен, резко снизило продажу зерна государству. В итоге государство недобрало 128 млн. пудов зерна. В городах появились огромные очереди за продуктами, резко усилился товарный голод. Впереди замаячил грозный призрак всеобщего голода.

— Это что ж, получается — страна, как и в 1917-м, очутилась на грани новой революции? — сообразил Ворошилов. — Это потому Шмидт энтот, троцкист хренов из «казаков носатых», смелый такой?

— Каких казаков? — недопонял Каганович.

— Каких, каких... «Червонных казаков». Троцкистов примаковских. Тех, у которых не лбы чубатые, а носы горбатые. Семен, скажи, — Ворошилов толкнул в бок друга Буденного.

Сталин молча оглянулся и оглядел сподвижников. Сразу же воцарилась тишина.

— Продолжайте, товарищ Ягода.

— Проиграв во внутриаппаратной схватке, Троцкий, Каменев, Зиновьев и прочие оппозиционеры решили взять власть иным путем, — продолжил Генрих Генрихович, — в ноябре этого года. Они рассчитывают, что 7 ноября станет днем начала новой, «настоящей» революции. Троцкий остается верен тактике десятилетней давности: на штурм государственных высот он хочет бросить не толпу, а тайно сформированные особые отряды. Заговорщики называют их «Красной гвардией». Их вожди планируют захватить власть не путем открытого восстания рабочих масс (которые, разумеется, их не поддерживают), а в результате «научно подготовленного» государственного переворота.

— Как это было 25 октября 1917 года? — переспросил Каганович, — кстати, если не ошибаюсь, Троцкий родился именно в этот день.

— Именно так, — подтвердил Ягода. — Готовящие переворот настолько уверены в своей победе, что даже особо не скрывают этого. Все слышали, как троцкист Шмидт публично оскорбил, пообещав лично «отрезать уши», товарища Сталина. Еще недавно бывший одним из (как ему казалось) «всесильных» руководителей партии Каменев вчера клятвенно заверил Троцкого, что «все пройдет как задумывалось». Цитирую дословно донесение Эльсберга, личного секретаря Каменева: «Как только вы появитесь на трибуне рука об руку с Зиновьевым, партия скажет: «Вот Центральный комитет! Вот правительство!».

— И что, Троцкий верит в это? — осторожно поинтересовался дипломатичный Молотов.

— Безусловно. Наши органы умело создают и поддерживают подобные иллюзии с помощью проверенных и честных товарищей. наших агентов. Вроде товарища Эльсберга. Заговорщики попытаются спровоцировать и выступления на Украине, куда в начале ноября 1927 года выехал их эмиссар Х. Раковский, посетивший Харьков, Днепропетровск и Запорожье. Волноваться, разумеется, не следует. Там, как и в столице, ситуация также полностью контролируется органами... Теперь, что касается собственно планируемого на завтра, 7 ноября, переворота. Он должен начаться с захвата технических узлов государственной машины и ареста народных комиссаров, членов центрального комитета и комиссии по чистке (как они ее называют) в партии. Заниматься этим должны специально сформированные отряды «красногвардейцев» Троцкого. Именно поэтому, товарищи, просьба ко всем присутствующим — сегодня остаться ночевать здесь, в Кремле. Дезактивацией «Красной гвардии» заговорщиков займется специальный отряд ОГПУ. Невидимому натиску Троцкого мы противопоставим невидимую оборону.. Все будет сделано тихо, чтобы не тревожить массы трудящихся, отмечающих первое десятилетие великого праздника нашей революции.

В этом месте докладчик сделал небольшую паузу, отхлебнув воды из стакана.

— В нашу пользу говорит и то, что согласно донесениям наших источников, Троцкий слишком презирает нынешнего руководителя ОГПУ товарища Менжинского. Троцкий слишком высокого мнения о себе, чтобы считать Вячеслава Рудольфовича, которого не ставит ни во что, достойным противником, — еще раз почему-то повторился Ягода.

— Еще бы! Откуда Льву Давидовичу знать, что уже полностью опустившийся к этому времени, действительно вызывающий презрение даже у старых знакомых, превратившийся в законченного наркомана Менжинский, уже давно ис-

пользуется в качестве ширмы собственным заместителем Ягодой, постепенно прибирающим к рукам весь аппарат ОГПУ, — тихо шепнул Молотов Буденному, известному своей нелюбовью к чекистам.

— Я слышал, что он какие-то гроши вернуть должен. Те, что в бытность первым красным наркомом финансов у буржуев забрал и народу вернуть забыл. Никогда не верил бывшим дворянчикам, — так же тихо ответил Буденный.

И вот наступил день 7 ноября 1927 года.

Лев Давидович Троцкий встретил его в прекрасном настроении. И пребывал в нем, как показали последующие события, слишком долго. Несмотря на то, что первые же полученные сообщения наводили на размышления.

Направленные на захват и изоляцию верхушки сталинистов «красногвардейцы» Троцкого просто никого не застали дома. (Когда Льву Давидовичу станет известно, что все они укрылась в Кремле, где Сталин, холодный и невозмутимый, ждал исхода борьбы между силами заговорщиков и специальным отрядом ОГПУ, будет уже слишком поздно.)

Пока спешно вызванные на работу в праздничный день, ничего толком не понимавшие сотрудники ОГПУ обеспечивали безопасность политических и административных органов, Ягода от имени Менжинского сосредоточил силы своего специального отряда на защите технических центров. Этого Троцкий также не предвидел. Он слишком поздно заметит, что враги сумели извлечь урок из событий октября 1917 года.

Когда Льву Давидовичу сообщат, что попытка захвата телефонных станций, телеграфа и вокзалов провалилась и что события принимают непредвиденный, необъяснимый оборот, он сообразит, что его акция натолкнулась на систему обороны, не имеющую ничего общего с обычными мерами, но все еще не отдаст себе отчета в реальном положении вещей. И лишь узнав о неудавшейся попытке захвата московской электростанции, он круто изменит план действий, попытавшись перенацелить силы заговорщиков на политическую и административную сферы. Уже узнав, что не может рассчитывать на свои штурмовые отряды «красногвардейцев», отброшенные и рассеянные неожиданным и яростным сопротивлением, он решит отказаться от своей излюбленной тактики и направить все усилия на разжигание всеобщего восстания. Троцкому все еще казалось, что он, после смерти Ленина, остается фигурой, способной увлечь за собой массы, так же, как в 1917-м.

Но и эта затея кончилась полным крахом. Выступление оппозиционеров в Москве было рассеяно милицией. По-

пытавшегося обратиться к колоннам демонстрантов перед Зимним дворцом Зиновьева освистали, не дав ему говорить, а Троцкого, попробовавшего с балкона гостиницы «Националь» привлечь внимание колонн, двигавшихся к Красной площади, забросали камнями. Полным крахом окончилась и попытка выступления на Украине. После разгрома заговорщиков и победы на политико-идеологическом фронте, сталинцы с помощью чекистов предприняли широкомасштабное наступление на фронте финансовом. Самая жаркая схватка разгорелась вокруг тайных счетов «неподкупных ленинцев», бывших ключевыми фигурами в финансировании партии во время Первой мировой войны. Уже спустя 8 дней после неудавшегося переворота, 15 ноября, Троцкий и Зиновьев были исключены из партии. Шеф ОГПУ Менжинский по линии ЦК был вызван в Центральную Контрольную Комиссию, где ему задали ряд вопросов о его деятельности на финансовом, чекистском и дипломатическом поприще в 1917—1920 гг. Больше всего спрашивавшие интересовались суммами, прошедшими в то время через руки первого «красного банкира». Видимо, от внезапно нахлынувших воспоминаний у Менжинского случился сердечный приступ. Это позволило упрятать его под домашний арест, а фактическое руководство чекистским аппаратом и следствием перешло непосредственно к заместителю Вячеслава Рудольфовича Г.Г. Ягоде и его людям.

Чтобы несколько освежить память Менжинского, ему была устроена очная ставка с бывшим послом в Германии А.А. Иоффе, которому посоветовали «навестить старого, больного друга». Навестив друга, Адольф Абрамович 16 ноября застрелился, написав в предсмертной записке: «Я не сомневаюсь в то же время, что моя смерть более полезна, чем продолжение моей жизни». (Вместо него, с подачи Ягоды, содержавшегося на подмосковной даче Менжинского стал почти каждую неделю навещать другой красный олигарх Я. Ганецкий, который за 4 последующих месяца посещений «старого партийного товарища» полностью поседел и стал жаловаться на пошатнувшееся здоровье.)

17 ноября 1927 года Постановлением Совета Народных Комиссаров СССР Л.Д. Троцкий был освобожден от обязанностей Председателя концессионного комитета, а на его место был назначен малоизвестный В.Н. Касандров. Поражение Троцкого и его сторонников резко ухудшило условия деятельности в Советской России иностранного капитала. Международные проходимцы (А. Хаммер и другие аферисты, которых наша самая либеральная в мире западная пресса именует финансистами и «большими друзьями Советско-

го Союза») поняли, что время, когда придется «сматывать удочки», — не за горами.

Что же касается левой оппозиции, то ее «системный» разгром завершился в декабре 1927 года на XV съезде РКП(б), утвердившем решение об исключении из рядов партии сторонников Троцкого, Зиновьева и Каменева. После этого оппозиционеры изменяют тактику. Первым «порвет с оппозицией» Г. Сокольников, который уже на XV съезде заявил, что должен был «разойтись с оппозиционным блоком в силу коренных разногласий с ним» уже несколько месяцев назад. За это он был оставлен в составе ЦК, избранного на съезде.

Вслед за Сокольниковым капитулировали зиновьевцы, вождь которых согласился покаяться, отрекся от троцкизма и был восстановлен в партии, но потерял всякий вес. Из троцкистов примеру зиновьевцев последовала лишь незначительная группка, первым среди которой о раскаянии заявил Пятаков. После него «разорвали с оппозицией» Крестинский и Антонов-Овсеенко. По свидетельству троцкиста, а позже диссидента-антисоветчика Авторханова, «большинство оппозиционеров, заявивших о разрыве с оппозицией, сделало это для того, чтобы на деле продолжить борьбу за свои идеи. Троцкисты этого толка были во всех звеньях органов государственного управления, за исключением самого партийного аппарата и органов политической полиции».

Причиной заявлений о «раскаянии» стало то, что одумавшийся Троцкий передал через «раскаявшегося» Крестинского секретное, директивное письмо-указание всем исключенным из партии и отправленным в ссылку, чтобы каждый написал покаянное письмо в ЦК с признанием своих ошибок и правильности «генеральной линии партии». «Демон революции» требовал также в этом послании, чтобы его люди вернулись в партийные ряды и вновь заняли руководящие посты.

— А что было дальше, мистер Джонс?

— А дальше все было просто: Сталин закрыл открытую в СССР троцкистами сырьевую биржу и пустил значительную часть выкачивавшегося на Запад по смешным ценам сырья на нужды своей экономики. Америка оказалась в системном кризисе. В октябре 1929 года (первого года настоящей американской революции) в США наступает экономический крах. В Европе начали стремительное восхождение к власти Гитлер и его партия — в Нюрнберге в 1927 году. Масштабное финансирование западными корпорациями нацистов начнется в июле 1929 года...

— А Троцкий?

— Троцкий? Сначала нераскаившийся Лев Давидович был сослан в январе 1928 года в удаленный район Казахстана на границе с Китаем. А затем, в январе 1929 года выслан в Турцию, где проживал до середины июля 1933-го на Принцевых островах в приобретенной им вилле турецкого паши. Там, вскоре после высылки, Троцкий дал интервью немецкому писателю Э. Людвигу, на вопрос которого: «Когда вы рассчитываете снова выступить открыто?», ответил: «Когда представится благоприятный случай извне. Может быть, война или новая европейская интервенция, тогда слабость правительства становится стимулирующим средством». Характеризуя тогдашние цели Троцкого, премьер У.Черчилль позже напишет, что тот «стремился мобилизовать всех подонков Европы для борьбы с русской армией».

К моменту высылки Троцкого заместитель председателя ОГПУ Г. Ягода предоставил Сталину номера личных счетов (и цифры хранящихся на них сумм), принадлежавших красным олигархам из «старой гвардии» Ленина—Троцкого. Список олигархов у Сталина был не длиннее того, что имеется сейчас у любого латиноамериканского правителя. Упирались красные олигархи не очень долго.

— Допустим, олигархи были готовы вернуть наворованное. Но ведь западные банки не желали переводить деньги в Советскую Россию...

— И не надо. Сталин ведь тоже не перевозил миллиарды Ганецкого, Иоффе, Зиновьева и прочих пароходами в Россию. Ему нужны были только номера их банковских счетов. А на те швейцарские франки Сталин нанял американцев, немцев, англичан (увы!) и прочих шведов. Они завезли большевикам все необходимое оборудование. Привезли своих специалистов. И с блеском провернули индустриализацию всей Страны Советов. И рассчитывались с ними не в Москве, Магнитогорске или Сталинграде, а в Женеве и Цюрихе. Как говорится: считайте деньги, не отходя от кассы...

В конечном счете, практически все каналы многомиллиардной «утечки» за океан были перекрыты. Русское золото теперь потекло не в «артерии» западной и, прежде всего, американской экономики, а стало использоваться для построения социализма в одной стране. Оно стало фундаментом невидимой экономической революции, которая, по выражению Черчилля, позволит Сталину «принявшему страну с сохой, оставить ее с ядерными ракетами».

ВОРЫ ВО ВЛАСТИ

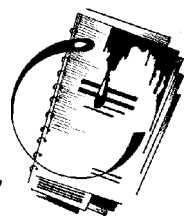
(Подборка материалов о коррупции в России)

О БЕГЛОМ ДИССИДЕНТЕ БОРОДИНЕ

Британия предоставила политическое убежище бывшему главе и совладельцу Банка Москвы Андрею Бородину — беглому банкиру, после бегства которого в балансе банка обнаружилась огромная дыра, то есть к доктору не ходи — сразу выдать: диссидент!

Два года назад в отношении Бородина и его бывшего заместителя Дмитрия Акулинина было возбуждено уголовное дело по факту мошенничества со средствами бюджета Москвы и выдачи необеспеченных кредитов. Нынешнее руководство банка оценивает ущерб в 510 миллиардов рублей. При этом сам Бородин, бежавший в Великобританию и объявленный в международный розыск по линии Интерпола, утверждает, что является жертвой политических репрессий. Как заявил Бородин: «Все уголовные процессы, ведущиеся против меня Россией, лишь оружие этого незаконного, политически мотивированного преследования. И британское правительство решило мне убежище предоставить». Летом 2011 года бывший глава Банка Москвы приобрел в качестве убежища за 140 миллионов фунтов имение площадью в 80 гектаров, ранее принадлежавшее принцу Уэльскому Фредерику.

ДОСЬЕ "МГ"

Среди многочисленных бизнес-беженцев, наводнивших Туманный Альбион и прикупивших там разной степени скромности убежища — команды Ходорковского, Березовского и прочих жертв репрессий, Бородин уж в самой малой степени похож на политического. Что, собственно, и подтверждает авторитетный международный аудит: *«Международный аудитор «Делойтт и Туш» представил заключение, подтверждающее нарушения при выдаче кредитов прежним руководством Банка Москвы. В частности, не проводился анализ финансового состояния заёмщика, кредиты не оформлялись должным образом, залоги не оценивались по реальной стоимости. Исследование проводило подразделение «Делойтт», специализирующееся на вопросах мошенничества. Работа заняла около полутора лет. «Достаточно сказать, что аудиторы нашли грубейшие нарушения при выдаче всех кредитов, которые были проверены», — заявляет источник РБК-дейли.*

То есть деньги по кредитам реально пропали. Их теперь надо искать. Там, где обычно и прячут концы в воду: Кипр, Лихтенштейн, Багамы, Латвия, Эстония и, конечно, Швейцария. И, собственно, они их и ищут. Совместно с нашими органами. В Швейцарии в конце 2011 года возбудили уголовное дело в отношении Бородина и Акулинина по подозрению в отмывании денег, нажитых преступным путем. В Швейцарии к этому не видят препятствий. А вот в Лондоне всегда препятствия. В связи с этим я вспомнил разговор с Егором Гайдаром вскоре после истории с его отравлением в Дублине в 2006 году, когда он чуть не погиб и был уверен, что его хотели убить. И считал, что знает, кто именно: *«Я был лучше информирован по двум параметрам. Во-первых, я знаю, что является медицинской тайной и что другие участники дискуссии не знают. А во-вторых, потому, что я знаю ключевых участников процесса. И стиль их мышления».*

Гайдар имел в виду именно этот цвет российской бизнес-эмиграции, круто гульнувшей в 90-е, а в 2000-е записавшейся в политические жертвы, которым нужны были жертвы настоящие, чтобы оправдать свое сомнительное диссидентство. *«И, кстати говоря, я прекрасно понимаю западников. Вот вы их не любите, а я их прекрасно понимаю, потому что они в это искренне не могут поверить, потому что они этого не видели... Все попытки наших властей объяснить что-нибудь по этому поводу, они воспринимаются...»* Известно, как воспринимаются. Романтик был Егор Тимурович, за что и поплатился здоровьем. Всё они прекрасно понимают. И диссидент Бородин тому отличный пример.

Михаил Леонтьев

В конце прошлого года, когда дело «Оборонсервиса» ещё только набирало обороты, следователи говорили, что вызовут экс-министра обороны Сердюкова на допрос только когда поймут, что не допустят промашки. В то же время президент Путин заявил, что Сердюкова привлекут к ответственности, когда у следствия появятся факты, подтверждающие прямую причастность бывшего министра к махинациям. Наконец, такой факт, похоже, был найден.

14 марта 2013 г. Высший арбитражный суд России удовлетворил иск военной прокуратуры Западного военного округа и признал незаконным приказ министра обороны о продаже двух земельных участков вдоль Финского залива Ленинградской области общей площадью 11 тысяч 278 квадратных метров, а также высвобождаемого имущества Минобороны на данной территории. В прокуратуре утверждают, что продажа была незаконной, поскольку земли принадлежали военному ведомству бессрочно и без права отчуждения. Закон запрещает отчуждать земельные участки «в составе земель общего пользования и их приватизацию в пределах береговой полосы». Подобный участок может быть предоставлен частному или юридическому лицу только временно.

Сделка о продаже земли вдоль Финского залива вопреки прямому запрету на продажу и приватизацию также незаконна по той причине, что участки были реализованы по заниженной цене. Принадлежащая известному миллиардеру Олегу Дерипаске компания «ТрансСтрой» приобрела прибрежные участки у Минобороны за 525 млн. руб. А позже перепродала эту землю компании ОАО «Новый дом» за 600 млн. руб. Теперь военная прокуратура настаивает на том, чтобы не только признать недействительной сделку по продаже земли коммерческой структуре, но и вернуть её государству.

В прокуратуре Западного военного округа утверждают, что решение о незаконной продаже береговой полосы в Финском заливе принимал бывший министр обороны РФ Сердюков лично. А экс-глава имущественного департамента военного ведомства Евгения Васильева только предложила ему такую сделку. Также стало известно, что к продаже земли причастна жена высокопоставленного чиновника Кадастровой палаты Ленинградской области.

Теперь материалы о продаже недвижимости Минобороны на побережье Финского залива, решение о котором принимал непосредственно А. Сердюков, направлены в Главное военное-следственное управление и будут приобщены к так на-

зывается делу «Оборонсервиса», которое в данное время объединяет 14 эпизодов, связанных с масштабной коррупцией, на общую сумму 4 миллиарда руб.

Холдинг «Оборонсервис» был создан в сентябре 2008 г. в рамках реформы оборонного ведомства, публично объявленной тогдашним президентом Дмитрием Медведевым. В ходе реформирования планировалось избавить Министерство обороны от непрофильных активов, их собирались распродать, а вырученные деньги направить в государственный бюджет. Но, как выяснилось в конце 2012 г. высокопоставленные управленцы «Оборонсервиса», принявшие рьяно исполнять первую задачу по продаже непрофильных активов, причём часто незаконно, не спешили с осуществлением второй задачи по части возврата денег в казну. При этом ряд руководителей холдинга, уличённых в хищениях, были давно знакомы с экс-министром Сердюковым и поддерживали с ним весьма близкие отношения.

Однако самый влиятельный фигурант коррупционного расследования в военном ведомстве до сих пор сохраняет за собой статус свидетеля. Сердюкову удаётся оставаться неуязвимым во многом благодаря тому, что его причастность к коррупционным махинациям формально носит опосредованный характер. Даже когда в январе 2013 г. доследственная проверка выявила прямую личную причастность Сердюкова к финансированию за счет Минобороны строительства дороги элитной базы отдыха «Житное», расположенной в дельте Волги и принадлежащей мужу его сестры, дело всё равно возбудили «по факту» и в отношении «неустановленных лиц». Но если следствию удастся протокольно закрепить факт непосредственного участия Сердюкова в эпизоде с продажей участков береговой полосы Финского залива, то можно предполагать, что экс-министр сменит свой статус на менее комфортный и разделит с другими фигурантами коррупционного дела всю полноту ответственности, о неотвратимости которой так часто говорят первые лица страны.

Денис Мионов-Тверской

ЗАТЕРЯННЫЕ В ПИАРЕ

Чиновники не могут найти более 100 тысяч детей, которые родились в республиках Северо-Кавказского федерального округа, а потом бесследно исчезли. Об этом 14 марта заявил полпред президента в СКФО Александр Хлопонин. По его

словам, в статистических документах числятся 110 тысяч детей, родившихся в северокавказских республиках, но затем фактически исчезнувших. Хлопонин отметил, что эти дети так и не пошли в школы, но в то же время каких-либо сведений об их смерти тоже нет.

Полпред считает, что некоторые дети могли просто уехать из республик, никого об этом не уведомив. Кроме того, он напомнил о существующей в некоторых районах Кавказа традиции хоронить умерших детей до захода солнца, что также мешает вести учет. Хлопонин также не исключил, что иногда дети вообще числятся как родившиеся лишь формально, чтобы родители смогли получить пособие на их содержание.

В целом же, по словам Хлопонина, в статистической информации о количестве детей в республиках очень много нестыковок и расхождений. Наилучшим образом ситуация обстоит в Дагестане, а также в Чечне, в которой нет детдомов, а все сироты расселены по семьям, отметил он. В то же время в остальных республиках родственники перестали брать к себе оставшихся без родителей детей, а детские дома превратились в бизнес.

Тема сирот в последнее время привлекла внимание общества благодаря закону, подписанному Владимиром Путиным в конце 2012 года. Этот закон, считающийся ответом на введенные в США санкции против ряда российских чиновников, запрещает американцам усыновление детей из России. В один день с этим законом Путин подписал еще один, призванный стимулировать усыновителей в России.

Как говорит ингушский правозащитник Магомед Муцольгов, власть о проблемах детей пока больше говорит и обсуждает, чем делает: «Есть несколько причин, почему недосчитались детей на Северном Кавказе. Первая — это большая миграция. Многие семьи, не имея гарантий безопасности и возможностей для заработка, уехали за границу и в другие регионы страны. Вторая причина может быть связана с приписками.

По его словам, «в ситуации с детьми виноваты не столько семьи, сколько чиновники». «У нас в Ингушетии нет сиротских домов и домов престарелых. Всегда найдутся родственники, которые возьмут ребенка на воспитание. Но и социальные службы не должны забирать детей, а заставлять родителей выполнять свои обязанности. Но у нас в регионе детское пособие 100 рублей. Государство должно выступить гарантом прав детей, а мы видим чисто формальное отношение. Чем занимаются сегодня депутаты, можно назвать настоящим политиканством. Сколько лет у нас были беспри-

зорные и бездомные дети. Неужели они этого не видели?! Я люблю московское метро, но я спускаюсь и вижу огромное число подбирающихся детей. То ли они нищие, то ли с помощью детей кто-то делает бизнес», — продолжил Муцольгов.

«Это вопрос, который имеет общенациональный характер. Власти должны были создать условия для отслеживания судеб детей. Это и вопрос социальных служб, и денежных выплат, и вопрос этики. Нужна целостная система. Но у нас многие дела из-за большой коррупции просто загублены. Необходимо полностью изменить отношение к проблемам детей.

«Свободная пресса»

ОФШОРНАЯ РОССИЯ

Отдельного внимания заслуживает тот факт, что в начале года основной владелец российского алюминиевого гиганта «Русал» Олег Дерипаска заявил о том, что выводит принадлежащие ему 25% акций ГМК «Норильский никель» в офшорную юрисдикцию Кипра. По его же собственным словам, делается это для того, чтобы рефинансировать взятые ранее у Сбербанка 4,5 млрд. долл.

По сути дела, речь идёт об операции, обратной той, которую Дерипаска осуществил в конце 2008 г. Напомним, что с целью финансирования сделки по приобретению 25% ГМК «Норильский никель» у Михаила Прохорова в 2008 г. Олег Дерипаска влез в огромные долги перед группой иностранных кредиторов крупнейших международных банков. Когда осенью и зимой 2008—2009 гг. цены на алюминий обвалились в 2,5 раза, а акции «Русала» подешевели в 5 раз и международные банки потребовали доведения дополнительного залога (либо досрочного погашения кредита), компания оказалась на грани коллапса.

Дерипаска, взявший огромный долг в иностранной валюте прямо накануне 50% девальвации рубля по отношению к американскому доллару, оказался не способен осуществлять обслуживание взятых долгов и уж тем более был не в силах внести дополнительное залоговое обеспечение или осуществить досрочное погашение долгов. Тогда ему на помощь пришло государство в лице ВЭБа, вытянувшее «эффективного собственника» из долговой ямы и не допустившее переход стратегического актива в руки иностранных кредиторов. А уже затем «Русал» рефинансировал полученный от ВЭБа кредит в Сбербанке.

Складывается такое ощущение, что теперь же Олег Дерипаска сознательно пытается наступить на те же самые грабли, на которые он уже однажды наступил в 2008 г. Он намерен рефинансировать кредит Сбербанка у крупнейших иностранных банков. В принципе, это желание вполне объяснимо. Дерипаска не хочет платить те проценты по взятым кредитам, которые он вынужден выплачивать российскому госбанку в настоящий момент. Если за рубежом ему готовы предоставлять кредитные ресурсы под 3—4%, то в России в лучшем случае речь может идти о 10—12%.

Весьма интересно понять, почему молчит государство. Вариантов несколько. Возможно, в правительстве и Кремле закрыли глаза на то, что 25% крупнейшего в мире производителя никеля и никельсодержащей продукции будут выведены в офшоры и заложены по кредитам крупнейшим транснациональным банкам. Принимая во внимание тот факт, что во главе финансово-экономического блока правительства стоят «либералы» и идейные наследники разрушительной идеологии «рыночного фундаментализма» Гайдара—Чубайса, это не удивляет. «Гайдаровцы» уже давно превратились в штурмовую пехоту глобального бизнеса и всеми силами демонтируют остатки финансово-экономического и научно-производственного суверенитета России. В силу специфики своего сознания они в принципе не в силах увидеть риски (как финансово-экономические, так и геополитические) от усиливающейся офшоризации экономики и втягивания компаний в долговую яму.

Вариант второй: в правительстве смирились с тем, что российская финансовая система всегда будет ущербной и мало мощной, не способной создавать доступные инвестиционные ресурсы и финансировать экономический рост. И по этой причине отпустили Дерипаску (как и многих других представителей крупного олигархического капитала) за рубеж. Достаточно вспомнить слова заместителя министра финансов России Алексея Моисеева о том, что в России структурный кризис ликвидности не просто надолго, а уже навсегда. И с этим, по словам высокого начальника, уже пора смириться.

Банк России и Минфин уже давно сложили руки и смиренно смотрят, как российская экономика задыхается от нехватки доступных кредитов, проедая свой научно-технический потенциал и основные фонды. Именно по этой причине доморощенные либералы уже второе десятилетие подряд «борются с инфляцией», «привлекают иностранные инвестиции» (92% которых приходятся на иностранные кредиты и зай-

мы), «стерилизуют избыточную денежную массу» и не видят никаких проблем в масштабном бегстве капитала за рубеж (свыше 361 млрд. долл. за 5 лет).

Что касается самого Олега Дерипаски, то его можно обвинить в чём угодно, но только не в глупости и неспособности учиться на своих ошибках. Именно по этой причине он и остаётся одним из самых влиятельных российских бизнесменов. Дерипаска прекрасно ориентируется в пространстве и умеет заводить не только нужные супружеские связи (супруга Полина внучка Бориса Ельцина), но и деловых партнёров. Дерипаска бы не стал дважды за 5 лет наступать на одни и те же грабли, он человек образованный и весьма хорошо понимает, куда катится мировая и российская экономика. Да, ставки по кредитам в России крайне высоки и несовместимы с развитием не только несырьевой обрабатывающей промышленности высоких переделов, но и высокорентабельных добывающих производств.

Скорее всего глава «Русала» преследует сразу несколько целей, ставя свой бизнес под удар валютных рисков. Во-первых, не исключено, что он просто-напросто уверен, что повторения кризисного обвала 2008—2009 гг. не произойдёт. Во-вторых, с высокой долей вероятности он пытается вывести свои активы в офшоры не только и не столько с целью рефинансирования долгов, но и для защиты своего капитала от активизировавшихся в последнее время «силовиков».

В-третьих, велика вероятность того, что бегство денег на Кипр было обусловлено конфликтом с Владимиром Потаниным по вопросу раздела ГМК «Норильский никель». Напомним, что в разгар корпоративного спора в наблюдательном совете «Русала» неожиданно всплыли уши финансовой олигархии Старого Света — во главе совета был поставлен барон Натаниэль Ротшильд, который, судя по череде судебных исков, и является реальным владельцем многократно заложенных и перезаложенных активов Дерипаски. Вполне возможно, что вывод активов в офшоры нацелен на усиление позиций тех властных группировок (имеются в виду представители старых банкирских домов), которые стоят за российским «транзитным» олигархом и являются реальными бенефициарами алюминиевого гиганта.

То же самое относится и к большинству остальных российских олигархов: они выступают в качестве номинальных собственников или промежуточных звеньев в сложной схеме перекрёстного владения крупнейшими стратегически значимыми предприятиями России. Достаточно вспомнить, что в середине 2000-х годов британская газета Times в ходе расследова-

ния «дела Юкоса» сообщила о том, что российская Генеральная прокуратура в числе конечных реальных бенефициаров и собственников «Юкоса» обнаружила зарегистрированные в офшорах инвестиционные фонды Ротшильдов.

В СМИ уже давно циркулируют слухи о том, что Олег Дерипаска, а также его давний друг Роман Абрамович, интегрированы на низовые уровни европейской финансовой олигархии и выступают в качестве проводников интересов Ротшильдов и ряда других банкиров в России. Речь не идёт о захвате России и подготовке к государственному перевороту. Речь идёт о реальных владельцах крупнейших российских компаний и недр, а также реальных механизмах контроля и управления экономическими процессами.

Неудивительно, что именно прописавшийся в Лондоне Роман Абрамович был выдвинут в качестве третейского судьи в корпоративный конфликт между Дерипаской и Потаниным, который долгое время ориентировался на финансово-политическую элиту США. Как только Абрамович, известный старой дружбой с Ротшильдами и другими крупными банкирами Великобритании и Старого Света, получил 5,87% в ГК, Потанин поспешил вывести свои активы из России и слить их в благотворительный фонд «Giving Pledge» — «общак», созданный Биллом Гейтсом и Уорреном Баффетом.

Судя по всему, Владимир Потанин, являющийся крёстным отцом российского олигархата и идеологом фиктивных и незаконных кредитно-залоговых аукционов, опасается, что финансовая олигархия Старого Света «съест» его и его активы. Именно по этой причине он совместно с десятком других миллиардеров из развивающихся стран и Европы поклялся присоединиться к благотворительному «общаку» американской олигархии. В СМИ неоднократно просачивалась информация о том, что Потанин имеет тесные связи с целым рядом крупных американских бизнесменов и политиков, в том числе с семейством Бушей.

В таком случае вывод активов Олега Дерипаски в Кипр и вливание половины активов Владимира Потанина в общий котёл американской финансово-политической элиты выглядят как попытки купить себе гарантию и страховку от возможного преследования на территории России и как стремление защититься от возможного давления заклятых «друзей» по бизнесу. Силовой рэкет и риски уголовного преследования за «прихватизацию» никто не отменял, срока давности подобного рода преступления не имеют. И, как показал опыт ряда опальных олигархов, иммунитетом не обладает никто.

Более того, нынешняя катастрофическая ситуация с масштабным бегством капитала (60—80 млрд. долл. ежегодно) и незаконным вывозом активов в офшорные юрисдикции (40—45 млрд. долл. официально и порядка 150—200 млрд. по экспертным оценкам) является прямым следствием незаконной приватизации 1990-х годов. Сначала «ваучерная приватизация», а затем фиктивные кредитно-залоговые аукционы и инвестиционные конкурсы были осуществлены с грубейшими нарушениями действовавшего законодательства. И до сих пор воспринимаются подавляющим большинством россиян как инструмент незаконного отъёма государственной собственности и разворовывания имущества.

Это «родовая травма» российских олигархов, они никогда не будут признаны законными владельцами тех активов и состояний, которыми обладают сегодня. Подавляющая часть россиян воспринимает это как наворованное и незаконно отнятое у государства (т.е. у них самих) имущество. И именно по этой причине российские «эффективные собственники» (за очень редкими исключениями) в спешном порядке вывозят свои активы в офшоры и вместо реальной модернизации производств занимаются проеданием оборотного капитала, хищнической эксплуатацией производственных мощностей, а также паразитированием на доставшемся в наследство научно-техническом и инфраструктурном потенциале Советской эпохи.

Судя по всему, масштабный исход российского капитала в офшоры и влезание в долговую яму уже стали нормой жизни для российской экономики. В этой связи нужно напомнить, что по оценкам Владимира Путина каждая 9-я из 10 сделок совершается российскими компаниями в офшорных юрисдикциях, а, по данным Счётной Палаты и Государственной Думы, свыше 95% крупных российских компаний и банков зарегистрированы в налоговых гаванях.

В этом плане весьма примечательна ситуация с привлечением «Роснефтью» двух крупных траншей кредитов общим объёмом в 16,8 млрд. долл. от консорциума международных банков. Насколько можно судить, у компании просто не было иного выбора.

«Роснефть» по вполне понятным причинам не хочет занимать 520 млрд. рублей на внутреннем долговом рынке. Во-первых, средние ставки по кредитам в России в 3—4 раза превышают ставки по иностранным кредитам от международных банков. С учётом укрепляющегося курса рубля реальная стоимость обслуживания иностранных займов в период благоприятной внешнеэкономической конъюнктуры и вовсе может уйти в отрицательную зону (как это было в 2003—2008 гг.).

А, во-вторых, и это принципиально важно, российская инвестиционно-банковская система пребывает в коматозном состоянии и является крайне маломощной. Российские банки просто не в силах предоставить российским крупным сырьевым компаниям требуемые им финансовые ресурсы в необходимом объёме, на требуемый срок и по приемлемой цене.

Это является закономерным результатом той антимодернизационной и удушающей денежно-кредитной и налогово-бюджетной политики, нацеленной на изъятие денег из экономики и демонетизацию финансовой системы, которая реализуется Банком России и Минфином на протяжении двух десятков лет. Под псевдонаучные лозунги о необходимости «борьбы с инфляцией» и «накопления подушки безопасности» Банк России и Минфин проводят стерилизацию «избыточной», с их точки зрения, денежной массы. Чем усугубляют денежный голод, усиливают дефицит доступных кредитных ресурсов, разгоняют ставки по кредитам и тем самым раскручивают спираль инфляции издержек.

И это неудивительно: в России де-факто отсутствует система рефинансирования банковского сектора и всей экономики в целом. По большому счёту, Банк России не исполняет возложенные на него функции кредитора последней инстанции, основного эмиссионного центра и института рефинансирования банковской системы и экономики в целом. За незначительными исключениями, в России реализуется колониальная денежно-кредитная и эмиссионная политика «валютного правления», при которой объём эмиссии рубля практически целиком и полностью привязан к притоку иностранной валюты экспортной выручки, иностранных кредитов и спекулятивного капитала.

В этой связи имеет смысл напомнить публичную критику действий Банка России со стороны Олега Дерипаски, который на Давосском экономическом форуме вполне резонно обрушился с критикой на Центральный Банк РФ. Он открыто заявил, что своими действиями ЦБ РФ уничтожает остатки отечественной промышленности, душит экономический рост, провоцирует втягивание экономики в петлю внешних займов и, как следствие, стимулирует бегство капитала в офшоры.

В этом плане Дерипаска был абсолютно прав: если даже крупнейшие сырьевые компании не в силах выплачивать те ставки по кредитам, которые существуют в России, то что можно говорить о малом и среднем бизнесе?! Дефицит денег в экономике достиг таких масштабов, что даже добывающие

предприятия, извлекающие колоссальную сверхприбыль от эксплуатации природно-сырьевой ренты, не могут позволить себе роскошь занимать внутри страны. Именно по этой причине промышленные предприятия проедают оборотный и основной капитал, не финансируют технологическое перевооружение и проигрывают в конкуренции иностранным производителям.

Безусловно, втягивание российских компаний и банков в долговую петлю внешних займов несёт в себе целый ряд макроэкономических рисков. Прежде всего, как правило, за рубежом стараются кредитоваться наиболее высокорентабельные и кредитоспособные компании из стратегически значимых секторов экономики: нефтегазовые гиганты, естественные монополии, инфраструктурные корпорации, а с недавних пор и предприятия ВПК. Таким образом, возникает риск утраты контроля над системообразующими предприятиями, обеспечивающими финансово-экономический, научно-технический и даже военно-политический суверенитет страны.

Печальный пример зимы 2008—2009 гг. наглядно продемонстрировал, что в случае возникновения кризисных явлений в мировой экономике и падения цен на сырьё российские сырьевые гиганты становятся просто-напросто неплатёжеспособными. Если бы правительство не согласилось помочь «эффективным частным собственникам» и не предоставило 3 трлн. бюджетных рублей, то большинство российских сырьевых гигантов и инфраструктурных монополий перешли в руки иностранных кредиторов. Принимая во внимание тот факт, что объективные коммерческие интересы международных банков, многие из которых весьма тесно интегрированы в американские и европейские элиты, могут не совпадать с целями социально-экономического развития страны и представлениями государства о суверенитете, это несёт в себе крайне высокие риски для национальной безопасности.

Msk.ru

ЛУЧШИЙ СПОСОБ ПОБЕДИТЬ КОРРУПЦИЮ

Российские капиталы продолжают бежать за рубеж. Не секрет, что многие из них нажиты преступным путем. Вернуть их обратно могла бы полномасштабная конфискация имущества преступников, которую следует опять прописать в законодательстве, считает глава Следственного комитета

РФ Александр Бастрыкин, заявивший об этом на мартовской расширенной коллегии ведомства.

Бастрыкин пришел к выводу, что бегство капиталов нельзя объяснить одной лишь экономической ситуацией. Во многих случаях она ни при чем: из страны просто выводят наворованное. «Сопоставление объемов выведенных из России капиталов с размерами ущерба, причиненного коррупционными и финансовыми преступлениями, свидетельствует, что бегство капиталов во многом объясняется не ситуацией в российской экономике», — заявил он. Об этом же косвенно говорит и перечень стран, куда направляются беглые деньги: это отнюдь не бурно развивающиеся и инвестиционно привлекательные, а тихие заводы с мутной водой. Точнее говоря, — страны офшорной юрисдикции «с низким уровнем прозрачности».

Конфискация поможет нам бороться с этим явлением, говорит Бастрыкин, она способствовала бы «обеспечению репатриации капитала, нажитого преступным путем и выведенного за рубеж».

Также с этой целью, считает глава СК, не мешало бы создать финансовую полицию. До сих пор одной из проблем, которая препятствует эффективной борьбе с незаконным вывозом капиталов, является несовершенство информационных систем выявления источников преступных доходов. Сейчас в стране существует Росфинмониторинг, который еще называют «финансовой разведкой», но это несколько не то. В большей степени он является информационно-аналитическим органом и не имеет возможности проводить оперативно-розыскные мероприятия. По этой причине материалов, поступающих от Росфинмониторинга, часто недостаточно для возбуждения уголовных дел.

«Нами предлагалось и предлагается создать качественно новый государственный орган. Его можно назвать финансовой полицией или как-то иначе, в компетенцию которого можно было бы включить функции финансовой разведки, а также заявления преступлений посредством оперативно-розыскной деятельности», — обосновал идею Бастрыкин.

А чтобы не разрывывали бюджет, финансовую полицию можно было бы наделить полномочиями внешнего контроля за использованием бюджетных средств и государственного имущества, считает глава СК. «Как показывают уголовные дела о хищении имущества Минобороны, основным обстоятельством этого стала недостаточно эффективная работа подразделений Минобороны, осуществляющих функции контроля за расходованием бюджетных средств», — подчеркнул Бастрыкин.

Вообще крупные федеральные ведомства не должны единолично контролировать сами себя в расходовании бюджетных средств, считает Бастрыкин; ничего хорошего из этого не получается, и скандал вокруг Минобороны тому доказательство. «Анализ следственной практики говорит, что эта проблема носит универсальный характер. Подчиненность и подконтрольность подобного рода подразделений руководству ведомств не позволяют эффективно решать стоящие перед такими подразделениями задачи», — дипломатично говорит он.

По его мнению, «функции внутреннего контроля за расходованием бюджетных средств и распоряжением государственным имуществом должны в перспективе быть исключены в подавляющем большинстве органов власти и местного самоуправления, а также в государственных и муниципальных предприятиях, учреждениях и организациях».

Еще одно нововведение, которое предлагает глава СК, — введение уголовной ответственности для юридических лиц. Разумеется, эта мера будет применима не к маленьким фирмочкам и фирмешкам, которые прыгают, словно блохи, а только к очень крупным публичным компаниям, не зависящим от воли одного человека — собственника: «Мы полагаем, это позволит не только бороться с таким явлением, как преступность корпораций, но и обеспечить репатриацию капиталов, нажитых преступным путем на территории России и легализованных за рубежом».

По словам Бастрыкина, такая ответственность есть в странах Западной Европы — Германии, Швеции, Швейцарии, а также США и других. «Сегодня не только физические лица должны привлекаться к уголовной ответственности, а тем более когда они скрылись, но и юридические лица», — отметил он.

На коллегии СКР присутствовал и руководитель Администрации президента Сергей Иванов. Он потребовал большей результативности и профессионализма от самих следователей в деле наказания коррупционеров. Еще он предупредил, что неприкасаемых для Следственного комитета нет, и бороться с коррупцией надо «решительно, без оглядки на чины и звания».

За возврат конфискации Иванов высказывался еще прошлой осенью. «Было бы очень хорошо, когда такие преступления заканчивались бы не только судебным приговором, но и конфискацией всего имущества, нажитого преступным путем. Вот когда люди это увидят, я думаю, после этого вопросов, как относится власть к коррупции, уже не будет», — сказал он тогда.

Эксперты тем временем обращают внимание, что хотя одно время конфискация действительно была исключена из УК РФ, но с 2006 года это понятие было возвращено в кодекс, правда, не в виде отдельного вида наказания, как раньше, а в качестве «иной меры уголовно-правового характера».

«Сейчас как раз и разрешена конфискация только того имущества и средств, которые получены в результате совершения преступления», — объяснил глава юрслужбы КПРФ Вадим Соловьев. То есть следователям необходимо доказывать преступные источники нажитого добра, а это, по его словам, приводит к тому, что «конфисковать особо много не получается — одни слезы».

Конфискация имущества в свое время была отменена именно усилиями «Единой России» — как раз потому, что наличие этого института «очень сильно обесмысливает экономическую преступность», напоминает глава Института проблем глобализации Михаил Делягин: «Без конфискации имущества бороться с экономической преступностью невозможно, потому что человека посадят, а имущество его останется».

Александр Романов

ВСЕ УКРАЛИ ВСЁ

Наверное, всякого, кто возьмётся широко анализировать современную российскую коррупцию, должна охватить оторопь. Масштабы хищений запредельно колоссальны, круг территорий, ведомств, профессиональных групп и частных лиц, вовлечённых в коррупцию, необъятен. При этом выявленные и обнародованные через СМИ факты хищений и растрат, скорее всего, лишь «верхушка айсберга», большая часть которого сокрыта даже от правоохранительных органов.

Российская власть на высшем уровне, похоже, сама пришла в замешательство, ужаснувшись масштабам коррупции, как будто вдруг явственно осознала, что это ползучее явление может угрожать и её существованию. Однако защитные действия власти носят характер панический, нервозно неуклюжий. «Кипрская» инициатива, декларация о борьбе с клановостью, возня с депутатскими мандатами... Всё это напоминает болезненные конвульсии, причём показательные, когда организм реагирует на внешний раздражитель судорогой с одной лишь целью — продемонстрировать, что он ещё кое-как жив.

Демонстрировать свою обеспокоенность стремительно растущей коррупцией власть начала не вчера. Ещё 31 июля 2008 г. Д.Медведев, будучи тогда президентом, подписал так называемый Национальный план противодействия коррупции. В 2009 г. указом президента чиновников обязали декларировать доходы и имущество не только собственные, но и супругов и несовершеннолетних детей. В 2010 г. создано Управление экономической безопасности и противодействия коррупции при МВД. Теперь глава Следственного комитета России заявляет, что для эффективного раскрытия экономических преступлений нужно создать ещё и финансовую полицию. При этом непонятно, чем будет заниматься новое ведомство, ведь есть уже орган, контролирующий отмывание денег — Росфинмониторинг, есть Счётная палата, которая следит за бюджетными тратами. Складывается впечатление, что власть в России плохо понимает природу охватившего общество социального недуга, его причины и «питательную почву», оттого и мечется, словно в горячке. Впрочем, может быть и по-другому. Понимая истинные причины чудовищной коррупции, власть не объявляет о них во всеулышание, опасаясь дурных для себя последствий, и потому в целях самосохранения предпочитает реальной деятельности горячечную имитацию.

Хаос, воцарившийся в России и ставший нормой, служит естественной средой коррупции. Этот хаос сделался уже настолько привычным, что частные проявления его, кажется, теперь никого не удивляют — настолько бедлам стал обыденным!

В газете «Аргументы и факты» (от 20 марта 2013 г.) новый директор Департамента имущественных отношений Министерства обороны Дмитрий Куракин на вопрос, какой собственностью владеет Минобороны, ответил прямо, почти с детской откровенностью: «Не поверите: не знаю. И никто не знает. Если кто-то вам скажет, что он в курсе, сколько у военного ведомства России земельных участков такой-то площади, столько зданий и помещений, — не верьте, он врёт! В структуре Минобороны десятки организаций, которые держат военное имущество на своём балансе. При этом никто не ведёт натуральный, так называемый реестровый учёт военного имущества и тем более не собирает эти данные и не обобщает... Более или менее ясно по площади лесов «военного назначения». Так вот, лесов у нас 4,75 млн. га! А по остальным землям я даже вам площади не назову: с советских времён её никто не считал, межевание не проводил, на кадастровый учёт не ставил, права не регистрировал».

При этих словах становится как-то не по себе. Здесь бы впору воскликнуть по-путински: «Вы что, с ума сошли!» Но нет, на нас смотрит с газетного листа нормальный, улыбочливый человек, даже весьма приятной наружности. Он назначен управлять имуществом российской армии, а это миллионы квадратных километров земель, сотни тысяч объектов недвижимости, сотни тысяч единиц техники... Но сколько всего этого добра точно — никто не знает! Оно, оказывается, не учитывалось вот уже двадцать лет.

Здесь возникает другая мысль, ещё более тревожная. Если хаос царит в таком, казалось бы, строгом ведомстве, как Минобороны, то что творится в прочих государственных отраслях? Можно только предполагать, что деется в закромах здравоохранения, образования, сельского хозяйства, дорожного строительства... О ЖКХ вообще страшно думать — тёмный лес!

Хаос рождает безнаказанность. Точнее, наказание существует, но хаотическое, мелкое, ничего не дающее в деле борьбы с коррупцией, ставшей уже системой. Председатель Верховного суда РФ Вячеслав Лебедев на днях признался, что из рассмотренных в 2012 г. 1300 уголовных дел, связанных с коррупцией, больше половины — за взятки до пяти тысяч рублей. И мы сразу понимаем, кто эти «страшные коррупционеры»: случайная мелочь, попавшая в странные сети, где застревают мелюзга, но очень редко задерживаются крупные «рыбы».

Вместе с тем вспоминается другое заявление, сделанное главой Центробанка Сергеем Игнатьевым, о том, что в стране есть некая «группа лиц», контролирующая вывод за границу десятков миллиардов долларов. В 2012 г. из России утекло 56,8 млрд. долл. Из них, по данным Центробанка, 35 млрд. долл. вывели явно сомнительным способом. На выведенные за границу средства (56,8 млрд. долл., или 1,7 трлн. руб.) можно было бы, к примеру, построить 8 тыс. детских садов, выделить новые квартиры для 700 тыс. семей, живущих в аварийных домах, и отремонтировать 42 тыс. км новых дорог. Вот это и есть настоящая коррупция, несущая угрозу национального масштаба! Однако ни компаний, ни фамилий лиц, выводящих деньги из страны, глава Центробанка не назвал. По его мнению, выявить их — дело правоохранительных органов.

Однако хаос и безнаказанность торжествуют в России как раз в условиях бессильной немощи правоохранительных органов. Поэтому крупные коррупционные дела могут вестись годами, не имея подчас сколько-нибудь серьёзной судебной перспективы.

Согласно Уголовно-процессуальному кодексу предварительное следствие по уголовному делу должно быть закончено в срок, не превышающий 2 месяцев со дня его возбуждения. Но в особых случаях его можно продлить до года. Однако в реальности часто происходит так: дела приостанавливаются, а потом возобновляются. И так почти до бесконечности. «В глубоком разбирательстве никто не заинтересован, потому что ниточки могут потянуться «не к тем людям», вскрыются некие бизнес-интересы, — говорит проректор РЭУ им. Плеханова, член Общественной палаты РФ Сергей Марков. — Наша вертикаль власти выглядит грозной только внешне: на самом деле создана такая система, при которой ответственность размывается, а чиновники живут не по законам, а по своим корпоративным правилам».

В связи с этим кажутся умилительно-наивными рассуждения о методах борьбы с коррупцией, которые можно услышать сегодня на «круглых столах», в открытых студиях, на семинарах и консультациях. «Равенство всех перед законом», «независимый суд», «прозрачность всех уровней власти» и прочие рецепты выглядят трогательно банальными, когда задумаешься, как можно всё это воплотить в реальность, а главное: кто это будет делать там — на политическом верху? «В России виновные часто оказываются родственниками и знакомыми влиятельных чиновников, — говорит председатель Национального антикоррупционного комитета Кирилл Кабанов. — В таких случаях включается механизм их выведения из-под удара».

«Механизм выведения из-под удара» — это отнюдь не метафора. Реальное существование подобных механизмов является ещё одной причиной невозможности бороться с коррупцией в современной России. Если к этому присовокупить ещё и страшную кадровую деградацию, поразившую сегодня наши следственные органы, то ситуация становится совсем удручающей. «Наконец, есть и фактор политической конъюнктуры, — объясняет хроническое затягивание коррупционных дел бывший генпрокурор РФ Юрий Чайка. — Чтобы снять накал страстей по некоторым делам, таким, как дело «Оборонсервиса», следствие искусственно замедляется, пока интерес общества к ним не спадёт. После этого можно будет спокойно «отмазать» крупных чиновников, которых «нельзя» сажать за решётку».

Но даже когда «механизм выведения из-под удара» даёт сбой и коррупционерам всё-таки начинает реально угрожать опасность хоть какого-то наказания, это досадное для них «недоразумение» компенсируется развалом в системе испол-

нения наказаний. Апофеозом этого хаоса стало проведённое недавно расследование по поводу закупки электронных браслетов, которые используются для контроля заключённых под домашний арест, каковому, кстати, подверглась обвиняемая в особо крупных хищениях по делу «Оборонсервиса» Е. Васильева. «Продукция оплачивалась из госбюджета, — пояснили в Следственном комитете РФ. — Но фактически она не могла использоваться по назначению. Установлено, что в системах отсутствуют электронные блоки. При этом закупочные цены были завышены более чем в 2 раза. Ущерб может превышать 1,3 млрд. рублей». Согласно материалам проверки, цены утверждались протоколами за подписями экс-главы ФСИН России А. Реймера и других высокопоставленных сотрудников ФСИН. Так о какой борьбе с коррупцией может идти речь, если растащили даже средства для закупки электронных наручников, предназначенных в том числе и для коррупционеров!

Масштаб коррупционной катастрофы власть не может не осознавать, как бы страшно ей от этого ни было. Время от времени высокопоставленные чины делают гневные или грозные лица, скрежещут зубами, негодуя на коррупцию. Однако под напором критики общества власть сразу сворачивается в кокон, делается непроницаемой, задраенной наглухо. «У меня что, должны быть прозрачные стены в кабинете? — обижается вице-премьер Владислав Сурков в интервью газете «Известия». — Я на каждую бумажку должен спрашивать мнение общественности?»

Когда в прошлом году вскрылось, что стоимость строительства стадиона «Зенит-арена» в С.-Петербурге выросла с начальных 6,7 млрд. рублей до 43 млрд., Георгий Полтавченко робко заявлял о преждевременности строгих выводов относительно коррупционного мошенничества. Однако вскоре прокурор города С. Литвиненко объявил, что по итогам проверки возбуждено уголовное дело по статье 159 УК РФ (мошенничество), а стоимость проведённых строительных работ завышена более чем на 500 млн. руб. И власть тотчас закрылась. «Вплоть до настоящего времени полные результаты проверки неизвестны ни депутатам, ни налогоплательщикам, — возмущается депутат С.-Петербургского ЗакСа Борис Вишневский. — Отчёту присвоен гриф «Для служебного пользования», что автоматически означает доступ весьма ограниченного круга лиц. Но речь идёт не о военной базе! А о спортивном сооружении, деньги на которое тратятся только из кармана горожан и больше ниоткуда».

Закрытость власти — ещё одна причина коррупции, самой властью, похоже, неосознаваемая. Политическая элита, не желая открытого диалога с обществом, замыкается в себе, варится в собственном соку, подрывая при этом свои же позиции. Неистребимая клановость, круговая порука, фактическая неподсудность и непотопляемость тех, кого по случаю прищучили и разоблачили — всё это сводит на нет любые попытки власти развернуться, произвести манёвр, сделать шаг, совершить усилие в каком-либо направлении. Любая затея в масштабах страны сразу становится коррупционной.

Госдума приняла в 1-м чтении закон о создании «Росфинангентства», которому планируют передать до 10 триллионов рублей государственных резервных фондов якобы с целью повышения доходности сбережений. И тень коррупции сразу нависает над ещё не созданной структурой. «И Резервный фонд, и Фонд национального благосостояния — бюджетные средства, — говорит депутат Госдумы Иван Грачёв. — По Конституции их расходование обеспечивает правительство РФ. Законопроект предлагает передать эти полномочия сторонней структуре. Мы уже проходили это на опыте Минобороны. Но там были меньшие средства. А тут огромные деньги пойдут от одного ОАО к другому, и всё — ищи ветра в поле».

Даже не связанный напрямую с экономикой чисто гражданский проект по замене паспортов на идентификационные электронные карты с 2015 г. тотчас вызывает подозрение. «Могу предположить, что смысл затеи в громадном финансировании, — пояснил экс-замдиректора ФМС РФ Вячеслав Поставнин. — Для получения данных необходимо оснастить считывающими устройствами все государственные и многие коммерческие организации, включая полицию, кассы продажи билетов и т.д. Ведь только карт с чипами придётся заказать более 80 млн.. Открываются фантастические возможности для распилов и откатов».

Всё вязнет в топкой трясине коррупции. Власть борется с ней, словно рубит кисель топором. Тяп — а кисель обволакивает лезвие, липнет на топорнице. И уже непонятно: где коррупция, а где её нет. Целая компания красоток разворовывала имущество армии, которое годами не учитывалось их импозантными кавалерами. Замглавы онкологического института, попавшийся на крупной взятке, «по совместительству» являлся членом Московского антикоррупционного комитета. Даже глава думского комитета по безопасности и противодействию коррупции заподозрена в сокрытии дорогих

апартаментов, стоимость которых никак не вяжется с её скромными официальными доходами. Уличённый примерно в том же экс-глава комиссии Госдумы по депутатской этике был искреннее возмущён: «Мы ещё повоюем!»

В зыбком болоте коррупции — без дна и берегов — власть теряет опору. Кадровая чехарда на всех уровнях бюрократии, калейдоскоп персон, наделённых какими угодно полномочиями, их взлёты и немедленные падения свидетельствуют о всеобщем недоверии, царящем в верхах. Первым лицам государства уже впору обращаться к сидящим перед ними чиновникам с лукавым вопросом: «Маска, я вас знаю!» И тотчас убедиться, что под маской благообразного «слуги народа» скрывается плут. Власть по-детски топаёт ногами, негодует и дуется. Призывает на место мошенников других чиновников — «хороших», создаёт кадровые резервы — «золотые» сотни и даже тысячи. Но люди уже не могут по-другому: они мыслят категориями коррупции. Потому что коррупция незаметно стала в России идеологией. Власть это чувствует, злится, озирается по сторонам с намерением нанести по коррупции хоть какой-то защитный удар, кидается на мелькнувшую цель и, вцепившись в неё зубами, вдруг понимает, что в очередной раз поймала за хвост саму себя.

Денис Миронов-Тверской

КУРСКАЯ БИТВА

5 июля 2013 года исполнилось 70 лет со дня начала Великой Курской битвы. Из всех сражений только три называют битвами: под Москвой, Сталинградом и Курском. И не потому, что это самые крупные сражения Великой Отечественной войны (были и крупнее), а потому что в этих сражениях решалась судьба Родины, всей страны. Нам, чтобы сохранить Россию, СССР, надо было обязательно эти битвы выиграть.

Курская дуга образовалась в связи с нашим наступлением зимой 1943 года. За два зимних месяца 1942—1943 годов разгромленная под Сталинградом немецкая армия была отброшена на те позиции, с которых начала наступление летом 1942 года.

И.В. Сталин предупреждал армию, что враг ещё силен. А в послании Ф. Рузвельту и У. Черчиллю упрекал их в бездействии и требовал открытия 2-го фронта в 1-й половине 1943 года, указывая, что только за один месяц с конца декабря 1942 года до конца января 1943 года немцы перебросили на советско-германский фронт из Франции, Голландии и самой Германии 27 дивизий, в том числе пять танковых.

Как мы знаем, немцы начали войну с СССР, имея вместе с союзниками армию, более чем в 2 раза превышающую по численности армию Советского Союза. Армия Германии с армиями её союзников превышала советскую армию минимум на 6 млн. человек. Благодаря этому Германия имела возможность постоянно перебрасывать на Восточный фронт против Красной Армии свежие, обученные, укомплектованные дивизии.

В феврале противник имел количество дивизий, достаточное для организации наступления. 19 февраля 1943 года немцы ударили по нашим войскам Юго-Западного фронта, которые стояли недалеко от Запорожья. Удар для советских войск был крайне неожиданным. Снова, уже который раз наша разведка всех уровней оказалась не на высоте. Противник сумел сосредоточить для удара крупные силы в районе Краснограда и Красноармейского. К концу февраля в ходе ожесточённых сражений противнику удалось оттеснить наши войска за Северный Донец. 4 марта немецкие войска начали второй этап контрнаступления, нанеся мощный танковый удар по Воронежскому фронту. 7 марта наши войска начали отход к Харькову и 15 марта вынуждены были оставить город. 18 марта немецкие войска ворвались в Белгород. Командование Воронежским фронтом из Белгорода переехало в район Обояни.

В советских войсках не было ни паники, ни растерянности. Они мужественно, со знанием дела сражались и отступали под ударами превосходящих сил противника. А.М. Василевский и Г.К. Жуков искали решение, позволяющее остановить продвижение немецких войск на север и северо-восток. Благодаря принятым мерам севернее Белгорода, в районе Обояни, немецкие войска были остановлены и линия фронта стабилизировалась.

В это время Н.Ф. Ватутин был назначен командующим Воронежским, Р.Я. Малиновский — Юго-Западным, а Ф.И. Толбухин — Южным фронтами.

В результате стойкости бойцов Красной Армии и высокому военному мастерству её военачальников провалился план немецкого командования в марте 1943 года ударами с севера — со стороны Орла и с юга — со стороны Белгорода окружить и уничтожить советские войска в районе Курска. Но противнику удалось на севере и на юге удержать два выступа, между которыми образовалась занятая нашими войсками огромная Курская дуга, простиравшаяся на 200 километров на запад в расположение немецких войск.

Наши войска вынуждены были оставить Харьков и Белгород. Это нисколько не умаляет славных побед Красной Ар-

мии. Василевский пишет, что во время наступления наших войск зимой 1943 года было разгромлено 100 вражеских дивизий (около 40% всех их соединений). Только по сухопутным войскам с июля 1942 года по июнь 1943 года, по данным генштаба сухопутных сил Германии, враг потерял 1 млн. 135 тыс. человек. Надо сказать, что методика подсчёта своих потерь германским генеральным штабом не вызывает доверия и скорее всего фактические потери личного состава немецкой армии значительно превышают указанные генштабом. Не надо забывать и о потерях союзников Германии. Именно огромные потери немецкой армии позволили нам к ноябрю 1942 года догнать по численности немецкую армию. Когда численность и вооружённость советских войск сравнялась с численностью и вооружённостью войск Германии и её союзников, Красная Армия стала бить немцев на всех фронтах.

И ещё необходимо обратить внимание на то, что немецкая армия того времени — это армия преступников, что наглядно проявилось в их действиях на наших оккупированных территориях. Для подтверждения данного утверждения достаточно рассмотреть их действия в нескольких любых освобождённых нашей армией городах.

Например, в Ржеве и его окрестностях за время оккупации немцы уничтожили около 50 тысяч советских военнопленных и мирных жителей, разрушили все промышленные предприятия и культурно-бытовые учреждения, железнодорожный узел. Из 5434 жилых домов осталось 297. К моменту освобождения в городе насчитывалось 362 жителя. В 1939 году в Ржеве проживало 54 тысячи человек.

В Белгороде в 1939 году проживало 34 тысячи жителей, в момент освобождения города нашими войсками — 150 жителей; остальных гитлеровцы уничтожили, отправили на работы в Германию, изгнали из города. Половина жилых зданий уже не могла быть восстановлена, другая половина зданий требовала капитального ремонта. Разрушены были все промышленные предприятия, железнодорожный узел, культурно-бытовые учреждения.

Население Курска в 1939 году насчитывало 120 тысяч человек, в 1940 году в городе было 45 действующих промышленных предприятий. Гитлеровцы расстреляли 3 тысячи жителей города, 10 тысяч умерло от эпидемий и голода, 10 тысяч были угнаны на работы в Германию. Оккупанты разрушили все промышленные предприятия, железнодорожный узел, водопровод, взорвали много жилых домов. Большое число жилых домов пострадало от боевых действий.

Уходя, немцы во всех городах взрывали самые красивые дома и уничтожали все промышленные предприятия, а жите-

лей тысячами изгоняли из городов, расстреливали, угоняли на работы в Германию.

То есть имели место не отдельные случаи зверств гитлеровцев в отдельных городах Советского Союза, а согласно разработанной системе осуществлялось истребление как советского народа, так и его материальных, духовных и культурных ценностей. И сегодня кто-то смеет говорить о гитлеровской армии как о цивилизованной силе, о культурном офицерском корпусе вермахта. Нет, то была не цивилизованная армия, а взращённая европейской моралью банда преступников.

А.М. Василевский, К.А. Мерецков, К.К. Рокоссовский и другие военачальники в своих мемуарах пишут об удивительной выносливости наших советских солдат. Крепкое здоровье, хорошая физическая подготовка не отдельных бойцов, а рядовых и офицеров армии в целом удивляла и восхищала даже бывалых военачальников, сражавшихся ещё в Первую мировую войну и многое повидавших за время службы. А ведь в основном в Красной Армии сражалось поколение, родившееся и выросшее при советской власти. Подумайте, может ли в стране, в которой, как говорят либералы, население было терроризировано постоянными арестами, расстрелами миллионов невинных людей, голодало и миллионами умирало от голода, вырасти целое поколение юношей и девушек с крепким здоровьем и высоким уровнем физической подготовки. Конечно, нет. Такое поколение может вырасти только в стране, правительство которой заботится о своём народе, как о собственных детях, оберегая его от дурных привычек: пьянства, моральной распушенности, неорганизованности, обеспечивая ему здоровое, полноценное питание, нормальное физическое и умственное развитие, формируя человека высокого морального, нравственного и культурного уровня. Только в этом случае может вырасти крепкое здоровье и физически развитое поколение. И даже один факт, что такое поколение выросло до войны в сталинское время, опровергает всех лжецов, рассказывающих и пишущих о повальных репрессиях, голоде и терроре народа со стороны советского правительства.

Но вернёмся к боевым действиям нашей армии. Как писал А.М. Василевский: *«Красная Армия, временно перейдя к обороне, сохранила за собой инициативу. На советско-германском фронте наступило весеннее затишье. Лишь на Кубани продолжались ожесточённые сражения за завоевание господства в воздухе. В центре же, вокруг Курска, образовалась своеобразная дуга, обращённая в сторону противника. С севера над ней нависал находившийся в руках противника Орловский выс-*

туп. С юга линия фронта тянулась примерно по белгородской параллели. А западный конец дуги шёл чуть восточнее Севска, Рылска и города Сумы. Внутри огромной дуги и близ неё стояли в напряжённом ожидании наши десять общевойсковых, две танковые и две воздушные армии Центрального и Воронежского фронтов.

Стратегическая пауза в течение апреля — июня 1943 года была использована обеими воюющими сторонами для выработки новых стратегических решений и подготовки к летним активным действиям».

Войсками Центрального фронта, находящимися в северной части дуги у Орловского выступа, командовал К.К. Рокоссовский, а войсками Воронежского фронта, расположенными в южной части дуги со стороны Белгорода, командовал Н.Ф. Ватутин.

Два наших фронта, с трёх сторон окружённые немецкими войсками, которые находились в Орле, Белгороде и Харькове, своим расположением манили немцев нанести удар именно по этим фронтам. Немецкое командование приняло решение встречным ударом сторон с севера и юга в общем направлении на Курск окружить и уничтожить советские войска, расположенные внутри Курской дуги. План был прост и реален. Для окружения огромной группировки советских войск гитлеровцам требовалось пройти по прямой сравнительно небольшое расстояние. Операция получила наименование «Цитадель». Для её осуществления сосредотачивалось большое количество немецких войск группы армий «Юг» под командованием генерал-фельдмаршала Манштейна севернее Харькова и группы армий «Центр» под командованием генерал-полковника Клюге южнее Орла. Уничтожив войска двух указанных наших фронтов, немцы предполагали ударить в тыл Юго-Западного фронта (провести операцию «Пантера») и, в конечном счёте, выиграть не только битву под Курском, но и всю войну.

Для осуществления операции противнику надо было прорвать нашу оборону, а для прорыва обороны немцам нужны были новые образцы боевой техники, против которой не могла бы устоять оборона армий Воронежского и Центрального фронтов. В качестве такой техники немцы выбрали тяжёлые танки «тигр» и «пантера», а также самоходную артиллерийскую установку «фердинанд», самолёты «Хейнкель-129», «Фокке-Вульф-190А». Немецкое командование было уверено в создании необходимого количества бронетехники и самолётов, так как, используя промышленность всей Европы, Германия сумела увеличить по сравнению с 1942 годом про-

изводство танков в 2 раза, а самолётов — в 1,7 раза. Гитлеру казалось, что нет силы, которая могла бы устоять против армады новейшей тяжёлой техники, способной сокрушить любое препятствие на своём пути.

Но проблемы у немецкого командования были и не только в восстановлении разгромленных советскими войсками бронетанковых войск. Основная проблема фашистского командования состояла в восполнении потерь в людях. Уж больно много фашистов перебили войска доблестной Красной Армии. Так много, что правительство нацистской Германии приняло решение и провело в 1943 году в стране тотальную мобилизацию, призвав в армию даже 50-летних мужчин. А ведь 1943 год являлся только началом массового уничтожения в боях немецко-фашистских захватчиков. Но сегодня в головы наших обманутых россиян СМИ вбили мнение о якобы незначительных потерях Германии и огромных потерях Советского Союза в период Великой Отечественной войны 1941—1945 годов.

Потери войск Германии были настолько велики, что уже к лету 1943 года, несмотря на тотальную мобилизацию, Германия не смогла довести численность своих войск на Восточном фронте до уровня весны—осени 1942 года, которая в то время составляла около 6,2 млн. человек и на 1,1 млн. человек превышала численность войск Красной Армии. Численность своих войск на Восточном фронте Германия смогла довести до 4,8 млн. Кроме того, 525 тысяч человек насчитывали войска сателлитов Германии.

СССР не имел таких потерь, и к лету 1943 года в составе нашей действующей армии было 6,6 млн. человек. Впервые за всю войну численность советских войск превысила численность войск противника.

Красная Армия имела на вооружении 105 тысяч орудий и миномётов, около 2200 боевых установок реактивной артиллерии, 10,2 тысячи танков и САУ, свыше 10,2 тысячи боевых самолётов.

Противник имел 54,3 тысячи орудий и миномётов, 5 тысяч 850 танков и штурмовых орудий, 2980 боевых самолётов.

Назовите мне такую страну, которая смогла бы в условиях войны эвакуировать 1673 крупных промышленных предприятия и выпустить военной продукции больше Европы с населением более 300 миллионов человек. Назовите мне такую страну, которая могла бы выдержать удар немецких орд и перейти в наступление. Такая страна была одна-единственная во всём огромном мире. Другой такой страны не было и, наверное, никогда не будет. Такой страной был Советский Союз. Та великая своими размерами и своими делами Россия, которую в 1991 году мы потеряли.

Как видно, Советский Союз имел к лету 1943 года почти в два раза больше противника танков и штурмовых орудий, а также орудий и миномётов, более чем в три раза боевых самолётов.

О.А. Платонов пишет: «Среднегодовое производство танков и самоходных установок в СССР было почти в 2 раза больше, чем в Германии, в 4 раза больше, чем в Англии; орудий — в 6,3 раза больше, чем в Германии, в 1,5 раза больше, чем в США, и в 5,3 раза больше, чем в Англии; самолётов — в 1,7 раза больше, чем в Германии, и в 1,5 раза больше, чем в Англии». Всё это, в конечном счёте, и создало материальные предпосылки для великой победы русского народа над германскими захватчиками. А либералы утверждают, что якобы мы выиграли войну благодаря помощи США и Англии. Нет, мы выиграли войну благодаря тому, что в производстве оружия намного превзошли страны Запада.

Немецкое командование не знало о нашем превосходстве в вооружении и численности войск и даже не могло предполагать, что советские люди способны на такие достижения. Уже к осени 1942 года русские превзошли немцев по производству всех видов вооружения. При таком количестве оружия в советских войсках и возросшей степени организации наших войск у противника не было никаких шансов на успех.

Но мы тоже тогда не знали о своём значительном превосходстве над Германией в вооружении, и Верховный Главнокомандующий И.В. Сталин, выбирая между наступлением и обороной, очень опасался, что мы не сможем прорвать немецкие позиции, и выбрал преднамеренную оборону. Командующие фронтами организовали укрепление позиций наших войск на самом высоком уровне инженерной и военной наук.

С восточной стороны за Воронежским и Центральным фронтами Ставка расположила резервные армии, которые представляли собой полноценный фронт и в дальнейшем были объединены в Степной фронт под командованием переведённого с должности командующего Северо-Западным фронтом замечательного полководца И.С. Конева. В результате первые два фронта, с трёх сторон окружённые немецкими войсками, с четвёртой стороны ощущали локоть товарищей, своих советских войск Степного фронта.

В истории войн не было случаев, когда создавались бы такие мощные стратегические резервы, объединённые единым фронтовым командованием. Впервые такую форму организации резервов применила наша Ставка Верховного Главнокомандования.

И.В. Сталин напутствовал И.С. Конева такими словами: «Степной фронт должен сыграть важную роль в контрнаступлении... Противник, видимо, создаст очень сильные группировки для того, чтобы срезать Курский выступ. Ваш фронт, расположенный за Центральным и Воронежским фронтами, должен быть в готовности, если прорвется противник, отразить его удары и не допустить развития прорыва в восточном направлении, как на орловском, так и на белгородском направлении. Поэтому полосу, занимаемую фронтом, надо хорошо подготовить в оборонительном отношении, а в тылу, по рекам Воронеж и Дон, подготовить государственный рубеж обороны».

За Степным фронтом тоже располагалось не пустое пространство, а труднопреодолимые преграды и крупные войсковые заслоны советских армий, потому что в тылу от фронта готовился государственный рубеж обороны.

Наша разведка к лету 1943 года окрепла и предоставила советскому командованию довольно точные данные о плане немецкого наступления, дав и главные сведения о направлении основных ударов противника. Данные разведки подтверждались и дополнялись сведениями партизан о перемещении немецких войск. Соответствовали сведения и выводам Ставки и Генерального штаба, проанализировавшим ситуацию и пришедшим к тем же выводам, о которых сообщала разведка. Отсутствовало только одно важное сведение — с какого направления (северного или южного) немцы подготовили более сильный удар.

Не сразу пришло решение о действии наших войск, а именно: наступать нам или обороняться. Решение принималось с учётом мнения большинства крупных военачальников страны. От Ватутина и Рокоссовского были запрошены предложения в письменном виде. Вопреки сложившемуся мнению надо заметить, что в своём донесении К. К. Рокоссовский предложил не обороняться, а наступать на орловскую группировку противника силами Западного, Брянского и Центрального фронтов.

На совещании 12 апреля вечером представители Ставки в лице И.В. Сталина, Г.К. Жукова, А.М. Василевского и А.И. Антонова приняли предварительное решение о преднамеренной обороне. То есть оборона наших войск была не вынужденной, а преднамеренной. Целью такой обороны являлось создание выгодных условий для последующего перехода в наступление.

Каждое решение принималось советским командованием взвешенно и глубоко продуманно. Советским войскам надо

было обязательно выиграть Курскую битву, потому что в противном случае нам пришлось бы всё начинать сначала, и неизвестно, хватило бы у страны ресурсов для нового перелома войны в нашу сторону. Курская битва была третьим, решающим раундом борьбы Европы с Советским Союзом, Россией.

Умудрённые двумя годами войны, наши военачальники строили оборону с высочайшей степенью мастерства, не жалея ни сил, ни средств. Особенно помогало построить оборону знание направлений главных ударов и сравнительно небольшая ширина фронта. К.К. Рокоссовский пишет, что всего войска его фронта за апрель—июнь отрыли до 5 тысяч километров траншей и ходов сообщения, установили до 400 тысяч мин и фугасов, сотни километров проволочных заграждений, включая электризованные. Крупные артиллерийские соединения — дивизии и корпуса позволяли сосредоточивать большие массы артиллерии на нужных направлениях. Сильнее стала наша авиация, оснащённая самыми современными по тем временам самолётами.

Существует мнение, что Н.Ф. Ватутин не сосредоточивал войска на опасных направлениях, а распределил равномерно по линии фронта. Но такое мнение не соответствует действительности. Г.К. Жуков писал: «Я хочу возразить против утверждения, что в отличие от Центрального фронта командование Воронежского фронта... рассредоточило усилия в полосе шириной в 164 километра, не массировало силы и средства на направлении главного удара врага. Это неверно... в полосе 6-й и 7-й гвардейских армий (где ожидался главный удар немецких войск. — Л.М.) были сосредоточены почти все артиллерийские части и соединения резерва Главного Командования, все танковые части и соединения и все фронтовые резервы. К тому же ещё «в затылок» обороны 6-й армии была поставлена 1-я танковая армия, хорошо подготовившая оборонительный рубеж, а за стыком 6-й и 7-й гвардейских армий в глубине располагалась 69-я армия на подготовленном оборонительном рубеже. Кроме того, в оперативной зоне за 6-й и 7-й гвардейскими армиями находились резервы фронта — 35-й гвардейский стрелковый корпус, 2-й и 5-й гвардейские танковые корпуса. Следовательно, критика командования Воронежского фронта построена на неточном подсчёте плотностей сил и средств в специфических условиях оперативно-стратегической обстановки». Именно по 6-й и 7-й гвардейским армиям пришёлся главный удар южной группировки немецких войск. Н.Ф. Ватутин принял все возможные меры для укрепления обороны на направлении главного удара противника.

Многополосная оборона на Курском направлении простиралась на глубину 250—300 километров. Наиболее развитой в инженерном отношении и укрепленной являлась тактическая зона обороны, глубина которой впервые за время войны достигала 15—20 км при наличии развитой сети траншей и ходов сообщения. В своих «Записках командующего фронтом 1941—1945 гг.» И.С. Конев писал: *«Организация обороны в Курской битве явилась обобщением огромного опыта, накопленного в ходе войны. Оборона была глубоко эшелонированной, многополосной с широкоразвитой противотанковой системой огня, со всеми типами инженерных укреплений и заграждений.*

Оба фронта имели в распоряжении резервы в составе общевойсковых и танковых соединений. Три месяца наши войска усиленно готовились дать достойный отпор врагу. Напряжённость работы не ослабевала ни днём, ни ночью. К началу боёв все части, в том числе и находящиеся в резерве, зарылись в землю; была зарыта в землю и боевая техника. По всем правилам военного искусства, получившего своё развитие в ходе войны, были созданы группировки войск и организованы системы огня, особенно противотанкового, круговая оборона деревень, сёл и городов, хорошо подготовлены оборонительные рубежи...

Знал ли противник об организации прочной обороны в тылу наших фронтов? Знал. И это сыграло положительную роль. Враг полагал, что мы готовимся только к оборонительному сражению. Имея огромное число танков и самоходных орудий новейших образцов, гитлеровцы надеялись, что удержать их будет невозможно... Пожалуй, это единственный беспрецедентный случай в военной истории, когда сильная сторона, имевшая все возможности для наступления, перешла к обороне. Дальнейший ход событий подтвердил, что в данном случае было принято правильное решение.

Подготовку и действие фронтов в Курской битве Ставка поручила координировать Маршалам Советского Союза Г.К. Жукову и А.М. Василевскому».

Необходимо ещё раз подчеркнуть, что кроме указанных мер по созданию прочной обороны в тылу наших войск Воронежского и Центрального фронтов стояли войска Степного фронта.

Рассказывая о плане Курской битвы, А.М. Василевский подчёркивал, что этот план являлся центральной частью общего стратегического плана, принятого Ставкой на летне-осеннюю кампанию 1943 года. Также он обращает внимание на то, что решающую роль в разработке плана сыграли высшие органы стратегического руководства — Ставка Верховного Главнокомандования и Генеральный штаб.

На Курской дуге к началу немецкого наступления Воронежский и Центральный фронт имели: свыше 1336 тысяч человек, 19 тысяч орудий и миномётов, 3444 танка и САУ и 2172 самолёта (а с учётом самолётов дальней авиации 17 ВА, Юго-Западного фронта и ночных бомбардировщиков У-2 — 2900 самолётов). Степной фронт насчитывал 573 тысячи человек, 7401 орудие и миномёт и 1551 танк и САУ.

Немецкое командование начало операцию «Цитадель», имея в составе двух ударных группировок 900 тысяч человек, около 10 тысяч орудий и миномётов, до 2700 танков и штурмовых орудий и около 2050 самолётов.

Советские войска Центрального и Воронежского фронтов превосходили противника в людях в 1,4 раза, в танках и САУ — почти в 1,3 раза, в орудиях и миномётах — в 1,9 раза.

Советское командование постоянно находилось в напряжении. Гитлер трижды переносил сроки наступления, и многие наши военачальники начали склоняться к тому, чтобы нашим войскам самим перейти в наступление против Орловской и Белгородско-Харьковской группировки немецких войск. Тем более, что детально разработанный Ставкой план Курской битвы предусматривал после обороны переход советских войск в наступление.

Но 5 июля 1943 года немецкие войска, как и ожидалось, с севера со стороны Орла и с юга со стороны Белгорода перешли в наступление. «Разрывы тысяч бомб, снарядов и мин, грохот орудий, гул танковых моторов и лязг гусениц сотрясали землю».

Наиболее сильный удар пришёлся по войскам Воронежского фронта под командованием Н.Ф. Ватутина, где действовало 8 танковых дивизий противника (1500 танков). Против войск Центрального фронта К.К. Рокоссовского действовало 6 танковых дивизий (1200 танков). Наступление пехоты и танков поддерживалось сильным артиллерийским огнём и ударами авиации с воздуха. Немецкие войска наносили удары то в одном, то в другом направлении, отыскивая слабые места в нашей обороне. На севере дуги основные удары наносились в районах Ольховатки и Понырей, на юге — в направлении на Обоянь и Корочу, а затем на Прохоровку. Нашим войскам требовалось огромное мужество и высочайшее воинское мастерство для того, чтобы остановить бронированную армию наступающих войск противника.

На участке Центрального фронта за 6 дней непрерывных атак враг продвинулся на расстояние до 12 километров, но прорвать оборону советских войск не смог. В это время 12 июля по приказу Ставки согласно плану операции «Куту-

зов» совершенно неожиданно для противника перешли в наступление на Орёл Брянский фронт и усиленная 11-я армия Западного фронта. Северной группе немецких войск стало уже не до наступления на Курск. Они начали разворачиваться против наступающих советских войск. Воспользовавшись этим, Центральный фронт 15 июля перешёл в контрнаступление. Таким образом, в районе Орла наступление гитлеровских войск провалилось.

Нашим наступающим войскам пришлось прорывать почти два года укрепляемую немцами систему оборонительных сооружений. Советские войска смогли её прорвать прежде всего благодаря насыщенности артиллерией и танками. 5 августа дивизии Брянского фронта освободили город Орёл, а к 18 августа немецкие войска были изгнаны со всего Орловского выступа, и советские войска подошли к мощному вражескому рубежу «Хаген». Окружение немецких войск, располагавшихся на Орловском выступе, не входило в планы Ставки, так как советские войска не имели на данном направлении необходимых для окружения противника сил и средств и при попытке окружения могли понести неоправданные потери. Кроме того, при окружении крупной группировки требуется длительное время и отвлечение значительных сил для уничтожения окружённых войск, а это не соответствовало планам Верховного Главнокомандования. И.В. Сталин, по-моему, очень верно сказал: «Наша задача скорее изгнать немцев с нашей территории, а окружать их мы будем, когда они станут послабее...»

На юге дуги советские войска вели ещё более ожесточённые бои, чем на севере. И.С. Конев пишет о том, что 9 июля противник, сосредоточив на обояньском направлении на 10-километровом участке до 500 танков, сделал отчаянную попытку пробить брешь в нашей обороне. И хотя командующий Воронежским фронтом выдвинул туда свои резервы и направил основные силы авиации, всё же к исходу дня враг вклинился в нашу оборону на глубину до 35 километров.

На Прохоровку была брошена 4-я немецкая танковая армия, которая имела на направлении главного удара до 700 танков и штурмовых орудий.

В этой напряжённой обстановке Ставка приняла решение о передаче 5-й гвардейской танковой и 5-й гвардейской армий Степного фронта в состав Воронежского фронта для использования в намечавшемся контрударе... Важно отметить, что вражеская авиация во время передвижения этих армий не появлялась, так как наши военно-воздушные силы господствовали в воздухе и не пропускали немецкие самолёты

за линию фронта. На маршрутах движения войск истребители 5-й воздушной армии непрерывно патрулировали и прикрывали их. Именно это позволило нам относительно свободно маневрировать резервами в дневных условиях. Армии вышли в заданный район своевременно и в полной боевой готовности...

Соединениям 5-й гвардейской танковой армии генерала П.А. Ротмистрова и 5-й гвардейской армии генерала А.С. Жадова предстояло совершить марш до 300 километров. 5-я гвардейская армия должна была развернуться на армейской полосе обороны от Обояни до Прохоровки. 5-й гвардейской танковой армии было приказано сосредоточиться севернее Прохоровки. Этими двумя хорошо оснащёнными укомплектованными армиями, а также войсками, имеющимися в составе фронта, командующий Воронежским фронтом с согласия Ставки решил нанести контрудар.

В районе Прохоровки произошло крупнейшее танковое сражение. На поле битвы участвовало 1200 танков и самоходных орудий. Ожесточённая схватка длилась до позднего вечера. Мощный контрудар советских войск, их организованность и героизм личного состава похоронили все наступательные планы гитлеровцев.

Контрудар измотал и обескровил немцев. Пик оборонительных боёв на южном направлении пришёлся на 12 июля. Г.К. Жуков тоже пишет о том, что 12 июля на Воронежском фронте шла величайшая битва танкистов, артиллеристов, стрелков и лётчиков, особенно ожесточённая на прохоровском направлении. А.М. Василевский был свидетелем «титанического поединка двух стальных армад». Это было самое крупное танковое сражение 2-й мировой войны. За время боя гитлеровцы потеряли в районе Прохоровки до 400 танков и свыше 10 тысяч солдат и офицеров убитыми. И здесь прорвать оборону наших войск враг не смог.

18 июля войска Воронежского и часть войск Степного фронтов перешли к преследованию противника, и к 23 июля Воронежский фронт занял позиции, на которых находился до начала немецкого наступления.

Оборонительная часть Курской битвы завершилась. Для Германии операция «Цитадель» закончилась полным поражением. Гитлеровцы смогли продвинуться только до 12 км на северном и до 35 км на южном фарсе Курской дуги. Как ясно из вышесказанного, к 23 июля на южном направлении противник был отброшен на прежние позиции, а на северном — намного дальше прежних позиций и отступал под ударами советских войск.

Наши войска, с 5 июля не знавшие ни сна, ни отдыха, не могли сразу перейти в общее наступление на южном фарсе Курского выступа. Кроме того, учитывая, что после неудавшегося наступления южная группировка немецких войск отошла на сильно укрепленные позиции под Белгородом и Харьковом, советским войскам надо было тщательно подготовиться к наступлению.

«Для обороны белгородско-харьковского плацдарма немцы держали крупную группировку войск в количестве 14 пехотных и 4 танковых дивизий. Кроме того, в ходе сражения на это направление противник перебросил ещё 5 танковых, моторизованную и 4 пехотные дивизии... Не случайно немцы придавали белгородско-харьковскому плацдарму важное стратегическое значение. Он был наиболее сильным бастионом немецкой обороны на востоке, воротами, запирающими нашим войскам путь на Украину», — писал И.С. Конев.

3 августа 1943 года согласно плану операции «Полководец Румянцев» мощной артиллерийской и авиационной подготовкой началось наступление наших войск на белгородско-харьковском направлении силами Воронежского, Степного и Юго-Западного фронтов. 5 августа войска Степного фронта штурмом овладели Белгородом. День освобождения Белгорода совпал с днём освобождения Орла. Освобождение Орла и Белгорода впервые в ходе Великой Отечественной войны Москва отметила артиллерийским салютом. Этот первый артиллерийский салют в честь боевой доблести советских войск говорил о полной уверенности нашего правительства в грядущих победах над врагом. С этого дня салюты в Москве в честь побед Красной Армии стали славной традицией.

23 августа наши войска освободили Харьков. И.С. Конев вспоминал: «Надолго останется в памяти участников освобождения Харькова и жителей города митинг воинов и трудящихся, проведённый 30 августа у памятника Тараса Шевченко. Как мы и предполагали, авиация врага в этот день неистовствовала. Собираясь, видимо, отомстить нам за то, что мы разбили его при взятии Харькова, враг решил разрушить Харьков с воздуха. Но ни одному вражескому самолёту не удалось прорваться сквозь огонь наших зенитчиков и обойти плотное прикрытие города с воздуха силами 5-й воздушной армии. Давая приказ на прикрытие города авиацией во время демонстрации, я сказал командующему 5-й воздушной армии, что нужно создать надёжный «защитный зонт». Все оставшиеся в живых жители города вышли на улицы. Харьков ликова!».

Как видно, Курская битва продолжалась с 5 июля по 23 августа 1943 года и делилась на оборонительную и наступательную операции. На мой взгляд, она показала и то, что даже на узком участке фронта при тщательно подготовленной мощной обороне невозможно удержать фронт от прорыва хорошо вооружённым противником, и Воронежский фронт устоял только благодаря помощи резервного Степного фронта. Но сегодняшняя российская военная наука признаёт только оборонительные бои и считает их панацеей от всех бед.

Курская битва является одной из крупнейших битв 2-й мировой войны. Она явилась важным этапом на пути к победе Советского Союза над фашистской Германией. В этой битве было разгромлено 30 отборных дивизий противника, в том числе 7 танковых, вермахт потерял свыше 500 тысяч солдат и офицеров, 1,5 тысячи танков, свыше 3,7 тысячи самолётов, 3 тысячи орудий. Советские войска продвинулись в южном и юго-западном направлениях на 140 км, ликвидировали Орловский и Белгородско-Харьковский плацдармы противника и создали условия для освобождения Левобережной Украины и выхода на Днепр.

«Битва под Курском, которую мы вправе называть Великой битвой, характерна огромным размахом, исключительной напряжённостью и ожесточённостью борьбы. Она охватила огромную территорию нынешних Орловской, Брянской, Курской, Белгородской, Харьковской и Полтавской областей. 49 дней шли упорные, напряжённые бои на земле и в воздухе. За это время обеими сторонами последовательно было введено в сражение свыше 4 миллионов человек, более 69 тысяч орудий и миномётов, 13 200 танков и самоходных орудий и до 12 тысяч боевых самолётов.

Развернувшиеся в ходе битвы танковые сражения не имели себе равных в военной истории. Это была величайшая танковая битва во Второй мировой войне», — написал И.С. Конев.

И.В. Сталин подвёл итог этого сражения такими словами: «Если битва под Сталинградом предвещала закат немецко-фашистской армии, то битва под Курском поставила её перед катастрофой».

Курская битва показала возросшую мощь советских Вооружённых Сил и выучку её офицеров и солдат. И если под Сталинградом для разгрома армий Германии и её союзников Красной Армии понадобилось более шести месяцев, то для разгрома под Курском — 49 дней.

ТРАДИЦИОННЫЕ ЦЕННОСТИ И ЛИБЕРАЛЬНАЯ СЕКТА

В 2013 году всем участникам Рождественских чтений была предложена для размышления важнейшая тема: «Традиционные ценности и современный мир». В своем вступительном слове Святейший Патриарх Кирилл привел замечательный образ, сравнив традиционные ценности народа с прекрасным сокровищем, неким колье из драгоценных камней, заметив, что все камни-самоцветы в этом драгоценном колье держаться, как на некой связующей нити, на непреходящих нравственных ценностях, данных человеку Богом. Вера является тем стержнем, той скрепляющей нитью, которая собирает все эти драгоценные камни в прекрасное колье, и если эту нить разорвать, то все эти самоцветы рассыплются. Каждый драгоценный камень прекрасен сам по себе, но они уже не составляют эту единую гармоничную неповторимую красоту.

Святейший Патриарх Кирилл говорил о том, что традиционные ценности, созданные народом и сохраняемые его традицией, такие, как национальная куль-

СИМВОЛ ВЕРЫ

тура, фольклор, обряды и обычаи в основе своей должны опираться на непреходящие духовные ценности, которые открыл Господь. «И эти ценности вечны и неизменны, как вечен и неизменен Бог», — сказал Патриарх.

В Советский период нашей истории продолжали сохраняться многие традиционные ценности русского народа, но главная связующая нить — вера в Бога — была насильственно прервана. Без Бога пытались выстроить свою систему нравственных ценностей социалистического общества. Многие коммунисты сегодня с гордостью говорят о том, что моральный кодекс строителя коммунизма был построен на основании десяти заповедей. Но закончилась попытка построить справедливое общество без веры в Бога крахом. Могучее государство СССР исчезло за три дня в августе 1991 года. И мы видим, как после гибели Советского Союза все рассыпавшиеся драгоценные самоцветы нашей культуры старательно пытаются затоптать в грязь и уничтожить.

Распад великой державы, которой несомненно был Советский Союз, убедительно доказал, что без чувства ощущения Бога в истории народ теряет главный смысл своего существования. Об этом писали многие русские мыслители. Об этом говорил и Петр Аркадьевич Столыпин, который утверждал, что любые реформы в экономике и общественной жизни должны прежде всего быть основаны на духовных достижениях русского народа. Столыпин говорил: «Наши реформы, чтобы быть жизненными, должны черпать свою силу в этих русских национальных началах». «Нельзя к нашим русским корням, к нашему русскому стволу прикреплять какой-то чужой, чужестранный цветок».

Народ, потерявший высший смысл своего существования, может исчезнуть с лица земли. Столыпин предупреждал: «Народы забывают иногда о своих национальных задачах; но такие народы гибнут, господа; они превращаются в назем, в удобрение, на котором вырастают и крепнут другие, более сильные народы».

Российские либералы на протяжении многих лет привычно издеваются над размышлениями об особом русском историческом пути. Размышления о национальной идее России вызывают у этой публики саркастические усмешки. Либералы пытаются нас убедить, что единственный возможный вариант развития России — построение «свободного, демократического общества» по образцу современных США и государств Западной Европы. Уверенность либералов в том, что они обладают истиной, а торжество идей «демократии и свободы» во всем мире неизбежно, удивительно напоминает веру

большевиков в окончательную победу идей «марксизма-ленинизма». Непокколебимая вера либералов в законы «свободного рынка» и «права человека» напоминают уверенность коммунистов в своем «единственно верном научном учении» и обладании неким «высшим знанием» в виде «исторического материализма». И в наши дни зловещий «призрак либерализма» шествует по миру, устраивая в различных странах «оранжевые революции», разрушая жизнь народов.

Ни для кого уже не является секретом, что попытка воплотить либеральный проект в России полностью провалилась. Либеральные реформы оказались необыкновенно разрушительными не только для нашей экономики. «Рыночники» методично уничтожают российскую систему образования, медицину, культуру. Происходит это потому, что либеральный проект построен на определенной идеологии, которая формирует не только экономику, но претендует на то, чтобы формировать всю жизнь российского общества. И за последние десятилетия стало очевидным, что этот либеральный проект в самой сути своей противостоит тем традиционным ценностям, на которых веками строилась жизнь России.

Но подавляющее большинство нашего народа вовсе не желает «перестраиваться». Ну не желает наш народ видеть парады содомитов, не желает кошунство в православных храмах считать проявлением свободы творчества, как ни стараются его убедить, что именно так живет весь «цивилизованный мир». Но сегодня небольшая часть т.н. «креативного класса», который обладает властью над всеми российскими СМИ, агрессивно и упорно пытается навязать свою волю всей России. Это напоминает борьбу революционеров-борцов с русским обществом в начале XX века. Презрительные слова Юргенса и пр. сторонников либеральных реформ в адрес «архаичного народа», с которым невозможно строить рыночную экономику, невероятно напоминают сетование Ленина, Троцкого, Бухарина и пр. «пламенных революционеров» на отсталость русского народа, который они вынуждены силой загонять в «светлое будущее».

Но либералы с ненавистью относятся не только к традициям и культуре русского народа. Они ненавидят те вечные, данные Богом ценности, которые стали основанием русской цивилизации, того культурно-исторического типа, который либералы пытаются уничтожить ради торжества «идей демократии» и «священных прав человека» на убийство младенцев во чреве матери, эфтаназию, парады содомитов и прочих достижений «цивилизованного общества».

И если у какой-то части нашего народа существовало представление о том, что либеральные взгляды не препятствуют человеку быть добрым христианином, то после кощунства в храме Христа Спасителя должны были рассеяться последние иллюзии. Все либеральные СМИ, все политики, журналисты и деятели культуры, придерживающиеся прозападных взглядов, единодушно встали на защиту права кощунниц свободно осквернять православные храмы. Стало ясно, что последовательная приверженность либеральным взглядам требует неопременного отречения от «клерикалов», которые «тянут общество в средневековье». Сегодня искренне придерживаться либеральных взглядов и быть православным христианином так же невозможно, как в 20-е годы участвовать в антирелигиозных демонстрациях, на которых сжигали чучела «толстых попов» и прочих «эксплуататоров трудового народа», и одновременно ходить на богослужения в храм.

Российский либерал сегодня непременно должен осуждать «архаичную» Русскую Православную Церковь и сочувствовать несчастным «девочкам», которых упекли в тюрьму жестокие «церковники». «Креативному» христианину неприлично быть заодно с «толстыми попами», «темными старушками, погрязшими в обрядоверии», а также с церковными иерархами, которые поддерживают «полицейское государство». Общественное мнение «креативного класса» не прощает верности Русской Православной Церкви.

При этом российскому либералу позволено уважать любые другие христианские конфессии, желательно протестантского толка, которые распространены в богатых и развитых европейских странах. Он может с уважением относиться к любым сектам. Ему позволено быть эзотериком, буддистом, кришнаитом, пятидесятником и даже верить в летающие тарелки. «Духовные поиски» не возбраняются. Но настоящий либерал не имеет никакого права поддерживать «клерикалов» из Русской Православной Церкви, которые «рвутся к власти» в России, мечтая устроить в стране «православный шариат». В присутствии в России множества сект либералы всегда видели признак «открытого свободного общества», где каждый «имеет право выбора».

И подобное расположение российских либералов к различным сектам не случайно. Заметим, в любых диспутах, идет ли речь о праве содомитов вести открытую пропаганду греха и устраивать шествия по улицам наших городов, идут ли споры о русской истории или современной политической ситуации в России и мире, либералы ведут себя невероятно агрессивно. В любом споре они перебивают собеседника, стара-

ются перекричать, не желают даже вникать в смысл сказанного оппонентами. При этом отличительная особенность манеры либерала вести любую полемику — постоянная презрительная усмешка. Опровергать доводы собеседника вовсе не обязательно, достаточно ехидно улыбаться: не обязан же либерал объяснять православным мракобесам и невежам истины, известные каждому представителю «цивилизованного сообщества». Нетерпимость, высокомерная уверенность в том, что они обладают истиной, чувство своей избранности — всё это сближает российских либералов с тоталитарными сектами. Кстати, российским либералам, как и всем религиозным сектантам свойственно подвергать психологическому террору и обструкции всякого, кто посмел выйти из секты. Любого представителя творческой интеллигенции, осмелившегося сказать что-либо противоречащее общепринятому в либеральной секте, тут же клеймят позором как предателя и объявляют «нерукопожатным».

Но либеральный «блицкриг» не удался, Русская Православная Церковь выдержала все удары сектантов, что вызывает в рядах «креативных» настоящую панику. Надо заметить, что, пытаясь внушить ненависть и презрение к России, русской истории и Русской культуре, либералы часто проявляют действительно выдающиеся способности и творческую изобретательность. Вот только большинство нашего народа все чаще воспринимает эту публику как настоящую «тошную силу». Напомню, что «тошной силой» на Руси называли бесов.

Глава синодального Отдела по взаимоотношениям Церкви и общества протоиерей Всеволод Чаплин, выступая на одной из секций в рамках Рождественских чтений, недавно заявил: «Церковь никогда не пойдет на то, чтобы поверить в химеры, которые пытаются представить свое мнение, мнение узкой группы людей, мнением всего общества и начать диктовать свою волю, начать убеждать Церковь в том, что она должна отказаться от своего вероучения, от своих ценностей, традиций, от Христа и Евангелия для того, чтобы быть приемлемой для этой узкой группы людей».

По словам священника, сегодня в некоторых частях информационного пространства, то есть в некоторых СМИ, элементах блогосферы, доминирует «тусовка из нескольких тысяч человек, а некоторые говорят, что из нескольких десятков человек». «Эти люди обладают определенными ресурсами, возможностями внешней поддержки», но «по многим вопросам жизни страны, ее развития, прошлого и будущего, исповедуют взгляды, прямо противоположные взгляду большинства».

Не только в кощунственных плясках в храме, попытках устроить в России массовый «крестоповал», истериках на «Эхе» и прочих либеральных СМИ, выставках Гельмана, но и во многом, что творится на российском ТВ, можно видеть признаки откровенного беснования. Наступило время, когда Церковь должна изгнать либеральных бесов из жизни общества, освятить российское пространство.

Сегодня необходимо не только отбивать методичный натиск т.н. «антиклерикалов», а на самом деле — ненавидящих Христа и Россию богоборцев. Необходимо, чтобы голос Русской Православной Церкви звучал мощно и властно, требуя очистить всю нашу жизнь от этого крикливого, шумного и невероятно истеричного меньшинства. Ведь именно Православная Церковь должна противостоять различным сектам, которые несут духовную отраву нашему народу, в том числе и либеральной секте, которая учит своих последователей «как сладостно Отчизну ненавидеть и жадно ждать ее уничтоженья».

В начале 90-х годов XX века одновременно с засильем либералов в политике и информационном пространстве страны в городах России появились десятки различных сект — от иеговистов и кришнаитов до аум-сенрике, «белого братства» и сайентологов. Можно было видеть, как в каком-нибудь российском городе только начинали восстанавливать православный храм, в это же время дома культуры и кинотеатры города оккупировались различными сектами. Огромные финансовые возможности и поддержка из-за рубежа помогали сектантам получать лучшее время в эфире, подкупать чиновников. И все сектанты дружно и очень злобно ругали Русскую Православную Церковь. Сегодня эти многочисленные секты исчезли или же вынуждены ютиться на задворках общественной жизни. Уверен, что такая же участь ожидает и последователей самой многочисленной секты — сообщества российских либералов. Объявив открытую войну Русской Православной Церкви, либералы подписали себе приговор.

Дважды в XX веке либералам удавалось устроить погром Российской государственности. Первый раз в феврале 1917-го, второй раз в 1991-м. Больше двадцати лет либеральная секта находится у власти в стране, пытаясь сокрушить все основы русской жизни. Изгнание либеральных бесов станет началом подлинного исцеления народной души и возрождения России.

ПРИСЛУШАЙСЯ...

ПУСТЬ ТОЖЕ ПОМНЯТ..

Немцы тесной кучкой стояли у Звонницы на Прохоровском поле. Дети и внуки ворогов, супостатов, некогда посягнувших на свободу нашей Родины, казались пестрыми муравьями на фоне величественного памятника русскому оружию, русскому духу, который не сломил никто и никогда за многовековую историю России.

Они положили гвоздики к подножию монумента. У некоторых в глазах блестели слезы, они их вытирали скотч-лоскутками носовыми платками. Возможно, в тот момент гости из Германии вспомнили кого-нибудь из своих предков, воевавших на великих русских просторах, а, может быть, и навсегда оставшихся в нашей земле. Показалось, что я даже услышал тихое, неизвестно к кому обращенное:

— *Verzihen Sie!* (Простите *(нем.)*)

Простите... Да, те, кто пришел тогда к нам с оружием, давно прощены. Но горе, что они принесли, останется навсегда в народной памяти, рассказы о нем будут передаваться от поколения к поколению

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

даже тогда, когда последний участник, последний свидетель войны уйдет из жизни.

Как можно забыть рассказ бывшей жительницы прохоровского села Покровка Марии Дмитриевны Проскуриной?

— За день до большого боя через село проезжал грузовик со снарядами. Что-то в моторе сломалось, и шофер бросил его близ нашей хаты. Солдат обещал вернуться с другой машиной, да куда там! — вокруг уже грохотало.

А рано утром двенадцатого июля со стороны немцев полетели огненные снаряды, и грузовик взлетел на воздух. Мы таились в погребе, потому и спаслись. А хата дотла сгорела. Неразорвавшиеся снаряды разбросало по всему огороду, потом мы со страхом выносили их на руках в ближайшую ярушку.

Война много бед принесла. Помню, очень голодали. Одно спасение было — корова. Молоко она давала хорошее, вкусное. А когда пришли немцы, то по их приказу полицей забирал почти все, что мама надаивала.

Однажды вражина вовремя не пришел за молоком. Было лето, и мама сказала: «Чай, уже не зайвится, а молоко скиснет», — и наварила нам каши пшенной.

Только поели — полицей вот он, на пороге. Увидев, что молока нет, рассвирепел, стал ругать маму, а потом доложил немцам.

Вскоре пришли два бугая с автоматами, накинули нашей коровке веревку на шею и поволокли по дороге. Мы, дети, плача, бежали за ними до околицы, а мама чуть ли не до самого Яковлева умоляла не забирать кормилицу. Солдаты хлестали ее веревкой, пинали, да так, что, вконец обессилив и отстав, она потом едва до двора дошла.

Может быть, кто-то из тех вражбых солдат был отцом или дедом немцев, что теперь топтались на Прохоровском поле. А Мария Дмитриевна, рассказывая, плакала, хотя со времени тех событий прошло более шестидесяти лет.

Потом гости сфотографировались на фоне Звонницы. На память.

Что ж, пускай они тоже не забывают.

...И ТЕПЕРЬ НЕ ПУСКАЮТ

Никак не могу забыть слова уже немолодого крестьянина.

В селе открывался отреставрированный храм. Некогда взорванный, а потом доразобранный местными атеистами, он больше полувека чернел развалинами, как укоризна всему тому, что случилось когда-то с нами.

Теперь церковь светилась белизной и голубизной, сияли позолоченные колокола, лились раздолжно звоны.

На торжество сошлись чуть ли не все селяне — с мала до стара. Стоят толпой вокруг храма, а внутрь — не пройти, ибо впереди высокопоставленные гости, как в президиуме. Черные и цветные пиджаки. Строгие и яркие галстуки. Рослые парни в коже: как же при народе без охраны?!

А крестьянин и говорит:

— Ну вот: раньше они нас в храм не пускали и теперь не пускают. Сами норовят поперед пролезть, как будто у них к Богу дела есть поважнее, чем у нас. Где же справедливость?

Вопрос был явно риторическим, но почему-то я до сих пор думаю и думаю над ним.

СРАВНИЛ...

Краем уха слушаю радиопередачу. Литературный критик, так сказать, либерального толка, сделавший имя в мутные перестроечные годы, встречается с молодежью. Говорит, слегка грацируя, явно довольный тем, как он оригинален в своих словоизлияниях.

Школьник задает вопрос:

— Как вы относитесь к тому, что в русском языке всё больше англоязычных выражений?

Гость, авторитет, иначе бы его не пригласили в школу, отвечает, не задумываясь, примерно так:

— Вот вы, ребята, почти все в джинсах. И это нормально, потому что они удобны, практичны, модны. Можно ли их запретить? В советские времена пробовали, но ничего не получилось. То же самое с английскими словами: этот язык — международный, его проникновение в другие языки естественно и неостановимо. Так что всё — окей!

И это слова того, кто считает себя русским писателем!

Думаю: ну ладно, пусть не авторитеты для него Пушкин, Тургенев, Достоевский, Толстой и другие наши классики, пусть не чтит он нынешних — Белова, Распутина, но хотя бы к Бродскому прислушался: «...Самое лучшее и драгоценное, чем Россия обладает, чем обладает русский народ, — это русский язык».

Каким же надо быть равнодушным к судьбе русского языка, чтобы его с джинсами сравнить!

НАГЛЯДНЫЙ УРОК

Эту стареющую женщину или молодящуюся старушку я несколько раз встречал на троллейбусной остановке. Она

была, вероятно, с внучкой — первоклашкой или второклашкой, провожала ее в школу. В троллейбусе вела себя довольно агрессивно, настырно протискивая девочку вперед, переругиваясь с пассажирами.

Я обратил внимание на то, что в руке у женщины всегда была палка, вырезанная из ветки дерева. «Зачем?» — подумалось мне.

Однажды троллейбус подошел переполненный. Даже в первую дверь было трудно протиснуться. Но пассажирка с внучкой, отталкивая всех, вдруг (вот для чего припасла!) подняла палку. Удар пришелся по мальчишке с ранцем на спине, который, видимо, тоже торопился в школу и неожиданно нырнул в дверь откуда-то сбоку.

— Гадина! — орала разъяренная бабушка. — Старших не уважаешь, прешь по ногам. Чтоб твоя башка оторвалась...

Брань перекосила ее рот. Все опешили. Стали возмущаться. Мальчишка отскочил от троллейбуса. А внучка, опустив глаза, подталкиваемая бабкой, лезла вперед. Наглядный урок хамства она, кажется, уже успешно усвоила.

ОГРАБЛЕНИЕ

Учительница начальных классов. Родом из села. Более десяти лет жила в общежитии, где и вышла замуж. Семья не сложилась, и она осталась с дочкой. Родители умерли, и, продав дом в деревне, учительница смогла внести деньги на двухкомнатную квартиру, за которую, получив ее, расплачивается в рассрочку, экономя буквально на всем.

Однажды учительницу, когда она была в школе, срочно позвали к телефону. Звонила соседка тревожным голосом: «В твоей квартире кто-то ходит! И дверь приоткрыта! Я уже милицию вызвала!»

Подхватилась учительница и скорей к дому, благо он недалеко. К квартире подбежала, когда на площадке уже стояли милиционеры: без хозяйки они в жилище входить не решались.

Дверь действительно была взломана. Зашли. Милиционер шагнул в большую комнату и, увидев, что в ней только стол посредине и два стула у стен, воскликнул: «Вот гады, все успели вывезти!»

Потерпевшей стало смешно и грустно от таких слов: в комнате и до визита воров больше ничего не было: на учительскую зарплату мягкую мебель не купишь!..

Она боялась за свою единственную ценность — пальто с песцовым воротником, которое висело в шкафу в маленькой

комнате. Но грабители его не взяли. Может быть, потому, что было лето, а, может быть, пожалели хозяйку квартиры, в которую они так опрометчиво забрались.

КОРМИЛЕЦ

Сережке — четырнадцать. Отец давно умер, поэтому лет с девяти мальчишка добывает деньги для семьи, и мама называет его кормильцем. Она — учитель начальных классов, получает копейки, которых едва хватает на оплату квартиры да на простую еду для Сережки со Светкой. Сестра уже барышня, учится в одиннадцатом, но после уроков, когда подруги уходят домой, она моет в школе полы: тоже какие-то деньги.

Сережка встает в шесть часов. Пьет чай с чем-нибудь и бежит на ближайшую автостоянку: владельцы машин начинают выводить свои «тачки», и самое время предложить им, к примеру, помыть «красавицу». Если работа не подворачивается, мальчишка спешит на рынок: торговцы отворяют ларьки, кому-то надо подсобить, подвезти или принести товар. Есть у него и еще один источник дохода — ездить на «маршрутках» за кондуктора. Несколько знакомых водителей охотно берут парнишку. Прибыль — пять рублей с круга. В конце маршрута в салоне можно найти еще несколько оброненных монет. А плату от пассажиров он никогда не назначает, знает: если позволит себе хоть раз такое, на «маршрутках» ему больше не ездить.

Обедает Сережа дома. К вечеру тот же путь — только в обратном порядке — рынок, автостоянка. Заработанные деньги вечером отдает маме, на карманные расходы оставляет, как правило, четвертую часть: он уже покуривает, иногда заходит в компьютерхолл, бывает, покупает мороженое.

В школу он, ученик девятого класса, ходит два раза в неделю: ему дома разрешили заниматься. Уроки готовит вечером. Учится средне, но нажимает на физику и математику, так как хочет поступить в профтехучилище и стать автослесарем. Его мечта — выучиться, заработать денег, купить хоть какую-нибудь древнюю машиненку, чтобы возить на дачный участок маму, Светку, старенькую бабушку. Земля для семьи — тоже кормилица, как и он, Сережка.

ПОЛМЕШКА КАРТОШКИ

Об этом случае — комическом или печальном? — рассказал мне знакомый художник.

— Привез я как-то полмешка картошки с огорода. Так, мелочь. Хорошую мы давно съели, а эти остатки в земле хранились. Решил их в мастерской оставить: гости придут — сварю, угощу.

Привез на велосипеде. Мастерская у меня на семнадцатом этаже. Вызвал лифт. Поставил картошечку в кабину, а пока с «великом» возился, она вверх поднялась. Ткнул в кнопку. Думаю, вернется лифт с моим мешком. Через несколько минут лифт приехал, но картошки в кабине уже не было.

Побежал по этажам. Может быть, кто подшутил, выставил мешок на площадку? Увы, не видно. Позвонил в некоторые квартиры. Поспрашивал. Никто ничего о моей картошечке сказать не мог. Так она и пропала.

Чувство юмора у меня есть. Я, конечно, смеялся про себя: ну вот и попотчевал гостей, нерасторопа! И все-таки в глубине души горечь была: это же надо так людям измельчать, что полмешка картофельного гороха увести?! Помню, хотя и совсем малым был, в голодное послевоенное время мать с соседями последними картохами делилась, и они нас часто выручали. Воровства такого не было, хотя все впроголодь жили.

СПОНСОР

Он — руководитель преуспевающей фирмы. Из новых русских. Я пришел за помощью, чтобы издать книгу сказок юных авторов. Денег прошу столько, сколько он, наверное, получает за пару дней.

Полчаса томился в приемной. Вхожу. Садиться не предлагает, хотя сам развалился в крутящемся кожаном кресле. Излагаю просьбу. Хозяин шикарного кабинета с недоумением смотрит на меня. Говорит сквозь оттопыренную губу:

— Какие сказки?! Чем вы занимаетесь?! Сегодня надо учить детей деньги зарабатывать, а не стихи-басни сочинять. Да я своего пацана отлупил бы, если бы он такой глупостью увлекся. Не дам!..

Ответ был более чем конкретный. Я вышел и уже в приемной поймал себя на мысли, что поступил правильно, не сказав новоявленному капиталисту главного: в рукописи будущей книжки была сказка и его сына.

НОСИТЕЛЬ ЗОНТА

Моросит дождь. Из офиса к машине направляется некто важный. Около него семенит с огромным черным зонтом,

прикрывая шефа от капель, некто безликий. Хлопает дверца, и шикарное авто отъезжает.

Парень, наблюдавший вместе со мной эту картину, говорит:

— Да-а! Вот бы устроиться на такую бластную работенку! А что? Быть носителем зонта — и не пыльно, и, наверное, денежно.

В его голосе нет иронии, и потому мне становится грустно. Это что за времечко настало, когда человеку нравится должность прислужника?!

СОЧУВСТВУЮЩИЙ

Он — владелец нескольких магазинов. А был рядовым бухгалтером в торговой организации и, когда в стране начался бедлам, ловко прокрутил несколько операций по поставке товаров, получил приличные денежки, «прихватизировал» несколько помещений, и пошло-поехало. Так он выбился в клан богатеньких.

Теперь у него за городом шикарный особняк, в котором семья новоявленных русских проводит выходные дни, в остальное время здесь обитают сторож, вернее, охранник, и управительница хозяйством, а попросту — домработница. Ее хозяин нашел, обратившись в храм, и ему порекомендовали скромную и добропорядочную прихожанку.

Нина Ивановна (назовем ее так) училась в Московском университете, была радиожурналисткой. Но жизненные невзгоды привели к православию, в котором она нашла душевную опору и покой.

Хозяин обращается с домработницей подчеркнуто вежливо, расспрашивает о житье-бытье. Ей позволено брать в огромном холодильнике все, что пожелает, но домой что-то взять — ни-ни!

А у Нины Ивановны черная полоса все никак не превратится в белую. Тяжело заболела племянница, потребовалась сложная и дорогущая операция. Помогли многие: сокурсницы по университету, подруги по бывшей работе, соседи, прихожане в храме. Богатый хозяин однажды тоже поинтересовался: мол, как дела у вашей племянницы?

Нина Ивановна рассказала, а потом возьми да спроси:

— А вы не поможете?

Новый русский долго не раздумывал, сказал, видимо, то, что у него сверху на сердце лежало.

— Я, конечно, сочувствую вам, но у меня лишних денег нет. И вообще, я жадный.

И сочувствующий сделал невинную улыбку.

В ДЕРЕВНЕ ЛИФТОВ НЕТ

Рассказывает женщина среднего возраста: «Муж-то мой из деревни. Мальчишкой еще оттуда уехал, когда школу закончил. В профтехучилище учился, потом в институте. По лифтерному делу.

Последние годы, как машинешку купили, мы каждые субботу и воскресенье в его родную деревню уезжаем. Там он — совсем другой человек. Дом старый так отделал — и внутри, и снаружи — смотреть любо! А в огороде с каким старанием копается, в саду каждое деревце, каждую веточку знает. Душой отходит, взгляд теплеет, ласковый становится. А как вернемся в город, идет на работу — к вечеру возвращается набычившимся, особачившимся.

Говорю ему: «Давай переедем в село...» А он мне: «Что я там буду делать? В деревне ведь лифтов нет!..»

ТЕПЛЫЙ ВОДИТЕЛЬ

Зимнее утро. Мороз такой — за щеки и уши хватает. В троллейбусе не теплее, он без обогрева.

Втискиваемся, толкаясь. Кто-то не выдерживает, браня всех и вся. Вдруг голос водителя: «Доброе утро, уважаемые пассажиры! Прошу у вас извинения за не столь комфортабельный салон: лучших троллейбусов у нас пока не выпускают. Будьте внимательны друг к другу, не толкайтесь. Молодые, уступайте места старшим. И женщинам тоже. Они ведь у нас красавицы. Не забывайте платить за проезд. Водителю тоже надо что-то кушать. Следующая остановка...»

В салоне сразу потеплело. И острый локоток девушки в спортивной куртке с меховой оторочкой стал мягче. Его прикосновения уже не раздражают, мне даже приятно. И ворчавшая бабка вдруг осеклась и шутливо выдохнула: «Ох, морозище! Хорошо, что водитель теплый попался». Пассажиры заулыбались. Кое-кто в карман полез, чтобы расплатиться. И дорога до работы стала ближе. И настрой добрый появился.

До сих пор помню этот веселый подбадривающий голос, хотя слышал его давно.

БЕДНЫЕ

Полупустое маршрутное такси. На остановке входят две женщины. Молодые, ярко одетые. На пальцах и в ушах поблескивает золото. Из пакетов торчат зеленые гребешки ананасов.

Садятся впереди меня. Невольно подслушиваю разговор.
— Вчера пальто кожаное себе купила.
— А мой из Москвы сапоги привез — закачаешься! Говорит, по последней парижской моде сшиты. Баксами платил.
— Ой, нам же сходить!
Подхватываются. Спешат к выходу.
Шофер:
— А за проезд платить, дамочки?
Обе как будто не слышат, резво прыгая с подножки.
— Наверное, бе-едные, — протягивает шофер с явной иронией в голосе.

АРТИСТИЧНАЯ НАТУРА

Маринка учится в четвертом классе. Она — артистичная натура. Занимается в самодеятельности: поет, танцует.

В школе был праздник. Приехали телевизионщики, долго снимали ребятишек. Маринка очень старалась, хотела увидеть себя в телевизоре.

Вечером в местных теленовостях — минутный сюжет. Маринка в него не попала. Пришла в школу. Плачет:

— Меня не показа-али!..

На другой вечер — в культурной программе довольно странная передача о школьном празднике. Маринка красовалась на переднем плане и не раз. Улыбающаяся. Веселая. С сияющими глазами.

Когда на другой день она явилась на занятия, учительница спросила:

— Ну что, Марина, видела себя?

Девчонка опять в слезы.

— Что теперь-то ревешь?

— От ра-адости!..

ПРО ПОРОСЕНКА

Пригородный автобус только тронулся, как раздался пронзительный поросячий визг. Машина набрала скорость — визг становился все неистовее.

Водитель остановил автобус:

— Кто везет поросенка?

Отозвался мужчина на заднем сиденье, поглаживая шевелящийся на коленях мешок.

— Дык я!..

— Заткни ему пасть, а то я выброшу его и тебя вместе с ним.

— Дык как я ему заткну?! Он же живой.

— Ты еще шутишь! Вылазь из автобуса.

— Дык я же на него билет взял.

— Как?

— Да. До Устинки мы едем.

Водитель таращит глаза. Пассажиры смеются. Кто-то с юмором предлагает:

— Граждане, давайте проголосуем: кому мешает поросенок ехать? Поднимите руки. Никому! Кто за то, чтобы он продолжал путь? Кто воздержался? Единогласно. Так что, шофер, продолжайте путь.

— Я не поеду, пока этот тип с мешком не выйдет.

— Как же он на полпути останется?

— Не мое дело.

Мужик с поросенком робко произносит:

— Дык ежели бы я с ребеночком ехал, он плакал, что, и тогда бы высадил? Дык ребеночек еще и описаться мог, сиденье омочить, а мой-то ничего.

Тут лицо шофера расплывается в улыбке:

— Ну, смотри, если он что-то подобное сделает, сам вытирать будешь. И пой колыбельную своему поросеночку, может, замолчит.

— Дык ладно. Баю-ба-юшки-баю, хрю-хрю-хрю...

И водитель, и пассажиры хохочут. У всех — уже хорошее настроение.

ПЕРЕКОВАЛСЯ

При той власти он был при идеологии. Помню, слово — «перековаться», которое он употреблял к месту и не к месту. При нынешней — он при деньгах: работает в коммерческом банке.

Тогда он взахлеб радел за нравственность, брызжа слюной, посверкивая стеклами очков в массивной оправе. Сейчас оправка тонкая, позолоченная. Но так же безапелляционно восклицает (разговор идет о книгоиздательстве):

— Надо, чтобы у книги был товарный вид, чтобы она хотя бы внешним видом била по башке. Вот недавно приобрел я один детективчик. Содержание так, дрянь. Но зато картиночки! На обложке, представляешь, в одной руке у бабы опасная бритва, а в другой... ну, отрезанный... половой член. Как такую книжицу не купить?!

Да, он явно перековался...

С ЖИРУ БЕСЯТСЯ

Прочитал в газете: одному нашему популярному певцу сделали операцию по откачке жира. Стоимость процедуры все-

го-навсего (!) 50 тысяч «зелененьких». Перевел в уме в рубли. Сколько бы за эти деньги можно было сделать доброго!

А еще подумал: вот наглядная иллюстрация выражения «С жиру бесятся».

Как все же точен народный язык!

К ПРЕКРАСНОМУ — БЕЗ МИЛЛИОНОВ

Приехал к нам немец. Называя его, почему-то перед фамилией произносили слово доктор, наверное, для того, чтобы подчеркнуть значимость персоны.

Доктор в Германии занимался педагогикой, а когда получил пенсию, решил переключиться на благотворительность. Объектом своего душевного порыва избрал Россию.

У нас он пожелал встретиться с творческими ребятами, которые пробуют что-то сочинить. Немец по-русски не говорил и не понимал, ему помогала переводчица.

Вот как гость ответил на вопрос нашей школьницы: «Чем ребята в Германии занимаются и кем они хотят стать?»

Немец говорил долго, его монолог растолковала опять-таки переводчица. И вот что он сказал:

— Дети в Германии, как и во всем цивилизованном мире, увлекаются компьютерами, а хотят стать программистами, менеджерами, экономистами.

— А литературой и искусством они увлекаются? — спросил кто-то.

— Скорее, интересуются, — ответил немец. И добавил: — Ведь чтобы заниматься искусством, нужно, чтобы у родителей на счету была хотя бы пара миллионов долларов.

Я посмотрел на наших ребят и по выражениям лиц понял: слова важного гостя вызвали у них недоумение. Действительно, едва ли у кого из их родителей — простых людей: педагогов, медиков, строителей и прочих — есть эти самые миллионы, но дети тянутся к прекрасному вопреки материальному положению, вопреки, казалось бы, неоспоримой логике, озвученной гостем из Германии.

БЕЗЫСХОДНОСТЬ

Были в командировке в районном городке, центр которого, как напоказ, сплошь покрыт розоватой тротуарной плиткой, — травки не видно. Водитель решил свернуть с асфальта на проселочную дорогу, проехать по тем местам, где родился, где прошли его детство и юность.

Сразу стало трясти на колдобинах, колеса машины разбрызгивали густую черную грязь. А водитель рассказывал:

— Вот поле, на котором мы школьниками картошку сажали. Сейчас бурьяном заросло. Вот сад, где яблоки воровали. Запущен. Вот школа, в которой учился. Теперь и с десяток учеников не наберется. Вот клуб. Он развалился. Вот дом, где моя первая любовь жила. Брошен.

В голосе сорокалетнего мужчины — печаль. И боль.

Да, картина не из радостных. И это в каких-то ста километрах от областного центра, в двадцати — от районного.

Заброшенность, разруха, безысходность... Как после войны.

НЕ СЛЫША СОЛОВЬЯ

Иду неторопко по дачной тропинке. Нечасто выпадает горожанину быть наедине, душа к душе, с природой.

Вдруг — Боже ты мой! — откуда-то сбоку, из редкого кустарника — соловьиная трель. Так неожиданно засвистел, защелкал невидимый певун, словно выстреливая звуки.

Я опешил, остановился, одурманенный непостижимо прекрасной мелодией, живущей в утреннем просторе так же естественно, как восходящее солнце, как голубое с пушистыми облаками небо, как ветерок, играющий яркой листвою осин. Нет, не передать словами эту удивительную песню неказистой с виду серенькой птахи!

Но — это ли не кощунство?! — из рюкзака идущего навстречу мужчины, и, что поразительно, уже по летам довольно немолодого, прорываются крики и визги, хрипы и скрипы. Магнитофон орет во всю дурь, разрывая, разрушая гармонию природы и моей души.

Неужели человек не слышит прелести тишины и трелей соловья? А может быть, он уже и не способен услышать и возрадоваться окружающему миру, возрадоваться жизни, как это надлежит каждому смертному, чей век на земле — лишь мгновение мгновения?

НЕ ЗАБЫЛ К УБЛЕ ДОРОГУ..

— Знаешь, какую раньше Убля была! Бывало, в детстве подбежишь к обрыву, бултых с размаху в омут. Долго в воде идешь головой ко дну, глаза открыты, только темь зеленую и видно. А все равно тверди руками не коснешься. Вынырнешь — дух захватывает!

Рыбной река была. Когда вода светлая, на отмелях можно было сверху косяки увидеть. И не только мальков. Порою

такая щука хвостом по глади даст — круги потом долго идут. Сомы в заводях, особенно под корягами, бо-ольшие водились.

С берега на берег редко где можно было перебраться. Вплавь, а то и на лодках добирались на сенокосы.

Правда, давно такое было. Умирать река лет тридцать назад начала, а в последние годы прямо на глазах.

Сначала русло изменилось. Оно во-он где проходило. Потом, как Убля стала мелеть, завернула сюда, «съела» часть берега, то есть подмыла его. Глыбы валились да валились в воду, а по ту сторону — вон отмель образовалась. Деревья на ней, вербы в основном, уже большие вымахали.

А рыба как-то в одночасье ушла. Это, когда в шестидесятые и семидесятые годы стали на поля и луга сыпать всякую «химию» вместо назема, потом ее дождями в реку смывало. Вот и досыпались! Да и где рыбе жить-то: воды в Убле с гулькин нос. Воробей посуху уже ее перейдет.

Мы, пацанва, все лето у воды пропадали. Теперь же местные ребятишки и плавать-то, поди, не умеют.

А я не забыл к Убле дорогу. Нет-нет, да и посижу здесь на бугорочке, детство вспомню. Вода — она очень на жизнь похожа: так же течет-катится, то светлая, то с мутилкой, а то и совсем непрогляд. Но от нее не уйдешь, раз нет другой-то.

Этот монолог я услышал от одного старожилы села Терехова и записал его. И передаю вам в надежде на добрый отклик в сердце вашем.

СРОДНИ ЛЮБВИ К МАТЕРИ

Любовь к природе сродни любви к матери, к своим детям. Их принимаешь такими, какие они есть. Наверное, можно найти внешние изъяны, невидимые любящими глазами, а если и замечаешь вдруг, то не обращаешь особого внимания: ведь родное, кровное!

Я не хочу, чтобы у сына были другие глаза или другие волосы, они — любые! — для меня прекрасны, как и не желаю, чтобы северные реки потекли черт знает куда по чьей-то прихоти. Природа выбрала им единственно верный и необходимый земле путь, и не нам, смертным, указывать рекам, куда, как и зачем течь.

На моих глазах строилась гидростанция на реке Зея. Одурманенный грандиозностью стройки, ее размахом и темпами, я писал бойкие репортажи и бодрые очерки, втайне гордясь своей причастностью к великим свершениям.

Прости мне слепоту душевную, Зоя-матушка, если можно, конечно, простить! Живя вдалеке от тебя, я прозрел, вернувшись однажды на твои берега: никакое творение цивилизации, с какими бы благородными целями оно ни осуществлялось, не сравнится с простыми, естественными творениями природы — чистой водою, девственной тайгою, голубовато-малахитовыми сопками. Встала ГЭС, и все изменилось вокруг: переломанное, нами же самими изгаженное. И меньше стало солнечных дней, и тягучие затяжные дожди — плоды испарений с так называемого рукотворного моря — заливают всё вокруг. Как похолодает, серые туманы застилают округу, а зимой в морозном войлоке поблескивают серебристые иголки ледышек.

Неужели мы никогда не опомнимся, не остановимся в неразумных деяниях ради мгновенного и довольно сомнительного блага, безоглядно преобразуя природу?